

Учредитель:

Ю.Л. Мандрика

Издатель

ТОО «СофтДизайн»

Главный редактор

Ю.Л. Мандрика

Корректор М. Дистанова

Оператор ПЭВМ Н. Нохрина

Отдел

«Литературные
университеты»

В.А. Рогачев

Отдел

«Краеведение»

С.Г. Пархимович

Сдано в набор 10.06.98.

Подписано в печать 15.07.98.

Формат 60x84/16.

Гарнитура «SchoolBook».

Офсетная печать.

Бумага офсетная №1.

Уч.-изд. л 5,1

Усл.-печ. 8,43.

Тираж 999. Заказ №334.

Адрес редакции

(для переписки):

625002, г. Тюмень,
а/я 5579.

Лицензия ЛП №063670

от 24.10.94 г.

Тел. (345-2) 25-12-84

ISBN 5-88709-107-x

Отпечатано с готовых
диапозитивов на ГИПП
«Уральский рабочий».
625219, г.Екатеринбург,
ул. Тургенева, 13.

Содержание

ЛИТЕРАТУРНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

ДАТЫ НАШЕГО КАЛЕНДАРЯ

В.Рогачев. На тюменских ветрах 3

ПОЭЗИЯ

А. Гришин. «Не крепость, значит, и не дом...» 8

Л. Ганопольская. Поворот земли 11

ПРОЗА

А.Омельчук. Америка, которую мы потеряли 14

А.Омельчук. Загадки «потайного» писателя 22

К. Михайлов. Рудра. Поэма 28

КНИЖНЫЙ ПРОСПЕКТ

В. Рогачев. Краткие рецензии 56

БИБЛИОГРАФИЯ

Книги местных авторов 60

КРАЕВЕДЕНИЕ В ШКОЛЕ. Ведущая рубрика – Н. РОГАЧЕВА.

История изучения литературы

Тюменского края 64

КРАЕВЕДЕНИЕ

ТЕКСТ-РАРИТЕТ

К. Голодников. Декабристы в Тобольской губернии 68

СЛОВО СПЕЦИАЛИСТА

Н. Горбачева. «В потомках ваше племя оживет» 86

СООБЩЕНИЯ

Е. Коновалова. История тюменской книги 121

А. Чернышов. О церковном предательстве

в русском православии 151

На тюменских ветрах

Началом своей творческой биографии известный в России и на тюменской земле поэт и публицист Александр Гришин считал 1973 год, когда самый популярный журнал СССР «Юность» напечатал цикл его стихотворений. Гришин с ходу вошел в первый ряд поэтического поколения, которое критика окрестила «семидесятниками». Их лирический мир не чурался социальных тем, пафосного воспевания созидательного человеческого труда, но более всего он тяготел к внутренней и несуетной работе души, поиску оригинальных начал бытия и нравственных опор в отношениях со своей эпохой. Философичность образов, уход от официальных догм в «неравнодушную природу» и новую гармонию жизни, свободную от почитания иерархических прописей литературных и околослитературных начальников, пронизывали строки Гришина и поэтов его круга: Олега Хлебникова, Ивана Жданова...

Сам тюменец в начале 90-х годов обозначил берег, от которого они оттолкнулись, и тех из творцов старшего поколения, с кем искали свой путь: Казанцев, Передреев, Рубцов,

Чухонцев, Соколов (Тюменская правда. 1991. 21 декабря).

Не секрет, что эти фамилии — гордость целого направления второй половины нашего века, по-моему, не очень удачно обозначенного в знаменитом споре В. Кожинова с Л. Аннинским на страницах «Комсомольской правды» в начале 90-х годов как «тихая лирика». Возможно, что в условиях тех лет

05.11.1948 — 19.10.1998

маститые критики просто применили эвфемизм, рассчитывая на понятливого читателя.

Гришин с коллегами раскрыли контекст, уловили тенденцию в лирическом развитии: «все во мне и я во всем» (Гютчев) — как символ возвращения к личности, человеку, культуре отношений мира и духовно богатого индивида, более не доверяющего «художественной капле, слившейся с массой»:

Большая получилась перемена
 В моем отечестве...

У, как рычал

Бульдозер на меня, катил каток,
 пустая фраза, как электроток,
 пронизывала судорогой тело.

А между тем упорно и умело
 Обыденное совершалось дело:
 проламывался сквозь асфальт
 цветков.

(70-е годы)

Александр Анатольевич родился в Донбассе, в городе Енакиеве (ныне независимая Украина) 5 ноября 1948 года. Корни свои и начало судьбы он впечатляюще представил в автобиографическом очерке «Там, где мама молодая и отец живой...» с жанровым подзаголовком — конспект романа (напечатан в литературно-художественном приложении «Проталина» к областной газете «Тюменские известия» (1997. № 13. — Кстати, это приложение Гришин редактировал с первого номера. Эта своеобразная газета в газете недавно отметила свой 5-летний юбилей. Она ста-

ла важным фактором региональной культуры, и без нее уже трудно представить текущий литературный процесс).

Закончив факультет журналистики Ленинградского гос-университета, Гришин появляется в Тюменской области. Работал в пресс-центре трубопроводостроительного главка, в «Тюменской правде». Его стихи в это время регулярно появляются не только в местной прессе, но и в ведущих всесоюзных и всероссийских литературно-художественных журналах «Октябрь», «Наш современник», «Урал», «Сибирские огни».

Гришин стремительно входит в профессиональную среду, участвует во многих совещаниях и семинарах молодых писателей страны, и в 1977 году в региональном издательстве в Свердловске выходит его первая поэтическая книга, которую поэт назвал «Стихотворения». Тогдашний председатель областного отделения, известный мастер К.Я. Лагунов приглашает Гришина на работу в писательский союз, где он долго занимал должность референта. Теперь уже сам Александр включается в нелегкое дело руководства местным литературным процессом, участвует в организации совещаний и семинаров молодых тюменских авторов. В 1985 году в столице в самом титулованном тогда издательстве «Советский писатель» выходит его второй поэтический сборник «Быстрая езда».

Книга сразу же становится популярной. О поэзии Гришина заговорили на всесоюзном уровне. В журнале «Литературная учеба» В. Костров написал о глубоком лиризме его стихов, о «вечных темах, пронизанных духом современности». В ленинградской «Неве» И. Фoniaков сказал, что гришинская «Притча» — одно из лучших произведений 80-х годов. В «Огоньке» Гришина заметил Ю. Рост, подчеркнув его одаренность, далеко не областной масштаб творческих исканий.

В конце 80-х годов стихи Гришина появляются на украинском языке в киевском альманахе «Созвездие». В преобразованном «Знамени» по соседству с публикацией самых известных произведений Николая Гумилева, появившейся после долгого замалчивания поэта, были помещены стихи А. Гришина. В «Огоньке» на эту публикацию не замедлила откликнуться Татьяна Иванова — ведущий литературный критик той романтической перестроечной «горячки», выставив высокие оценки.

А сам Гришин формирует новый сборник, ставя во главу угла в нем проблемы экологии человеческой души и экологии природы. В 1990 г. в московском издательстве выходит книга «Неравнодушная природа»:

Вновь обрушилась в душу с небес домовитых скворцов перепалка.
Зеленеет заброшенный рельс,
зарастает крапивою свалка.

Словно выпущенное из пращи,
пролетает над нами светило.

И растет,
и ломает хрящи
Сила духа —

подъемная сила!

После августа 1991 г. Гришин делает свой выбор, вступая в Союз российских писателей на демократической платформе. И вскоре начинает работать в «Тюменских известиях».

На дворе — разгул дикого российского капитализма, в моде литераторы чернушно-порнушной ориентации. Новые издатели не спешат заниматься современной поэзией. Но Гришин не теряет надежды на свой сборник. Печатается в периодике. Ждут лучших времен стихи для детей «Улетели улетальки». Вместе с тюменским литератором Б. Галязимовым Гришин затеял к своему золотому юбилею издание избранных сочинений, томик которых был назван «В никуда, до востребования»...

...Внес свою лепту наш литератор и в первые попытки осмысления художественного пути, пройденного региональной литературой в советское время. В 1984 году областная библиотека выпустила в свет под редакцией А. Гришина солидный рекомендательный библиографический указатель «Тюменская область в советской художественной литературе». Специалисты, конечно же, скажут, что его авторы слыш-

ком вольно обошлись с канонами подобного жанра. Но благодаря этим отступлениям от «законов жанра» в указателе были впервые напечатаны небольшие справки о тюменских писателях, а помещенные аннотации (краткий пересказ содержания указанных произведений) в большей своей части похожи на краткие рецензии...

Троеточие выше не случайно. Именно на этом месте печальным сообщением была прервана статья.

Сейчас, когда имя и творчество Гришина принадлежит истории нашей культуры, яснее видишь, что на первый план в его исканиях вышла философическая лирика. Тревожные раздумья над глобальными и отечественными вопросами конца этого века в жутких вихрях бушующего на планете духовно-нравственного и экологического кризиса:

Не приживляются сердца.

А рядом яблони и вишни
из одного растут ствола.

Так что? Мы

из природы вышли?

Или она из нас ушла?..

Эти мотивы ощутимы в хороших стихах «Вакуумной бомбы», «Эволюции», «Возвращения из путешествия» и других.

Гришин остро переживал парадоксы отечественной истории, народную трагедию, опалившую не одно поколение смертельно опасным огнем. Стихотворение «Старуха»:

А дочь у нее — партизанка,
а сын у нее — полицаи.

Одна была Родине верной,
служил у фашистов другой.

Она — под звездой фанерной,
а он — под Полярной звездой.

Не чурался Гришин атаковать лирические высоты в области интимной лирики. Многие считают, что и в ней есть оригинальное начало. Помню, во время поэтических вечеров он нередко начинал свое выступление со своей баллады «Эта женщина не продается...».

И все же свой неповторимый след Гришин оставил в преодолении нашего давнего русского конфликта творческой свободной личности и давящих свинцовых мерзостей провинциального быта, серого окружения бездушных манекенов, чье равнодушие поглотило не одну судьбу. Вот почему мне особенно близки стихи о провинциальном поэте и прежде всего баллада «Опустившийся интеллигент».

Он сделал свой выбор в отношении российских реформ. В последнем сборнике, подготовленном к тиражированию, мы не найдем его советскую лирику, связанную с темой труда. Не включены поэма «Надым—Пунга» и другие произведения, в которых отразился прекрасный и яростный, губительный для северной природы и культуры аборигенов промышленно-агрессивный мир трудовых

буден нефтяников и газовиков. Такое отношение к собственному наследию — право нашего литератора. Но мое право — любить и принимать эти экспрессивно-романтические вещи, отразившие поэтическое движение 70-х годов на Тюменском Севере. Желающие найдут их в сборнике «Быстрая езда».

Настоящие поэты — пророки. Гришин все знал и предчувствовал. Есть стихотворение, в котором его лирический дар раскрылся предельно обнаженно и трагично. На мой взгляд, перед нами — шедевр русской лирики конца XX века:

По цене продается по бросовой
моя песня...

И ладно, Бог с ней!

Вон в кладбищенской
роще березовой
молчаливый живет соловей.

Пилят воздух
калеными пилами,
рвут железом и режут стеклом.
Вон летит соловей над могилами
и из горла не выкатит ком...

(«Молчаливый соловей»).

В домашнем собрании «В никуда, до востребования» (1998) я наконец-то прочитал его ранние стихи. В разделе «Грехи юности». Как же так, почему же это лирическое чудо было скрыто от нас? Впрочем, повторюсь, такова авторская воля...

Лестничный пролет.

Кот.

На собственных усах висит.

Орет.

И крик горит.

Вот.

Образ боли.

И еще:

Ночь.

Дождь.

Дом.

Окно.

Лестница.

Дрожь.

Дверь.

Темно.

Ключ.

Свет.

Глаза.

«Прочь!».

«Нет!»

Нет...».

Дождь.

Ночь.

(«Прогулка» из цикла
«Импровизация на тему
плохой погоды»)

В стихотворении графически усилен вековечный и всегда молодой конфликт любящих сердец.

Гришин — автор лирического дневника, в котором поэтически зафиксированы мотивы и настроения, карта жизни 80–90-х годов. И в этом разнообразии деталей и примет, событий и рефлексий оказавшего столь щедрым на зло, на жестокие испытания гуманистических идеалов XX века голос тюменского поэта зовет нас:

Не надо сидеть и писать,

А надо сесть и спастись.

Когда в седую рань,
в березовую тишь
вдыхается: Рязань,
а пишется: Париж...
Ползешь, как червь по дну,
вдали от вся и всех.
Все лезешь в глубину,
а надо бы наверх,
к соседу твоему,
запившему в дому,
чтоб рассказать ему
толково что к чему.

Замшелая кора,
валун, Париж, ручей...

Проклятая пора
эзоповских речей!..

* * *

Уходит осень...
Ярких листьев стая
взлетает вкось, сереет вдалеке.
Последний лист, среди ветвей
мерцают,
как ночь любви, висит на волоске.
Я долго в эту ночь не засыпаю,
лежу, прижавшись
к ледяной руке.
...И утром — снегом
осень засыпает,
хоть лист еще висит.
На волоске...

Ерохин в отпуске

— Гони, таксист, на Моховую!..
Там знаю я одну такую
Наталию... Знаешь, нет?
Прости.
С ней можно время провести!

Гони! Еще мы, паря, живы,
еще живем не для наживы.

Сегодня скорости хочу —
плачу!

Не трус, таксист,
не хватит грошей —
отдам пиджак... Еще хороший!
Какая фирма, а? Взгляни.
Гони, гони!

Гони, миллионер подпольный!..
Еще, гляди ты, недовольный...
Чего дрожишь, как банный лист?
Гони, таксист!..

Притча

Тропа... проселочная... шлях
То снег, то пламя краснотала...
Я шел и шел. Мне не хватало
дыханья. Ветер пел: «Приляг».

Я шел. «Остановись, чудак», —
река из-за кустов шептала.
Я плыл. И вот ее квартал
огни. Вот дом ее. Я шаг

прибавил. Я во двор влетел.
«Дошел», — шептал.

«Я так хотел», —
шептал. Дошел! Еще немного.

В подъезд нырнул я, как под лед.
Последний лестничный пролет.
Я — настезь дверь.

А там — дорога...

Колыбельные в поезде «Тюмень—Сургут»

Дети плакали в жестком вагоне
в середине Сибири, на склоне
дня, несущегося в забытыи.
Полки вздрогнули и заскрипели.
Дети плакали, матери пели
колыбельные песни свои.

Обложит стеной пограничной,
чтоб белого света не видеть.
Занудливо и методично
припомнит тебе все обиды.
Он крыши, карнизы и кроны —
до листика! — пересчитает.
И даром, что их миллионы,
по новой свой счет начинает.
Работа его бесполезна.
Судьба его бесперспективна.
Он точно собьется, болезный,
на путь беспробудного ливня.
Без счету разбросаны листья

по лужам, дрожащим,
бесстыжим,
безумен, растрепан, расхристан,
дождь пляшет вприсядку
по крышам.
Еще и еще он швыряет
листву, обливаясь слезами.
Он изгнан из ясного рая.
Изгнанник, забудь о сезаме.
В холодной стране Одинок
устроиться можно уютно...
О жизнь моя — ветер с востока.
О смерть моя — ясное утро.

На столе у тюменского писателя Анатолия Константиновича Омельчука лежит рукопись завершённой книги. Сегодня мы предлагаем главы из нее

Америка, которую мы потеряли

У вас бывает так: на земле есть место, где вы не просто мечтаете побывать, а которое как бы вас ждет, дожидается, притягивает и манит? И встреча, несмотря на все трудности и сложности, попросту неизбежна, так сильно взаимное притяжение человека и места.

О каком историческом факте подумает православный россиянин, когда ему обозначат дату — 1812 год? Полагаю, сто из ста вспомнят единственное — Отечественную войну против Наполеона.

Я и не задаюсь целью найти оригинала, знающего, что именно в 1812 году основана фактория Форт Росс: Россия получала владения в Калифорнии, а если учесть, что некоторое время Калифорния входила в состав Мексики, можно прийти к выводу, что российские владения в Америке распространялись на Аляску и Мексику. Вы этого не знали? Я тоже. Мы это не проходили.

Еще одна историческая подробность, не лишенная пикантности.

Что в вашем представлении Гавайские острова? Знойное солнце, жгучая экзотика, далекие, по Хемингуэю, острова в океане, конечно же, не имеющие никакого отношения к России?

Зря.

К России Гавайи имели самое прямое отношение. Мало того, что владетельный князь Гавайских островов Камехамеха просился под правление российского императора, целых шесть месяцев Гавайи, по существу, тоже были русским владением под управлением флотоводца — русского адмирала Фердинанда Коцебу. Александр I то ли слабовато разбирался в географии, то ли страдал аллергией на экваториальное солнце, но гавайскому русофилу Камехамехе в покровительстве было отказано. Чего только не отыщешь в отечественной истории!

Но, помяная декабриста-империалиста Д. Завалишина, я остановлюсь на Форте Росс. Это он манил-притягивал и неизбежно притянул. Когда из Сан-Франциско, где есть Русская горка, по хорошей американской дороге доберешься до берега Тихого океана, действительно тихого, но бесподобно Великого, не миновать Русской речки. Говорят, она короткая, но мы видим только ее тихо-океанское устье. На дальнем, еще речном, но уже и океанском, берегу безмятежно и бестревожно нежатся тюлени. Тюлени телом мелковаты и столь непривычны, в общем-то, на безлюдных местах, что кажутся игрушечными. Но вон один из них не очень ловко, тускло-серебряно сверкнув брюхом, полез в холодную воду, за ним собрался другой. Настоящие тихоокеанские тюлени с Русской речки.

Потом пойдет бесподобная дорога в невысоких, но серьезных горах, и часто под левым колесом внизу, кажется, только океан. Дорога идет впритык к Тихому океану. Справа почти отвесная стена горного ущелья.

Скоро Форт Росс, и значит, ты едешь по российской территории. Бывшей территории бывшей Российской империи. Кстати, сам Сан-Франциско православно принадлежал Тобольской метрополии.

В марте 1812 года Иван Александрович Кусков (явно не подозревая об агрессивных планах императора всех французов Наполеона Бонапарта) спокойно, имея в своем отряде 25 служивых и ремесленников и 80 туземцев с русской Аляски и алеутов, приступил к строительству крепости, которую сразу нарек просто и державно — Форт Росс. Предварительно Кусков миролюбиво обо всем договорился с вождями местного племени кашая помо. Прислал его сюда главный российский американец, главноуправляющий Российско-американской компанией Александр Андреевич Баранов — человек дальновидный, умудренный и перспективно мыслящий. Понятно, большой русский империалист Баранов своему заместителю ставил весьма конкретные задачи: промысел дорогого морского бобра, продовольственное снабжение русских факторий на Аляске.

Кусков оборотисто и добротного построил надежную и симпатичную крепость.

Форт Росс переживал разные эпохи, в том числе времена упадка, запустения и разора.

4 июля 1995 года мы увидели Форт Росс примерно таким, каким он был в лучшие свои времена при Иване Кускове.

Берег крутой, только внизу

у небольших прибрежных скал волнуется и пенится необъятное солнечное пространство океана.

Как же далеко от этого берега до России!

А может, наоборот, близко? Там, за Тихим океаном, — Россия, Сибирь, дальний ее восток, но отсюда — запад.

За деревянным высоким тыном построено немного: дом Кускова, дом Ротчева, часовня, в самой середине — колодец, служебное здание, канцелярия, склады, дом для персонала. Трое ворот, для обороны две башни — блокады.

4 июля — День независимости США и пристойный повод здешним русским собраться в Форте Росс. И не только здешним. Я нечаянно увижу здесь отца Гидеона, с которым встречался в Абалакском монастыре, тобольского историка Александра Бердникова, владыку Василия, которого встречал в православном храме Сан-Франциско, кстати, внука председателя четвертой Госдумы Российской империи, светское имя архиепископа — Василий Родзянко.

Но прежде всего меня привлекает сухощавый высокий старик — настоящий американец! — с прекрасной несколько старомодной русской речью. Да, имя и фамилия — Виктор Петров — подскажут, что он сугубо русских корней.

И хотя он родился в китайском Харбине в семье эмигрантов, от отца с матерью впитал такую любовь к своей исторической родине, что вот уже более полувека пишет летопись американской истории русских людей как XX века, так и всех предыдущих, если американская история окрашена в русские тона.

Он не только писатель, профессор, историк, но и настойчивый общественный деятель русско-американской силы пробиваемости.

Но только благодаря ему...

Перед второй мировой войной Форт Росс представлял из себя руины: стены проломлены, башни порушены, от двух жилых строений только следы срубов. Через Форт Росс, прямо через давнее русское поселение, шла автодорога — национальное шоссе № 1.

Чтобы привести все в божекий вид, требовались миллионы. Американцы доллары считать умеют. Но они не знали настойчивости профессора русского корня. Петров создал Русское историческое общество, затеял несколько процессов против властей штата Калифорния и добился невозможного: шоссе под могучим номером 1 было отведено на солидное расстояние (мы по нему и ехали), а общество нашло средства, чтобы реконструировать исторический форт.

Сошлись два фактора: у американцев очень короткая история, и они не жалеют денег на неполные свои пять исторических столетий. Да и американские русские к Форту Росс питают те чувства, которые позволяют не считать в кошельке скредно каждый цент.

Но только благодаря ему... Человек — главный фактор.

Лучшей реконструкции трудно придумать: в Форте Росс все опрятно, добротнo, продуманно. И неназойливо музейно. Живо. Мелькнула предательская мысль: сегодня Форт Росс выглядит лучше, чем в годы своего создания — во времена Ивана Кускова, когда здесь еще пахло свежеструганым, свежерубленным деревом.

Уже несколько раз по круглым датам здесь проводят костюмированные представления: русский приход в Калифорнию, русская жизнь в Форте Росс. Я видел фотоснимки, конечно, а *la russ*, но правдоподобно, выразительно и красиво.

Лучшего знатока давней русской жизни в Северной Америке, чем мой собеседник профессор «Петрофф», в Америке не найти. В России тоже.

— Кто такой Ротчев? — переспрашивает старый человек, Виктор (он так и не назвал своего отчества), когда мы подходим к изящному строению, обозначенному на

табличке «дом Ротчева». — Александр Гаврилович Ротчев — второй и последний правитель крепости Росс. Кстати, он был женат на урожденной княгине Гагариной, дальней родственнице знаменитого сибирского губернатора. Елена Ротчева и здесь, в тогдашней американской глухомани, вела светскую жизнь, у нее имелась изысканная библиотека, лучшее по европейским меркам фортепьяно. Один французский писатель, заглянувший сюда, отметил, что хозяйка недурно играет Моцарта.

Спустя полтора века дом правителя сохранил характер давней хозяйки: во всем присутствует изысканная простота. Или простая изысканность?

Но именно Александру Ротчеву выпала исторически неблагодарная миссия продавать Форт Росс. За три десятка лет выгодный морской бобр был безжалостно выбит, а сельскохозяйственная колонизация не приносила необходимых для русской Аляски выгод. Русский флаг над фортом реял 29 лет.

Еще одного земляка я встречаю... на кладбище. Вдали от океанского берега, за крепостным тыном стоят кресты. Кладбище, понятно, уже декоративное, старое, давно разрушилось, но, реконструируя Форт Росс, на старом месте воссоздали и кладбище.

Если могли разыскать, на крестах поставили фамилии. На таком простом кресте простая русская фамилия — Василий Васильев. Внизу, мельче — «тобольский крестьянин».

Кто ты, Василий Васильев? Что тебя привело сюда, на калифорнийский берег? Чем ты занимался в русском форту? Что повлекло твою смерть?

Только имя, фамилия. И нет ответов. Но мы догадаемся: влечение пространства, счастливая судьба, новая жизнь — кто преодолеет иску́с этого влечения? И Василий Васильев увлекся.

Александр Бердников ищет здесь следы Осипа Прянишников — толмача, знатока алеутского наречия и тобольского второй гильдии купца. Тоже отчаянный был человек, серьезного куражу и азарта, большой помощник Ивану Кускову. Как превосходный переводчик имел специальный аттестат Резанова. Русская церковь здесь построена и его радением. Уезжал. Возвращался. Тянул тобольского купца Форт Росс.

В доме Кускова два портрета. Мужской и женский. Хозяин. Хозяйка. Холсты прижизненные. Мастер неизвестен, но хорош, выразителен. Дымка времени превращает в патину давние краски.

Глаза женщины на старинном портрете заставляют замедлить шаг.

Вообще, щемящее чувство

некоей исторической сопричастности испытывал я, находясь в Форте Росс, как, впрочем, и сейчас, покинув его. Как будто это не только страница российской истории, но и часть моей личной биографии.

И уже что-то мистическое связывает меня с основателем Форта Росс Иваном Александровичем Кусковым, и непонятное волнение вызывает его роман с калифорнийской индианкой (наверняка, племени кашая помо), ставшей его женой с неиндианским именем — Екатерина Прохоровна.

Два портрета.

Неизвестные люди.

Почему дыхание прерывается? Начинаешь чувствовать загадку... И ее прелести секрет, как у поэта, разгадке жизни равносильны.

Тайные страсти подразумеваешь. Неизведанное. Нечто не рядовое. Или — ничего рядового.

Секреты старых портретов.

Я заметил это именно в Форте Росс. Они не немые. Портреты не молчат. Портретные лики разговаривают с тобой. Но язык их странен и не сразу понятен. Они без слов навевают тебе тайну старинных загадок и разгадок, истину давних страстей, аромат былой жизни.

Без слов.

Впрочем, сугубый реалист профессор Виктор Петров рас-

сеет мои романтические реминисценции.

— Ну что вы! — резко возражает старый Виктор. В каждом его слове какой-то неприличный акцент. Русский акцент, но русского языка начала века.

Увидев мои потускневшие глаза, Петров смягчается:

— Как вам сказать? Русские женщины сюда не ехали, их не везли: женское дело хлопотное, обременительное, психически тонкое. Промыслы — мужское занятие. Одни мужики. Голодные мужики. Только правителям, высшим чинам позволялось ехать сюда с женами. Остальные женились здесь исключительно на индианках или приезжали с алеутками. Иван Кусков был молод, приехал без жены. Екатерина Прохоровна была очень влиятельна. Она — настоящий оберег Форта Росс. Индейцы на крепость не нападали: видимо, она знатного рода. Устроила курсы русского языка, сюда индейцы приходили обучаться русскому: и дети, и даже взрослые. Соседи испанцы в лес ходили только с солдатами — боялись индейцев, а русские бесстрашно шли в одиночку — индейцы их не трогали. Тоже, наверняка, влияние госпожи Кусковой.

Почему русских женщин здесь не было? Да ведь и в Сибири с женщинами имелись проблемы.

Соглашусь с профессором Петровым, но подумаю: почему в конце концов не задалась русская колонизация Калифорнии и дальше американского Севера? Полагаю, и потому, что ехал сюда сибирский мужик без бабы. А что такое мужик без бабы? Перекати-поле.

Самая, может быть, большая ошибка правителей Российско-американской компании. Ехала бы сюда русская женщина, непременно бы обжил американские берега. Это бабье предназначение — осесть, обжиться. Мужик не смог в своем необхожденном одиночестве. Русская баба обжила бы.

Версия...

Неполные тридцать лет — вот и вся короткая русская история Форта Росс в Калифорнии. Казалось бы, зачем вспоминать эту песчинку времени в необъятной пропасти вечности?

Но что-то неотвратимо щемит душу и заставляет помнить, что у твоей родины была и американская история. Чувство сожаления, чувство почти родственной утраты — почему произошло именно так, а не так, как хотелось бы, чтобы не утрачивались иллюзии величия?

Форт Росс — это сила и это слабость тогдашней России, сила россиян и слабость государства. А слабости своей родины прощаешь нелегко.

Доброотно и надежно жили русские калифорнийцы. Жили-обживали новую для себя землю. Думаете, до русских в Калифорнии выращивали кукурузу? Нет, ее внедрил русский агроном Петр Черных.

Мы здесь собирались обосновываться надолго. И любой подвиг первопродчества не обошелся без скромных людей в рясах. Есть гражданский термин — подвиг, в церковном обиходе в ходу другое слово — подвижник.

Мы стоим после традиционной литургии в скромной часовенке Форта Росс с владыкой Василием на обрывистом берегу океана. Владыка в черных праздничных одеждах, седобород, высоколоб, величествен. Он глядит в солнечную спокойную океанскую даль так пристально, как будто надеется рассмотреть отсюда российские берега.

— Русские, пришедшие сюда первыми, были великими русскими. Скромные и великие. А какие удивительные миссионеры! равноапостольные. Какая сила духа! Они работали среди язычников в трудной среде, в сильной конкуренции с католиками испанцами. А ведь с тех еще времен у нынешних алеутов, иннуитов, индейцев продолжается традиция православия. Россия ушла с Американского континента,

а Православная Церковь не уходила, осталась со своей паствой.

Московские церковные православные иерархи очень дружны с американским православием. Наверное, это правильно. Что делить? И ведь прав владыка Василий: Православная Церковь из Америки не уходила. Россия ушла.

— Я чувствую себя здесь ДОМА. В доме своих предков.

Кто же показал настоящую силу духа?

Это надо ценить.

Форт Росс был продан Российско-американской компанией калифорнийскому соседу, как свидетельствуют источники, натурализованному мексиканцу и авантюристу Джону Аугустусу Суттеру. Наверное, недорого — за 30000 долларов. Возможно, по тем временам деньги бешеные, сегодня цена Форта Росс смотрится скромно. Суттер должен был выплачивать доллары в три приема. Два вклада он произвел добросовестно, полностью и в срок. Третий, как поведал нам дотошный профессор Виктор Петров, так до конца и не выплатил. Так что за Соединенными Штатами, если порыться в давних документах, видимо, должок. Время — это деньги и проценты. Наверное, набежало немало. Не потребовать ли за долги? Впрочем, я шучу. Шучу? Но до сердечной боли жалко

этой прекрасной «Русской Америки», которую мы потеряли.

Надо бы сказать о шансе, великом шансе. Вполне вероятно, что Форт Росс, вообще значительная часть Калифорнии могли остаться российскими. Такой шанс был. Один — может, из тысячи, может, из миллиона. Но был. И замешан он на любви и... смерти. Как всегда, смерти несвоевременной. 40-летний директор Российско-американской компании, солидный человек и камергер Николай Резанов, ревизовавший американские владения, в Сан-Франциско влюбился в Кончиту — 15-летнюю дочку испанского коменданта крепости Аргуэлло. Но возлюбленная была католичкой, и православному камергеру на брак требовалось специальное разрешение самого императора, а Кончита — самого папы Римского. Резанов поспешил в Санкт-Петербург. Но Кончита не дожидается пылкого камергера. По дороге Резанов упал с лошади, простудился и скоропостижно умер в Красноярске. Кончита закончит свою жизнь в монастыре, посвятив свою жизнь Богу и своей первой и единственной любви. Но при чем здесь исторический шанс Форта Росс и русской Калифорнии? Резанов вез в столицу не только просьбу на брак с католич-

кой, но и документы (плюс аргументы), чтобы побудить русского императора прибрать к рукам калифорнийские земли севернее Форта Росс. Там тогда не было ни испанцев, ни англичан, только дружески настроенные к русским индейцы. Американский адмирал Бедроуз, изучавший государственную деятельность Николая Резанова, однозначно полагал, что если бы не нелепая смерть, камергер непременно осуществил бы свои идеи. Смерть Резанова следовало оплакивать не только безутешной Кончите, ведь красноярская простуда, в общем-то, повернула ход российско-американской истории. Как дальше распорядилась бы судьба, тут следует помнить и о Крымской войне, и о судьбе Аляски, но все это сослагательное наклонение, а в Красноярске вместе с 42-летним камергером хоронили и этот исторический шанс России — России на трех континентах.

После Резанова идею России трех континентов уже никто активно не высказывал.

Иван Кусков закопал где-то здесь толстую медную доску: надпись — всего три слова «Земля Российского владения».

Доску искали. Но тщетно. Не нашли. Земля хранит...

Земля...

Российского владения.

Загадки «потайного» писателя

Видишь спелые поля, комбайны на опушке, перекуривающих комбайнеров, самолет в небе. Дорога, хотя и сельская грунтовка, вполне сносная. В деревнях по обе стороны дороги попадаются ветхოდrevenние домишки, но все же запустением и пустыню не веет.

И трудно перекинуть переходной мостик и дать себе поверить, что эти места искони староверческие, истово староверческие, что именно здесь жили особые русские православные, что ради веры без боязни и без колебаний могли пойти прямо в огонь.

За деревней Кирсановой (на деревенском озерце плавают пара диких лебедей) по найденной тропинке в березовой рощице мы находим старую часовенку. Старые бревна, ветхие доски. Глухая сырая темь — часовенка без окон. Под навесом у крылечка на подставке несколько иконок. Мы ставим и зажигаем приготовленную свечку.

Эта часовня поставлена в честь, я бы так сказал, местного святого, давнего староверческого вожака Мирона Галанина. Миронушки. Почему-то именно это ласковое имя утвердилось за этим твердым, неистовым старовером.

Две старушки, ревниво наблюдавшие за нами, особенно за телеоператором, проводив нас долгими взглядами, перекрестились непривычными жестами, поправили кустики букетиков у оградки.

Эти непритязательные букетики из простых полевых цветов словно воплощали связь времен и крепость, нерушимость человеческой памяти.

Нет пророка в своем отечестве...

О Мироне Галанине, вся деятельность которого связана с Исетском, Тюменью, Тобольском, я узнал... в Новосибирском Академгородке.

Все известное творческое наследие этого писателя — три странички старославянской вязи. Не маловато ли, чтобы именовать его писателем? Но сам-то Мирон Иванович Галанин никогда в писатели не рвался, это, скорей, для нас интересно, что же во второй половине восемнадцатого века писал человек, похороненный на кладбище деревни Кирсановой Исетского района. Сам-то он себя считал ревнителем истинной веры.

Старообрядческий наставник Мирон Иванович Галанин вошел в сибирскую историю как идейный вождь ста-

роверческого крестьянства Урала и Сибири, попавший в тобольские казематы не только за свои крамольные убеждения, но и за призывы к протесту против власть имущих: как государственных чиновников, так и церковных. А вот член-корреспондент Академии наук из Новосибирского Академгородка, выдающийся современный археограф Николай Покровский открыл Галанина и как писателя: именно ему принадлежит честь открытия тех трех старославянской вязью изукрашенных страниц, авторство которых, несомненно, принадлежит старOVERCHESKO-МУ наставнику Миرونушке.

Кстати, Покровский считает, что большой и, по всей вероятности, главный труд Мирона Галанина еще нужно искать: в старOVERCHESKИХ книгах труд упоминается неоднократно, но в руки исследователей пока не попадался.

Книжная старOVERCHESKая культура — огромный и своеобразный пласт ссыльной и гонимой сибирской народной культуры, долго не изучаемой и до сих пор недостаточно изученной.

Попутно — вспомнили? — старOVERы дали России Третьяковых, Щукиных, Рябушинских, Морозовых, Солдатенковых, Прохоровых.

Кроме солидного новосибирского археологического

центра, в последнее время крупный центр сформировался в Уральском госуниверситете, где трудятся ученики Покровского.

Я встретился с ведущим сотрудником археографической лаборатории УрГУ, кандидатом исторических наук Виктором Ивановичем Байдиным. На сегодня Байдин, пожалуй, самый крупный знаток старOVERCHESKОЙ книжной культуры Южной Тюмени, в том числе он пристально занимается творчеством и личностью Мирона Ивановича Галанина.

Байдин по ревизским «спискам» вычислил дату рождения Миرونушки — год 1726-й. Родился Мирон в деревне Вохминой (ныне несуществующей) на реке ИрЮм — это тогдашний Исетский дистрикт. Кстати, около родной деревни Мирон Иванович готовил самосожжение в начале пятидесятих годов, когда гонения на старOVERов особенно усилились. Правда, оно не состоялось.

Удалось уточнить и дату смерти. Раньше, по косвенным данным, Миرونу Ивановичу прибавляли 6 лет жизни. Прожил же он ровно восемь десятков лет.

Жизнь его была мученической. Девять лет Мирон провел в заключениях: тюрьмах, острогах и казематах. Его дважды пытали в Тобольске, три

года провел в Екатеринбургском остроге. Кстати, работал он на горнозаводском мраморном карьере, причем с осужденными смертниками. Работал один, остальные старoverы так были запытаны, что подниматься не могли. Мирон не лучшим словом поминает тобольского губернатора Федора Соймонова. Сам бывший каторжник, губернатор с рваными ноздрями гуманистом не стал. Со старoverами Соймонов просто свирепствовал.

В начале 1761 года Мирона снова возвращают в Тобольск, где допросом занимался сам православный митрополит Павел Конюшкевич. Присутствовал митрополит, не взирая на сан, и на пытках. Слишком опасен был Мирон. На воле Галанин оказался в 1764 году при либеральном тобольском губернаторе Евгении Петровице Кашкине.

Чтобы доказать Мироново авторство неподписанных текстов, Байдин использовал не только филолого-текстологические, но и математико-статистические методы.

Надо было провести и натурные изыскания. В 1754 году Галанина арестовали на Авраамиевском острове в Тюменском уезде. В рукописи «О древних отцах», авторство которой Мирону приписывалось, но не доказывалось окончательно, исследователь обнаружил такую подробность.

Оказывается, это группа островов среди болот, а не один остров. Такую тонкость мог знать только человек, скрывавшийся на этих болотных островах, а такой факт в биографии Мирона известен: на этих островах его арестовывал сам тюменский воевода с воинской командой. Воевода пошел на приступ старoverческого укрытия после неудачной попытки местных церковнослужителей. Попышки на приступ со служилыми татарами, но их отогнали ружьями и копьями. Только потом в дело вступил сам тюменский воевода и, естественно, доносил по высшему начальству о своей ратной и православной доблести.

Автор в своих произведениях особо не афиширует ни свои страдания, ни свои испытания. Галанин, как старover и крестьянин, считал это неэтичным. Он брался за перо, чтобы писать об общих принципиальных вопросах, и тем отличается от прославленного Аввакума. Но в более поздних старoverческих книгах приводятся свидетельства современников Мирона, и там можно обнаружить детали подвигов Галанина, его мук, стойкости в муках, выдержки в испытаниях, которые он переносил, вступая в смертельно опасные по тем временам конфликты с властью предрежащими. Мирон не по-

ступался верностью своим убеждениям, шел на муки, отстаивал свободу образа жизни крестьянства.

Что же написал писатель Мironушко?

Долгое время было известно только его «Письмо Стефану Тюменскому», открытое Н. Покровским. Группа Байдина обнаружила еще четыре рукописи старинного письма. «Родословие часовенного согласия», «История о древнем благочестии», «О древних отцах», «Послание о вере».

Галанин, по мнению Байдина, — основоположник крестьянской литературы. Конкретная и историческая крестьянская жизнь, построенная на преемственности поколений, никаких провиденциалистских мотивов, теоретических обобщений. Мирон стоял у истока такого подхода к литературе, по его стопам пошли многие авторы староверческих рукописей. Поэтому-то их книги совокупно так и ценны — это крестьянская история России.

Прочтем вместе один галанинский фрагмент из его знаменитого письма Стефану Ивановичу Тюменскому:

«Во-первых, посылаю поклон от лица моего до сырой земли, прошу творца небесного, дабы послал вам жизнь мирную, телесное здравие, душевное спасение. Пишу со слезами от радости, друже

мой присный, что сподобил мя господь бог видеть родной мой край. Много было горя, когда я находился в городе Тобольске: кругом люди веры с нами не одной, как лютыя восставали звери на нас в Знаменском монастыре при Пятницкой церкви, томили во оковах нас со иноком Иоакимом дважды, все у лица было увещевание, дабы нам принять новые обряды никон(ианские). И еще были разные пытки, которыя устроены при монастырских келиях. В етом же монастыре Знаменском находился первый наш подвижник и страдалец за истинную веру протоп Аввакум. Здесь он служил службу по старопечатным книгам три года. В 16... году присланы новыя служебники. Аввакум стал открыто обличать духовенство и народ. Тогда его выслали из Тобольска по приказу Никола патриарха в отдаленные места: на реку Лену, в дальнюю украину, на границу китацкую. Много было жития Аввакумова выписано из архивы, записи Сибирской истории, лист 119. Видел и те монастырские темницы, где томили и морили нашего страдальца инока Авраамия и священника заморили голодной смертью. Видел все: колодников тиранят по рассмотрению сибирскаго губернатора Соймонова. При мне одно-

го монаха из Малороссии Феофилакта, колодника, законного железными цепями, под караулом строгим привезли в Тобольск и били плетями. Участвует при всех тиранствах архиерей Павел. В Успенском монастыре Далматовском я спрашивал монахов, за что так жестоко мучат Мелеса монаха? Мне сказали, что за богохульство. Не знаю положения его. И нас тоже прикавывали к колоткам на железные цепи за неприятие новоизданных книг и новых порядков. Если прочитать дела Тобольского архива, по коей истории \ \ в 1..75 и 1773 годах, номер 115, страшные и зверские пытки властей, как духовных, так гражданских, боюся описывать, как с нами в 1..74 году обращались властью престола царицы Елизаветы Петровны, какия строгия меры были приняты; с 1744 года мы платили оклад за веру, с 1752 года законом нам приказано было носить особое платие и со знаками: все ето мы с терпением пережили. Когда настало время тишины с воцарением императрицы Екатерины Второй, с 1762-го года нам дарована свобода, с 1764-го года отменен двойной оклад за веру, разрешено всем крьющимся христианам возвратится на родину; и мне, грешному и недостойному, сподобил господь пользует-

ся милостию царицы Екатерины, и свободили меня на свободу из тобольских казематов монастырских. Славить нужно всевышнего бога в молитвах и молится за державную императрицу, за здравие ея. Было сильно строго, молились ночами, собирались тайно. Теперь радость — молимся открыто. Был совет на Бешкиле строить часовню. Есть писмо из Старого завода, там заводския христиане посылали инока схимника отца Максима в 1765 году в Москву \ \ для розыскания истинных священников. И они, заводския, нас приглашают на духовный совет, который назначен на 1775 год около сретения господня. У них тамо есть священники, правления от ереси. Некотрия сомневаются о них. Да раздорники творят раздор церковный. Когда гонения были христианам, тогда некогда было выдумать разныя крамолы. Вам единомысленный по вере духовный брат Мирон Галанин».

Галанинский язык — это язык народно-крестьянской среды, в которой он жил и свободу которой он отстаивал до конца. Так что его можно назвать крестьянским, народным писателем. Никакого плетения словес, церковнославянской вязи — только язык, близкий к разговорному, практически понятный и

сегодня. Голая суть. Простой язык — язык правды.

— Ну что, назовем Миرونушку предшественником Пушкина в создании литературно-народного языка? — предложил я. — Предшественник Пушкина Тюменского уезда.

— Это смело и, конечно, спорно. Но личность он яркая и самобытная, а писатель незаурядный. Он — выразитель самосознания крестьянства, высокой его степени, защитник

традиционных и далеко не худших бытовавших в народе ценностей.

Байдин издал все известные галанинские произведения в «Антологии народных писателей Урала и Сибири». С древних страниц разговаривает с нами наш земляк, умница, крестьянский вожак, страстотерпец за веру, первый народный писатель в наших краях, да и в России, вероятнее всего, тоже.

Рудра*

Поэма

82

Через некоторое время они услышали лязг и грохот отпираемых замков. Хаягрива, сопровождаемый своими воинами, вошёл в подземелье и сказал, обращаясь к Рудре: «Я хочу поговорить с тобой, бог. Может быть, мы достигнем мира и согласия».

Они поднялись в тронный зал. Усевшись на трон из красного золота, Хаягрива молвил: «Тебе не удалось убить меня, бог, но удалось испугать. Испытав рану, я стал бояться смерти. Избавь меня от этого страха, и я отпущу тебя и твоего спутника, не причинив вам вреда».

Лишь мгновение колебался Рудра, а затем рассказал Хаягриве о шкуре белого волка, что хранится в святилище Лакшми на далёкой Ланке.

«Я сам надевал эту шкуру, — сказал Рудра, — и с тех пор я знаю, что такое покой». Хаягрива спросил его: «Сколько времени тебе нужно, чтоб принес-

ти шкуру сюда и выкупить за неё твоего ослабевшего друга?».

Рудра ответил: «Я не заставлю тебя ждать. Ведь мой друг быстро теряет жизнь!».

83

Рудра сделал два шага и пришёл к подножью Хималая — обители Шивы. Сделал ещё шаг и поднялся на ледник, на вершину горы. Вместе с ним взлетел северный ветер и принялся вращать тучи над ледником. Шива же сидел на льду, поджав под себя ноги. Его темя, плечи и бёдра покрывал снег. Пред ним на черном плоском камне лежали в ряд семь глиняных черепков, на каждом из которых была начертана руна. Шива смотрел на руны и не поднял головы, когда Рудра встал перед ним. Рудра сказал сам себе: «Если бы Шива глядел сейчас на звезды, он бы заметил меня». Он крикнул северному ветру: «Эй, Сигурд! Покажи Шиве звезды!». Взревел северный ветер, заметался,

* Путь талантливого писателя трудно предугадать. Так случилось и с Костей Михайловым. Принёс в редакцию законченную, как автор считал, поэму «Рудра», он после публикации ее в двух частях журнала (№№1–2) неожиданно предложил еще небольшой отрывок, считая его завершающей частью произведения.

взлетел ещё выше и разогнал облака над горой Хималай. Тотчас открылись и чёрное небо, и яркие звёзды, и полная Луна среди звёзд. Снега засветились, как голубое пламя, всякий предмет отбросил глубокую тень. Но Шива не шевельнулся, продолжая глядеть на руны. Тогда Рудра окликнул его: «Хэй, Шива! Твой сын в беде, он ранен, умирает! Мне нужна Амрита, чтоб исцелить его!».

Но Шива молчал так глубоко, что казалось, будто он отсутствует. Рудра подождал немного, разъярился и пнул черепки ногой. Они разлетелись в разные стороны, а один упал в трещину и потерялся. Не поднимая головы, не глядя на Рудру, Шива сказал: «Ты, Рудра, только что спас мне жизнь. За это я не стану убивать тебя сейчас! Можешь убираться прочь».

Подстрекаемый злобой, Рудра ответил: «А ты, Шива, только что сказал глупость. Я не уйду до тех пор, пока не доведу до тебя суть дела». Тогда захохотал Шива и встал в полный рост, разбрасывая снег. Пар поднимался от его тёмной кожи. Он обнял Рудру, поцеловал его в губы и воскликнул: «Воистину, Рудра, есть в тебе какое-то превосходство! Ведь ты один понимаешь, что даже бог может сказать глупость. Поэтому любая вера пуста! Боги дают советы даром, но за разъяснение нужно платить.

Готов ли ты принять цену и отдать стоимость?».

«В твоей алчности — твоя бедность! — молвил Рудра, освобождаясь от его объятий. Я прошу не ради себя, а ради Агни. Или ты не помнишь, что есть у тебя такой сын?».

«Всякий просящий просит только за себя», — отвечал Шива, вновь садясь на снег. Склонил Рудра голову и произнёс: «Я согласен. Называя цену».

Шива протянул к нему левую руку и разжал ладонь. Зеркало клятвы лежало на его ладони, оно блеснуло, отразив лунный луч. Шива сказал: «Вот зеркало клятвы. Однажды я поклялся перед ним, что не причиню тебе вреда и не склоню к этому кого-либо другого. Эта клятва ограничивает меня, тяготит, но я не могу устранить её, а ты можешь — ведь она была дана ради тебя. Возьми зеркало и разбей его. Тогда я выполню любое твоё желание — одно желание».

Рудра взял зеркало и ударил его о чёрный камень, где прежде лежали руны. С коротким звоном разбилось зеркало, и осколки его канули в снег.

Молча стоял Рудра перед Шивой. Он запутался в своих желаниях и он сказал сам себе: «Ведь я же бог. Откуда у меня столько желаний?». А Шива высунул язык и подразнил его.

«Бе-бе-бе, Рудра! — крикнул он. — Ты сам себя не знаешь, а просишь что-то у Шивы! Или я должен подсказывать тебе? Так я подскажу — слушай!». И Шива трижды выкрикнул: «Майя! Майя! Майя!». От крика его дернулись горы и лавины пошли вниз, заполняя пропасти снежным туманом. Тут Рудра закричал тоже — но без слов, так, как кричат от боли. Продолжая кричать, он обхватил голову руками и принялся раскачиваться, потом отнял руки от головы и хлопнул в ладони — раз, другой, третий. И он начал танцевать, выбивая ритм ладонями и ступнями. Весь мир запрыгал вместе с ним, словно подвешенная игрушка, — и качались горы, и падали леса, поля покрывались оврагами, пустыни скатывались, словно ковры, и вода в морях плескалась, как в чашках. Тогда Шива слепил снежок и, метнув его, попал в лицо Рудре. Прервал танец сын Сурьи, остановился, тяжело дыша. Все голоса умолкли в его голове, он слышал лишь шорохи ветра. Он сказал: «Шива! Дай мне Амриту!». А Шива сказал: «Эх, Рудра, Рудра! Однажды, для того чтоб прервать мой танец, Вишну швырнул в меня Солнцем».

«Нет у меня Амриты, — продолжал свою речь Шива, — ибо это напиток из подвалов Виш-

ну. Пойди и добудь её сам, а я научу тебя, как это сделать».

Слушай же, слушай! Когда мы, боги, просыпаемся, мы долго лежим в темноте и грезим о девах, полных соблазна. Ведь мы мужчины! И наши грёзы становятся явью, и мы овладеваем девственницами, делаем их своими жёнами. Тогда их влагалища сочатся кровью потери, а Вишну собирает кровь в сосуд из красной бронзы. Эта кровь и есть Амрита. Глотнувший её, возвращается к началу, как бы далеко он ни ушёл по пути перемен. Так вот, Рудра! Найди девственницу из рода богов, сделай её женщиной и собери кровь, что прольётся при этом. Тогда у тебя будет Амрита. Я дал достаточное разъяснение?».

Рудра кивнул головой и хотел идти, но Шива удержал его окликом. Он спросил: «Почему ты не захотел обрести любовь Майи? Я бы охотно помог тебе!».

Рудра ответил: «Я сам возьму то, что предназначено мне, ибо от твоего вмешательства всё становится неполноценным».

А теперь я спрашиваю тебя: почему ты не захотел помочь своему сыну? Вдруг бы я произнёс другое желание, то, к которому ты меня склонял, которое как клеймо на моём сердце?».

«Потому что Агни не нуждается в моей помощи, — отве-

тил Шива. — Ему нужна твоя помощь».

Повернулся Рудра и уже пошёл прочь, но тут Шива опять окликнул его. Он сказал: «А знаешь ли ты, Рудра, что за руны лежали передо мной, когда ты здесь появился? Нет? Так вот, слушай, слушай! Однажды Вишну избавил меня от кошмарного сна и я обрёл целое мгновение покоя. Тогда в уме моём сама собой сложилась мантра, могущая наполнить мир счастьем. Будучи произнесённой, всякую боль она бы прекратила и предотвратила и всякую страсть лишила бы силы разрушения. Я записал её рунами, но боялся произнести, ибо это была мантра моей гибели. И вот сегодня утром, созерцая снегопад, решил я наконец-то принести себя в жертву ради счастья всех существ, способных к страданию. Я выложил мантру перед собой и начал читать её, но тут пришёл ты и ударом ноги уничтожил мою запись. А теперь я не помню мантру и не могу восстановить её, ибо одна руна потерялась. Что ты скажешь по этому поводу?».

Пожал Рудра плечами и ответил: «Твои заботы». Потом он покинул вершину Хималая.

86

Рудра задрал голову к небу и крикнул: «Эй, северный ветер, пойдём со мной!». Опустился северный ветер на землю, притих

и стал Сигурдом. Рудра сказал ему: «Мы идём туда, куда ты, Сигурд, хочешь попасть, а я — нет. Эх, Сигурд, Сигурд! Береги своё сердце!». И они пошли в Арьяну через сосновые леса земли Сумер. А чтобы Агни не умер, пока они ходят, Рудра замедлил время. На седьмой день они переправились через реку Сваги и вступили в берёзовые чащи Арьяны.

87

У Лады, младшей дочери Вишну, была серая кошка. По ночам она всегда спала в ногах у хозяйки. Но однажды кошка не пришла домой ночевать. Проснувшись утром, Лада сказала сама себе: «Вот сегодня моя жизнь изменится». Она оделась и расчесала свои светлые волосы, длиной достигавшие поясицы, а потом заплела их в две косы. Она сходила к роднику, умылась и принесла домой кувшин свежей воды. Она окинула стол белой скатертью. И она поставила на стол чаши с водой, мёдом и молоком.

88

Сигурд отказался идти к дому Лады. Он сделал себе шалаш под кустом и остался в нём. А Рудра пришёл к дому Лады и стукнул в дверь. Он спросил хозяйку, не глядя ей в лицо: «Дочь Вишну! Хочешь ли ты помочь своим братьям, тем из них, что ещё живы?».

И когда Лада ответила утвердительно, он продолжил: «Дашь ли ты мне кровь девственности, которая и есть Амрита? Большую часть я привою, но малую толику оставлю тебе. Её вполне хватит для спасения твоих братьев. Они опять станут богами!». И вновь Лада ответила утвердительно. Тогда Рудра велел ей задрать подол и нагнуться. Она спросила его: «Рудра! Неужели ты даже не посмотришь мне в глаза перед тем, как сделаешь это со мной?». Рудра же схватил её за плечи, повернул к себе спиной, толкнул меж лопаток и крикнул: «Исполни молча!». И она исполнила, а он не смог, потому что не хотел её. Он сказал, глядя мимо неё: «Я уйду и вернусь, а когда вернусь, сделаю то, что задумал. Наш договор остаётся в силе».

89

Рудра вернулся к шалашу Сигурда и разбудил уснувшего асура толчком ноги. Он сказал ему: «Эй, Сигурд! Я возьму твою любовь к Ладе, а взамен исполню любое твоё желание — одно желание! И это выгодная сделка — ведь ты получишь своё достояние назад, мне оно нужно лишь временно». Мгновение размышлял Сигурд, а потом согласился. Он был связан своими чувствами, и боль сердца измучила его, и он хотел освободиться. Он только спросил: «Разве возможно

изъять любовь словно предмет? Ведь для неё нет определения!».

Усмехнулся Рудра и сказал усмехаясь: «А ты поумнел с тех пор, как перестал быть северным ветром. Это верно, любовь не имеет сути. Её нельзя поразить словом, ибо она отсутствует среди слов. Её нельзя поразить действием, ибо она отсутствует среди предметов и действие летит сквозь неё, как стрела сквозь тень. И в огне погребального костра не сгорает любовь и, отряхнув пепел тела, она остаётся жить. Она сама — как быстрая птица, но её символы подобны неподвижным тяжким камням. Устрани символ — и ты устранишь любовь. Возьми символ любви — и ты приобретёшь её в собственность. Верь мне, уж я-то разбираюсь в камнях!». И, сказав так, Рудра взял у Сигурда нить с подвешенным к ней золотым браслетом. Он надел её себе на шею и вновь пошёл к дому Лады. А Сигурд остался стоять неподвижно, словно окаменевший. Ведь он был опустошён.

90

В полдень затворила Лада все ставни в своём доме, чтобы стало темно, как в полночь. Она зажгла неяркий светильник и легла на ложе вместе с Рудрой. И Рудра ласкал её так нежно, как ласкал бы Сигурд, если карма позволила ему это. И она открылась для Рудры, и Рудра вошёл в неё через боль и кровь.

Он хотел идти дальше, но она остановила его, сказав: «Ты забыл, а я помню. Собери мою кровь, пока она ещё течёт». Тогда Рудра поднялся с ложа. Взял он свой шлем и собрал в него кровь Лады, как в железный сосуд.

91

В это время брат Лады Хорс — единственный из сыновей Вишну, оставшийся богом, — охотился на лебедей. Оттянул он тетиву лука до правого уха и прицелился в белую лебедь на озерной воде. Но когда он пускал стрелу, рука его дрогнула, и стрела нырнула в воду, не задев птицы. Взмахнула лебедь крыльями, поднялась с воды и улетела, а Хорс уселся на берегу озера и задумался. Он сказал сам себе: «Никогда прежде не лгал мне глаз и рука меня не обманывала. Стрелы мои били без промаха, так, будто цель сама звала их к себе. А теперь что-то случилось со мной или с кем-то из моих близких». Задумался он ещё глубже и узнал обо всём, что сделали Лада и Рудра. Ведь он был бог и мог знать всё, что хотел. С криком ярости вскочил Хорс на ноги. Быстро проверил он стрелы в колчане — шесть лёгких стрел для птицы и одна тяжёлая с железным остриём, убойная для кого угодно. Приподнял он меч из ножен и порезал палец, задев за лезвие. Слизнул он кровь с

пальца и сказал: «Добрые у меня стрелы и меч добрый. Сегодня я убью Рудру Марута!».

92

Долго смотрела Лада на Рудру, пока тот дремал. Она смотрела не отрываясь, ведь она любила его. Когда он проснулся, она сказала: «Я подробно вижу путь, что привёл тебя ко мне. Не по своей воле ты пришёл, но по внешнему принуждению. И не хочу я, чтоб ты проклял меня, когда очнёшься. Ты дал мне мою любовь, а я верну тебе твою». И она протянула руку к нити с браслетом, чтобы снять её с шеи Рудры. Тогда вскинулся Рудра и отстранился, и прижался спиной к стене. «Нет! — крикнул он, захватив браслет в кулак и сжав руку так сильно, что измялось красное золото. — Нет, я не хочу возвращаться!». Поднялась Лада с ложа и встала перед Рудрой обнажённая. «Не делай напрасным всё то, что ты уже совершил, — сказала она Рудре, — а иначе обретёшь меня, но себя потеряешь. И когда оценишь ты потерянное, то обрушишь на меня проклятие и уйдёшь навсегда. А так — ещё есть надежда. Верь мне, я знаю, я предвижу!». И она протянула руку, а Рудра отдал её браслет. Любовь к Ладе стала покидать его сердце подобно тому, как вода покидает пробитый сосуд. Словно больной, словно раненый стонал Рудра, возвращая на

себя одежду. Лада же тем временем заплела волосы в две косы. Она налила в шлем Рудры медовое вино поверх крови и размешала напиток, и вино растворило кровь и стало Амритой. Она наполнила Амритой глиняный кувшин, где прежде содержалось вино. Она замкнула кувшин пробкой и отдала его Рудре, не оставив себе ни капли. Тогда промолвил Рудра с горечью: «Когда я впервые пришёл к тебе, я был как торговец, меняющий товар на товар. А теперь я снова стал торговцем и торгую честно». С этими словами он взял со стола чашу, выплеснул из неё воду и отлил туда немного Амриты. «Это для твоих братьев, — сказал он, указав на чашу. — Им хватит, ведь их мало осталось на свете!».

Но Лада не взглянула на чашу. В глаза Рудры посмотрела она и сказала: «Ясный Рудра! Знай, что теперь у тебя есть дом, где ждут тебя вечно. Что ещё нужно мужчине?». И когда увидел Рудра слёзы в её глазах, то вновь пережил он потерю, и боль потери взорвала его сердце. Действуя с быстротой, присущей совершенному воину, он выхватил кинжал, отсек правую косу Лады, сунул её за пазуху и бросился вон из дома. Но едва он переступил порог, как сердце его совершенно остыло. Он сказал сам себе: «Мне предстоит долгий путь. Зачем таскать с собой бесполезные вещи?». И он бросил косу

возле крыльца, а сам направился к шалашу Сигурда.

93

...И когда лишился Сигурд символа любви, любовь его превратилась в похоть, а похоть разожгла воображение. Он сидел у костра, сопел подобно зверю и представлял, как Рудра совокупляется с Ладой. Но он не чувствовал ревности, а только сильное вожелдение. И он не огорчился, когда Рудра известил его об утрате браслета. Он сказал Рудре: «Вот моё желание, обещанное тобой к исполнению. Хочу я обрести твой облик и твою повадку и внешне быть совершенно как ты на время от заката до рассвета. Ты обещал мне, князь!».

«Да будет так», — ответил Рудра.

Плюнул он в лоб Сигурду и велел растереть слюну по всему лицу. Он пояснил: «Лишь Солнца нижний край коснётся кромки окоёма, и ты преобразишься». Он велел Сигурду: «Обнажись». И когда тот исполнил, он облёкся в одежду Сигурда, а своё снаряжение оставил в шалаше. Затем пошел он прочь, быстро углубился в лес и скрылся среди деревьев. А Сигурд остался ждать преобразования. Ведь он решил воспользоваться обликом Рудры и так овладеть Ладой.

Вот склонилось Солнце к закату, и свершилось обещанное. Ощутил Сигурд краткую дрожь

изменения. Ликом, осанкой и повадкой стал он совершенно, как Рудра. Железным шлемом покрыл он голову, словно тяжким куполом, а тело облёк в длинную кольчугу, дающую тусклый отблеск. Под кольчугой была у него толстая рубаха, плетённая из конопляных верёвок, заправленная в холщовые штаны, шитые конопляной нитью. Обул он ноги в высокие сапоги из буйволиной шкуры, а до того был он обут в лапти из лыка. Широким кожаным поясом охватил он стан над бёдрами, и три руны звенели у пояса, укреплённые на цепочках, — две руны войны и одна руна покоя. А через правое плечо на левую сторону облегла его кожаная перевязь с подвешенным к ней длинным железным мечом в ножнах из чёрного дерева, схваченных серебряными скобами. И была у того меча медная гладкая рукоять, всегда тёплая, когда бы её ни коснулся. Глянул Сигурд в лужу за кустом, осознал свою внешность, обрадовался и сказал сам себе: «Вот теперь я преуспею!». И он побежал к дому Лады не разбирая дороги, продираясь через лесные завалы и заросли. Был он возбуждён и торопился, но сердце его лежало в груди тихо, как камень. И одышка не брала его — ведь он жил дыханием Вишну, а Вишну сейчас пребывал в покое.

Но хотя озверел Сигурд и подобно зверю спешил овладеть

добычей, тень прежнего чувства имела некую власть над его действиями. Вот потому, достигнув дверей дома, где жила Лада, он не мог решиться постучать и стоял, принуждая себя к этому, с поднятой для стука рукой. И вдруг услышал он шорох кустов и шелест трав, и тяжелые шаги на тропе. Пугливый, как и все похотливые, Сигурд метнулся в глубокую тень и спрятался за столбом, державшим кровлю над крыльцом. И увидел он, что из леса вышел бог-воин в красном плаще, расшитом золотыми нитями, в медной броне, с колчаном за спиной и мечом у пояса. Золотая пектораль из трёх равных пластин лежала у него на груди, и на каждой пластине была выбита правая Свастика — символ рода Вишну. Луна освещала его, отражаясь от золота и меди. Тяжёлыми сапогами ступил он на крыльцо, и прочное крыльцо закрипело и дрогнуло, как слабый настил. Неимоверным стал страх, охвативший Сигурда. Решил он было обернуться северным ветром и умчаться прочь, но страх лишил его всякой свободы действия.

Тогда присел Сигурд ещё глубже в тени за столбом и, чтоб не упасть, оперся рукой о землю. С чем-то мягким, шелковистым и, казалось, хранящим ещё тепло соприкоснулась его рука. Он шевельнул пальцами, захватил и поднял с земли косу Лады — ту, которую Рудра отшвырнул, по-

кидая это место. И только сжал Сигурд косу в ладони, как лютая боль возникла в его сердце. Едва удержав крик, он вскочил на ноги и стоял, пошатываясь, прижимая руки к груди, а сердце ворочалось в нём и вздрагивало, словно пробуждаясь. И вдруг ударило оно в полную силу и забилось ровно, и погнало по жилам живую кровь, и понял Сигурд, что жизнь его началась и кончилось. Твердым шагом вышел он из тени, взошёл на крыльцо, схватил сына Вишну за плечи и отбросил его от двери как раз тогда, когда тот хотел постучать. Он сказал изумлённому богу: «Вижу я, что ты задумал зло для Лады. Я буду биться с тобой до смерти, и не войдѣшь ты в эту дверь, пока я жив».

Вгляделся Хорс в лицо противника, сначала просто так, а потом прищурил глаза и посмотрел сквозь Майю, как сквозь плѣнку. Понял он, что перед ним не сам Рудра, а некто, обладающий лишь внешнестью Рудры. Он сказал: «Я Хорс, сын Вишну. Мне нужен Рудра Марут, против него моя злоба. А ты, незнакомец, уходи прочь. Это ведь не твоя битва!».

Сигурд ответил ему: «Не важно, кто я. Я защищаю двери моей возлюбленной». Сказав так, он выхватил меч и ринулся на Хорса.

94

А Хорс уже изготовился к бою, пока Сигурд говорил. Он

был искусный воин, меч его двигался разумно и быстро. С лёгкостью отбил он удар асура и ударил сам, но не для того, чтобы поразить насмерть, а лишь затем, чтоб остановить. Он проткнул Сигурду правое плечо, отступил на шаг и крикнул: «Убирайся прочь, безумный! Я не питаю тяги к убийству, не хочу губить постороннего!». А Сигурд перехватил меч в левую руку, потому что правая рука его повисла, и вновь напал на Хорса. Зазвенели мечи, полетели искры! По ярости нападения понял Хорс, что враг его не отступит, не испугается. И тогда он кольнул Сигурда в сердце. Коротко вскрикнул асур и замер, словно наткнувшийся на преграду. Меч выпал из его руки, а сам он опустился на колени. Часто-часто дышал Сигурд, пытаясь удержать уходящую жизнь, кровь пенилась у него во рту и текла на шею с подбородка. Наклонился к нему Хорс, заглянул в лицо и спросил тихим голосом: «Кто ты? За что отдал свою жизнь, почему не отступился?». А Сигурд ответил ему невнятно, говоря через текущую кровь: «Жизнь свою я обменял на бессмертие. Это хорошая сделка!». И ещё он сказал, улыбаясь: «Спасибо вам, добрые боги! Воистину, вы только добрые и другими не бываете». А потом он умер и повалился ничком к ногам Хорса. Так погиб Сигурд-северный

ветер — был он рождён, как ветер, жил, как демон, а умер, как человек, обретя за миг до смерти и плоть, и кровь, и бес-смертную душу. Всё это случилось с ним, потому что он познал любовь.

95

Разбудил Ладу звон мечей на поляне перед её домом. Окинувшись покрывалом, выбежала она на крыльцо и увидела брата своего Хорса, что склонился над мёртвым телом.

Когда умер Сигурд, то распалась Майя колдовства и вернулся к нему прежний облик. Но одежда его не изменилась, ведь она была настоящей, а не сотканной из слов заклятия. По одежде и признала Лада в убитом Рудру, своего возлюбленного. Она сказала Хорсу: «Брат, то, что ты сделал — непоправимо». И, прежде чем успел Хорс промолвить слова объяснения, она выхватила из его колчана стрелу — длинную, с наконечником из железа и воткнула себе под левую грудь, как дротик, глубоко, до самого сердца. Так и замер Хорс, стоя меж двух распростёртых на земле жертв своего поступка. И меч он бросил, и всю ярость растерял, и слёзы раскаянья настigli его. Он воскликнул: «Неужто уподобился я брату моему Бхиргу! Подобно ему, думал я, что применяю закон, а на самом деле погрязал в беззаконии. Но ведь есть Господь!

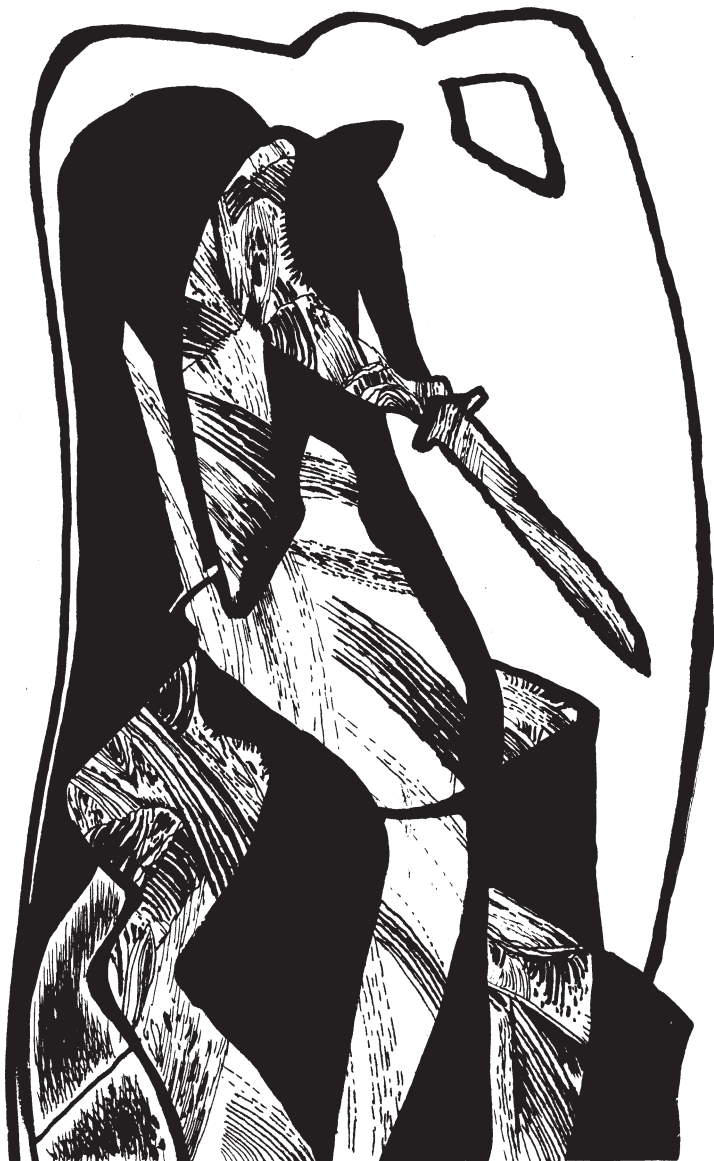
Самое время сейчас взглянуть Ему на меня!».

И улышал он тихий шёпот прямо в правое ухо: «Ты думаешь, что двоих убил? Нет, ты троих убил, а это гораздо хуже! Эй, Хорс! Когда стоишь среди поверженных, будь чутким к звуку дыхания. Вот так ты отличишь мёртвых от умирающих. Оставь мертвых на земле, а умирающих носи в Дом, чтобы помочь им!».

Тогда очнулся Хорс, подхватил с земли Ладу, которая ещё дышала, внес её в дом и поместил на ложе. Он пытался сказать над ней мантру исцеления, но губы не слушались его, а ум путался в словах. Отчаялся Хорс и заметался по дому, хватывая разные предметы и бросая их на пол, как явно бесполезные. И вдруг услышал он, что кошка орёт наверху в тереме. Кинулся он наверх по крутой лестнице, вбежал в терем и увидел серую кошку на полке с кувшинами. Кошка выгнула спину, прижала уши и била лапой по самому малому кувшину в дальнем углу.

96

Так указала серая кошка Хорсу на кувшин с Амритой. Взял Хорс кувшин, спустился из терема и приблизился к ложу сестры. Он выдернул стрелу из груди Лады и уронил каплю Амриты прямо в рану. А остальное — всё, что было в кувшине, он дал ей выпить.

Затянулась рана бесследно, ровное дыхание вернулось к Ладе, и вместо смерти настиг её глубокий сон утомления. И другая рана, та, что Рудра нанёс её лону, тоже затянулась.

Вновь стала девственницей дочь Вишну, ибо Амрита возвращает к началам всё, что продвинулось по пути перемен. Но ребёнок, которого Лада зачала от Рудры, остался в её чреве живым и невредимым. Ведь Амрита не обрывает жизнь, но усиливает её.

97

Брахма не знал, что ему делать, и потому много спал. Но однажды он проснулся среди ночи, и ему показалось, что разбудил его звон разбитого стекла. Браhma взгляделся в сущее сначала глазами, а потом умом. И узнал он, что разбито зеркало клятвы и теперь Шива может злодействовать против Рудры. Браhma сказал сам себе: «Как хитры мои братья! Почему я не такой?».

Он дождался, когда Шива покинет вершину Хималая, и появился там. Огляделся Браhma по сторонам, а потом разулся и стал босиком ходить вокруг чёрного камня, о который Рудра разбил зеркало клятвы. Он ходил по глубокому снегу, и босые ноги его проваливались в снег. Вдруг нечто острое впилося в его стопу и, вызвав боль, проникло до кости. Вскрикнул Браhma, выдернул ногу из сне-

га и извлёк из неё осколок зеркала, подобный узкому клинку. Он положил осколок в кошель, а сам продолжал ходить вокруг камня, двигаясь слева направо. Действуя таким образом, собрал он все осколки зеркала — а было их двенадцать. И шесть из них пронзили правую ногу Брахмы, а шесть других — левую.

Закончив свой труд, Браhma покинул вершину Хималая. А вокруг черного камня появилась тропа из снега, пропитанного кровью.

И потом всякий раз, когда Шиве нужно было подойти к чёрному камню, ему приходилось переступать через кровь брата.

98

Вернувшись домой, Браhma сложил осколки зеркала, подул на них, и они соединились. Он спрятал зеркало в тайном месте и сказал, усмехаясь: «Если бы от клятвы можно было избавиться так просто, то кто бы тогда стал клясться?».

99

Рудра шёл на юг через леса, стремясь быстрее достичь побережья. Однажды он почувствовал запах дыма и вскоре вышел на поляну, где были раскинута шатры и горело множество костров. Это было становище асуров, которые бродили по снегу, как стадо, и искали своего царя. Для асу-

ров миновало уже очень много времени, и большинство из тех, кто помнил Рудру, умерли от старости. А молодые дышали собственным дыханием и не верили в то, что их народ когда-то подчинялся царю. Но они всё равно искали царя, потому что таков был их обычай.

Асуры столпились вокруг Рудры, настроенные враждебно. Но один молодой асур, лишённый правой руки, вдруг встал перед ним на колени и низко поклонился. Другие же спросили его: «Раван, зачем ты кланяешься этому пришельцу? Разве он имеет власть над тобой?».

И Раван ответил: «Он имеет власть над всеми нами, ибо он наш царь».

Тогда они спросили: «Откуда ты знаешь, что он царь?».

«Потому что он отрубил мне руку», — сказал Раван.

Тут молодые асуры расступились, давая дорогу нескольким старикам и старухам, которые шли медленно, опираясь на палки. Старики и среди них Урга — мать Равана тоже встали на колени перед царём. А потом всё племя асуров последовало их примеру.

Тогда Рудра сказал им: «Вы обрели царя, теперь пора обрести царство. Поднимайтесь, рубите чёрные деревья, стройте чёрные корабли. В этом мире есть хорошее место, и я поселю вас там на многие века!».

100

Старые асуры говорили меж собой: «Хорошо быть богом! Наш царь был молод в те дни, когда мы были молоды. Теперь мы жалкие старики, а его молодость осталась неизменной. Почему мы так не можем?».

Но Урга сказала им: «Посмотрите в его глаза, глупцы! Разве вы не видите, как он устал? Мы скоро будем отдыхать, а он останется здесь навсегда. Вечная жизнь похожа на наказание!».

Старики же продолжали роптать: «Вот без царя мы жили спокойно, а теперь строим чёрные корабли и куём мечи, и плетём кольчуги!».

Урга ответила: «Мы ходили по лесам, как животные, собирая коренья. Потомки богов охотились на нас, как на зверей. Мы убивали друг друга, опьянённые беззаконием. Но царь вернулся, и Закон вернулся вместе с ним. Теперь мы снова знаем, для чего живём на свете!».

101

Девяносто девять чёрных кораблей и ещё одну ладью для царя построили асуры. Они взошли на корабли всем народом и ведомые Рудрой поплыли к Ланке. Когда узнала Лакшми, что плывут к ней незваные гости, вышла она на берег Океана и зачепнула воды в плоскую чашу. Она вернулась во дворец и поставила чашу на огонь жертвенника.

Нагрелась вода, и как только пошёл от неё пар, сразу почернело небо над Океаном. Дождь хлынул так сильно, что казалось, будто один водоём опрокинулся в другой. Вот закипела вода в чаше — и вздыбился Океан. Ураганы ринулись со всех сторон, гоня перед собой волны столь огромные, что дно обнажалось в их основании. Всю природу охватила ярость. Поднялись волны и рухнули, поднялись и опять рухнули в облаках пены, а потом пошли вал за валом под свист ветра, ибо мощно кипела вода в чаше.

Во все стороны разбросала буря корабли асуров. Многие из них затонули, унося на дно белых демонов, другие же, до половины наполненные водой, прыгали по волнам, а демоны, которые были на них, молились и кричали от страха.

Понял Рудра причину бури. Твердо встал он на палубе ладьи и крикнул в сторону острова: «Эй, Вритра! Это я, Рудра Марут, плыву на Ланку, чтоб проверить твои пути!».

Хотя дремал заточённый в подвале дракон, но услышал он голос Рудры и дёрнулся во сне. Содрогнулся дворец, как лёгкая хижина, и подпрыгнула чаша на жертвеннике, и перевернулась чаша, и вода залила огонь. Тотчас утихла буря, разрешившись тёплым дождём, и радуга поднялась над Океаном. С помощью заклинания призвал Рудра уцелевшие корабли

к своей ладье. Они прошли под радугой, как под аркой, и причалили к острову.

102

Рудра сказал Лакшми: «Вот мой народ. Он будет жить здесь, потому что я так хочу. Ты погубила многих из них. К оставшимся же будь или благосклонна, или равнодушна, а иначе я тебя покараю».

Лакшми притворилась виновной. «Эта страшная буря и меня напугала! — воскликнула она. — Я думала, что остров вот-вот оторвётся и поплывёт!».

Рудра только усмехнулся на её слова. «Веди меня во дворец, — велел он ей. — Мне нужна шкура белого волка».

Когда они пришли во дворец, Лакшми развязала свой пояс и уронила его к ногам Рудры. Она взяла за руку сына Сурьи и сказала: «Первая женщина остаётся в памяти мужчины даже тогда, когда он теряет разум. Ты не мог забыть меня, Рудра, я знаю!».

Но Рудра освободил руку и ответил Лакшми: «Я познал твою сестру. Она лучше, чем ты. Принеси же мне шкуру белого волка, и побыстрее — ведь я спешу!».

Злоба охватила Лакшми, и она сказала сама себе: «Посмотрим, как быстро ты будешь спешить, когда получишь желаемое!». И она решила погубить Рудру.

103

Сходила Лакшми к тайнику возле жертвенника и принесла оттуда шкуру белого волка. Держа её в руках, она приблизилась к Рудре и вдруг воскликнула, указывая пальцем ему за спину: «Рудра, спаси меня! Вритра оборвал пути!».

Обернулся Рудра, чтоб взглянуть туда, куда она указывала, и в тот же миг Лакшми накинула ему на плечи шкуру белого волка.

Сразу переменялся Рудра. Все стремления покинули его, страсти угасли, а мысли стали простыми, как у ребёнка. Тихонько удалился он в угол, сел там, скрестив ноги, и зашел:

«Девушка из Арьяны
Встретилась мне сегодня,
Тенью меня задела.
И потерял я сердце...
Хоть бы мне улыбнулась,
Хоть бы сказала слово...
Нет, на меня не смотрит
Девушка из Арьяны...».

Слушала Лакшми, как поёт Рудра, и смеялась над ним. Потом она покинула дворец, спустилась к лесу и стала мяукать, точно тигрица во время похоти. На этот призыв вышел из леса огромный тигр. Лакшми ухватила его за шкуру на загривке, словно щенка, и так привела во дворец. Она впустила тигра в комнату, где был Рудра, и заперла двери. Тигр ходил перед Рудрой туда-сюда, рычал и дёргал хвостом. А сын Сурьи смотрел на него, видел

его и ничего не делал. Он только улыбался своим спокойным мыслям. И во всей Вселенной не было в этот миг существа более счастливого, чем Рудра Марут.

Постепенно озлоблялся тигр и рычал всё громче. Он подскокил к Рудре и ударил его лапой по голове, оставив глубокие борозды от когтей. Кровь потекла на лицо Рудры и закапала с подбородка, но он продолжал улыбаться и напевать свою песню. Тогда припал тигр на предние лапы и ощерился, готовясь к смертельному прыжку. Вдруг содрогнулась дверь от мощного удара извне и упала в комнату, сорванная с петель. Раван стоял на пороге, сжимая меч в левой руке. Махнул он мечом и отрубил тигру хвост. Обезумев от боли, вскинулся зверь и с рёвом бросился на асура. Раван же выставил клинок перед собой и распорол тигру брюхо. Но был ещё жив зверь. Он сбил Равана с ног и, упав на него сверху, терзал его когтями. Превозмог боль сын Сигурда, воткнул меч в грудь тигра и повернул лезвие.

104

Когда издох тигр, Раван выбрался из-под его туши и, весь окровавленный, встал перед Рудрой. Наклонился он и сорвал с плеч царя шкуру белого волка. Тотчас очнулся Рудра, тряхнул головой, словно разбуженный, и вытер кровь с лица.

Он поднялся на ноги и сказал Равану: «Ты вернул мне жизнь, но лишил меня покоя. Не знаю, должен ли я благодарить тебя...».

Раван же ответил ему прямо и честно: «Я сделал это ради своего народа. Мне не нужна твоя благодарность».

«Как ты догадался о случившемся?» — спросил его Рудра.

«Мне с детства известно, сколь коварны и беспощадны боги, — ответил Раван. — Вот почему я заподозрил дочь Вишну в злых намерениях. Я следил за ней и видел, что она причинила тебе зло, хотя и не понял, как она это сделала».

«Воистину огонь и ветер сильнее, чем просто огонь и просто ветер...» — пробормотал Рудра, имея в виду родителей Равана.

105

Рудра поставил Равана перед всем народом асуров и сказал: «Белые демоны! Отныне Раван — ваш царь. Подчиняйтесь ему так же честно, как подчинялись мне, и обретёте великую долю. Этот остров я освобождаю от присутствия Лакшми и дарю его вам. Стройте здесь ваши города, растите детей и пользуйтесь благами. Может быть, вы узнаете, что такое счастье, и когда-нибудь расскажете мне об этом. Я же покидаю вас и уйду далеко на север, чтобы делать свои дела. Прощайте!».

И многие асуры плакали, слыша эти слова. А Рудра окутался дымкой Майи, стал невидим и так, невидимый, ушёл от своего народа.

106

Прежде чем покинуть Ланку, Рудра явился во дворец Лакшми.

«Ты поплывёшь со мной», — сказал он дочери Вишну.

Лакшми же стала отказываться и плакать. Тогда Рудра ударил её по лицу и, схватив за волосы, поволок на корабль.

Он сказал: «Горе тому, кого любили безответно! С ним поступают наихудшим образом, когда проходит время любви!».

Он оторвал от платья Лакшми длинный лоскут, смял его и заткнул им рот дочери Вишну, чтобы она не могла произносить заклятия. А потом он привязал её косами к мачте корабля.

Он вернулся во дворец и призвал к себе Равана. Когда Раван пришел, Рудра спустился вместе с ним в подвал и указал на железную дверь. Он сказал: «Этот дворец отныне твой. Делай здесь, что хочешь, но никогда не пытайся проникнуть за эту дверь и даже не прикасайся к ней».

«Могу ли я узнать, что скрывается за ней?» — спросил Раван.

«Нет, — ответил Рудра. — Так будет лучше для тебя и для твоего народа. Кто не ведаёт,

тот и невиновен, а я не хочу, чтобы вы имели вину перед Шивой».

Он говорил так потому, что за дверью был заточён Вритра, лютей дракон, неистовый сын Шивы. Рудра боялся, что Шива обвинит асуров в том, что они не освободили его сына, хотя знали, где он заточён.

Предупредив Равана таким образом, Рудра обнял его и поцеловал в лоб. Он сказал: «Сва, Раван! Будь счастлив!». И он покинул сына Сигурда.

107

На рассвете Рудра поднял парус своей ладьи. Он пересёк Океан и причалил к мысу Хорат. Там была одна пещера, которую он нашёл ещё во время первого плаванья с Ланки на материк.

Рудра привёл Лакшми в пещеру. Он усыпил дочь Вишну заклятием, положил её на камни и пошёл прочь. Но через некоторое время он вернулся, наврал в окрестностях пещеры охапку душистой мягкой травы и сделал из неё ложе для пленницы. Он поступил так, потому что когда-то любил Лакшми и помнил о своей любви, хотя сама любовь уже давно исчезла из его сердца. Он поступил так потому, что помнил.

Уходя, он завалил отверстие пещеры большим камнем, чтобы никто не потревожил сон Лакшми.

108

А в то время, как Рудра добывал шкуру белого волка и устраивал царство асуров, Хаягрива, князь ракшасов, маялся раздумьями.

Испытав однажды страх смерти, он с тех пор только о смерти и думал. Вся жизнь его была отравлена, и он перестал воспринимать удовольствия. Но он никак не мог понять, что такое смерть и почему она так его пугает. В конце концов он решил поступиться гордостью и, спустившись в подвал, где томился Агни, заговорил со своим пленником.

Чтобы начать разговор, он сказал: «Вы, боги, очень жалкие существа. Ведь ваше бессмертие уязвимо!».

Агни ответил ему: «Чёрный демон! Ты преисполнен гордости и глупости. Ты бахвалишься своим бессмертием так, словно оно — твоя сила. Но на самом деле оно — твоя слабость, наказание и ущерб. У тебя ещё будет время убедиться в этом!».

Тогда Хаягрива озлобился и крикнул: «Если ты не объяснишь мне свои слова прямо сейчас так, чтоб я их понял, я зарежу тебя этим чёрным мечом!».

Улыбнулся Агни и покачал головой. «Я объясню тебе то, что ты пытаешься понять, но не потому, что испугался угрозы, а просто так — в подарок», — сказал он.

И он спросил Хаягриву: «Вот

скажи мне, можешь ли ты избавиться от своего бессмертия?».

Подумал Хаягрива и ответил: «Нет».

«А знаешь ли ты, как называется то, от чего нельзя избавиться? — вновь спросил его Агни и сам ответил: — Это называется болезнью».

Догадался тогда Хаягрива, о чем идёт речь. Он воскликнул: «Значит, вы, боги, сильны тем, что можете выбирать между смертью и бессмертием?!».

«Да, это так, — промолвил Агни и добавил, — но мы всегда выбираем бессмертие».

«Вот хорошо! — сказал Хаягрива. — Теперь я знаю, что мне делать. Я соберу всех мудрецов моего царства и заставлю их искать средство для смерти. И когда оно будет найдено, мы, ракшасы, станем как боги и даже выше богов!».

Когда услышал Агни эти слова, то он начал смеяться над Хаягривой. Но Хаягрива был так увлечён новым знанием, что даже не попытался выяснить, почему смеётся его умирающий пленник. Он покинул темницу и поспешил в тронный зал.

Он вызвал писцов и велел им начертать на пергаментях красивыми рунами то, что поведал ему один из богов.

109

Хаягрива поступил так, как сказал. Он собрал во дворце

всех мудрецов своего народа и велел им найти способ умерщвления. И одни ракшасы принялись истязать других ракшасов. Они резали своих соплеменников на части и вынимали из них внутренности, вытягивали жилы и нервы, топили в воде, душили верёвками, закапывали в землю, но всё равно не могли умертвить. Ибо разъятые части ползли друг к другу и соединялись, раны зарастали, удрушенные начинали дышать, едва только их освобождали от верёвки, а утопленные откашливали воду и продолжали жить.

Вопли истязуемых наполнили города и селения, всякая работа была заброшена, царство распалось, ракшасы убежали в леса или прятались в пещерах, чтобы их не могли схватить царские мудрецы. Хаягрива же не обращал внимания на ту боль, которая причинялась его подданным, ибо он считал её несущественной. И он велел мудрецам продолжать до тех пор, пока они не достигнут успеха.

110

Хотя Рудра и замедлил время, он всё равно отсутствовал очень долго. Поэтому он просто сделал три шага и оказался у ворот Майя-Варты, столицы ракшасов. Он шел ко дворцу Хаягривы и удивлялся тому, как запущены улицы города.

Он видел, что с царством рак-

шасов случилась беда, и боялся, что Майя — его возлюбленная — тоже могла пострадать.

Он беспрепятственно проник во дворец: ни стражники, ни слуги не окликнули его. Он нашёл Хаягриву в тронном зале. Тот сидел одинокий на своём золотом троне и угрюмо смотрел перед собой.

«Чёрный демон! Я принёс тебе то, что обещал, — сказал Рудра, развернув перед Хаягривой шкуру белого волка. — Освободи моего друга!».

«Не торопись, бог, — ответил Хаягрива. — Твой друг нужен мне как советник и собеседник. Он останется здесь до тех пор, пока я не исчерпаю все вопросы, которые хочу ему задать».

Рудра же предвидел, что Хаягрива будет упорствовать и попытается расторгнуть сделку. Он сказал: «Я вижу, что мысли о смерти истерзали тебя. В моих руках твоё спасение и отдых. Накинь на себя эту шкуру и обрети благодать спокойного ума!».

Лишь мгновение колебался Хаягрива, а затем выхватил у Рудры шкуру и набросил её себе на плечи. Сразу просветлело его лицо. Он глубоко вздохнул, а потом сильно выдохнул, как выдыхает тот, кто долго шёл с тяжёлой ношей и наконец избавился от груза. Князь ракшасов сидел на своём золотом троне, запахнувшись в шкуру белого волка, и

улыбался улыбкой полного покоя. Он не думал больше ни о жизни, ни о смерти. Понял он, что любое действие — это глупость, суета и утрата.

Слёзы благодарности потекли из его глаз, и он воскликнул: «Спасибо тебе, ясный Рудра! Делай здесь, что пожелаешь, распоряжайся как хозяин, мне ничего не нужно, ибо все мои заботы прекратились!».

Тогда Рудра спросил его: «Скажи, где ты прячешь Майю?».

«Проникни в сердцевину Чёрной Пирамиды, — ответил Хаягрива. — Там ты найдешь Майю. Ты можешь забрать её, если хочешь. Для меня она уже не имеет ценности».

Сделал Рудра полшага и оказался в сердцевине Чёрной Пирамиды. Он увидел там золотой треножник, на котором стоял сосуд из красной бронзы. А больше там ничего не было.

В отчаянье принялся Рудра метаться по залам и переходам, и всюду он звал: «Майя! Майя!». Но в ответ он слышал лишь многократное эхо своего голоса.

В неимоверную ярость впал Рудра. Он воскликнул: «Так, значит, ты всё-таки сумел солгать мне, чёрный демон! Но я знаю, как принудить тебя к правдивости, будь ты проклят!».

Когда Рудра немного успокоился, он вспомнил об Агни и

поспешил в подвал. Агни же был очень близок к смерти. Чернота от раны на ладони уже охватила правую половину его тела и, перейдя через грудину, распространялась в сторону сердца. Он лежал в темноте и стонал.

Он так ослаб, что не смог даже приподняться навстречу Рудре, а только улыбнулся и сказал тихо: «Здравствуй, сын Суры! Ты ходил по длинным дорогам, не так ли?».

«Да, — ответил Рудра, — но я исчерпал всю их длину». С этими словами он извлёк из сумы кувшин с Амритой и протянул его Агни. Он сказал: «Вот, сын Шивы, пей и поднимайся. Пора продолжать жизнь!».

Агни взял кувшин в левую руку и промолвил: «Знаешь, Рудра, чего я больше всего хочу? Я хочу остаться в Доме, заперев за собой прочную дверь. Но я сказал ракшасам, что боги всегда выбирают бессмертие. Как я могу обмануть целый народ!».

И он сделал глоток Амриты.

112

Когда исцелился Агни и вернулась к нему жизненная сила, он сказал Рудре: «Это место меня больше не интересует. Давай уйдём отсюда, будем странствовать и созерцать всё, что попадётся на глаза».

«Уходи, если хочешь, — ответил Рудра. — А мне ещё нуж-

но принудить Хаягриву к правдивости. Я хочу знать, где он прячет Майю».

Тогда Агни стал убеждать Рудру, говоря ему: «Оставь чёрного демона в покое! Он ничего не знает, он обманут так же, как и ты. Ведь никто не может лгать, когда его мысли остановлены!».

Но Рудра только покачал головой и направился туда, где был Хаягрива. Он поднялся в тронный зал и не нашёл там перемен.

Всё так же сидел Хаягрива на своём золотом троне, запахнувшись в шкуру белого волка, и улыбался, словно сквозь сон.

Рудра сказал: «Железная цепь!» — и слова его стали железной цепью, звонкой, с прочными звеньями. Этой цепью сковал он руки и ноги Хаягривы, а остаток цепи трижды обернул вокруг трона. Теперь не смог бы царь ракшасов подняться, даже если б захотел. Но он и не хотел этого.

Бездумно смотрел Хаягрива на действия Рудры, так, как младенец смотрит на хлопоты родителей. Рудра же стал ломать на дрова деревянную утварь — и столы, и скамьи, и прочее, что было из дерева. Так обложил он трон Хаягривы сухой древесиной. И он забрал меч с чёрным лезвием, что был у Хаягривы при себе. А потом он сорвал с царя ракшасов шкуру белого волка и отбросил её в сторону. Тотчас рванулся

Хаягрива с такой силой, что натянулась цепь и литой трон загудел, как колокол. Но он был опутан прочно и не смог даже чуть привстать с сиденья.

«Отпусти меня! — крикнул он Рудре. — И я отдам тебе всё, что у меня есть — и царство, и богатство, и весь мой народ!».

«Отдай мне Майю», — ответил Рудра и ударил кресалом о кремень.

«Разве я уже не выдал тебе место, где она пребывает? Она в сердцевине Чёрной Пирамиды, я скрыл её там по совету Вишну!» — в великом страхе отвечал Хаягрива.

«Я посетил это место, — сказал Рудра. — Там её нет». И он принялся раздувать фитиль.

«Боги, боги похитили её, — закричал Хаягрива. — Только они могли это сделать!».

Но Рудра не слушал его. Он раздул фитиль до огня, а потом сказал Хаягриве: «Агни поведал мне, что ты перед ним бахвалился тем, что бессмертен. Вот сейчас ты проклянёшь своё бессмертие!». И он бросил горящий фитиль на дрова, сложенные вокруг трона. Тотчас вспыхнуло сухое дерево, пламя заревело под ногами у Хаягривы и, набрав силу, поднялось выше, охватив золотой трон и прикованного к нему демона. Страшным криком кричал Хаягрива и рвался во все стороны, пытаясь освободиться, но цепь держала его. Кожа на нём сгорела, и сало

вытопилось, и глаза выкипели, и начали гореть мышцы его. И сверху мясо обгорало до угля, а изнутри оно нарастало. И сколько сгорало, столько и нарастало. Не мог умереть чёрный демон, а муки его были невероятными. Так принял он полное воздаяние за все те боли, что причинил своим соплеменникам.

Рудра же вошел прямо в огонь и стал кричать в ухо Хаягриве: «Скажи мне, где ты прячешь Майю, и я погашу пламя!».

Но Хаягрива больше не понимал слов. Он был лишь сосудом боли и источником крика. Наконец такой силы достиг жар, что расплавилась железная цепь и ракшас освободился. Выскочил он из огня и, дымящийся, рухнул посреди тронного зала. И кровь его кипела на нём, брызгая в стороны. В это время Агни вошёл в залу. Он нагнулся и, подхватив шкуру белого волка, набросил её на Хаягриву. Сразу прекратились крики ракшаса. Он скорчился под шкурой и замер неподвижно.

Тут Рудра вышел из пламени и принялся отряхивать с себя пепел.

Агни спросил его: «Добился ли чего-нибудь, кроме воплей?».

«Нет, — ответил Рудра. — Но зато я знаю, что Вишну будет моим следующим собеседником».

Усмехнулся Агни и промолвил: «Если Вишну плюнет, то

погаснет любой огонь, а если вздумает помочиться, то потухнут даже звёздные пожары. Как ты собираешься его при- нуждать?».

Рудра ответил: «У меня есть для него особенное пламя».

Тогда Агни предупредил его. Он сказал: «Знаешь ли ты, что Трое Бессонных Богов — великие игроки? Они играют, как дети, пока им не надоест. Когда же игра начинает утомлять их, они используют простую силу и всегда добиваются своего. Так было и так будет, и ещё никто не выстоял против их усилий».

Услышав эти слова, внезапно ослаб Рудра, ибо усталость охватила его и стала слабостью. Скрестив ноги, он сел на плиты пола возле Хаягривы. Угли догорали за его спиной, и раскалённый трон светился багровым светом.

Рудра сказал с горечью: «Я лишний. Для меня ничего не предусмотрено. Я хотел покоя, но мне было отказано. Теперь я хочу любви и вновь получаю отказ. За моей спиной нет ничего живого — только трупы, разъятые мечом, и пепел погребальных костров. Мне надоела моя судьба!».

«Кто рождён, тот и лишний, — промолвил Агни. — Мы все лишние. Вспомни, разве мой отец напрягся хоть немного, чтобы спасти меня от смерти? Нет, он смотрел то на звёзды, то на камни, когда я умирал!».

113

Тёмный туман заклубился вокруг Хаягривы и охватил его, как оболочка. И вся та плоть, что выгорела, вернулась к нему. Прежней стала внешность ракшаса, словно огонь и не касался его. Заполз Хаягрива в дальний угол и там прижался к стене, крепко запахнувшись в шкуру белого волка.

114

Покинув Майя-Варту, Рудра и Агни расстались. Агни сел на вершине горы и стал смотреть, как произрастает мох на камнях. А Рудра отправился в Хорат, где он оставил Лакшми. Он достиг пещеры и вошел туда, отвалив глыбу от входа. Вытащил он из ножен меч с чёрным лезвием и занёс его над спящей Лакшми. Тотчас дрогнуло всё окружающее, и Вишну возник в пещере.

Он промолвил: «Сын Сурьи, что ты собираешься делать с моей дочерью — убить её просто так или принести в жертву? Если б ты был, как Шива, ты бы убил её просто так, а если б ты был, как Брахма, ты бы принёс её в жертву, потому что у Брахмы ничего не пропадает задаром. Но ты не Шива и не Брахма, вот ты и колеблешься на волнах противоречий!».

Тогда Рудра сказал ему: «Вишну! Ты должен ценить своих потомков. Их ведь мало осталось на свете! Отдай мне Майю, а я верну тебе дочь».

Здесь нет противоречий, только торговля».

Мгновение размышлял Вишну, а потом ответил: «Хорошо. Пусть будет так. Но я уверен, что ты не хочешь узнать то, что сейчас узнаешь!».

Хлопнул Вишну в ладони и преобразился, ослепив Рудру яркой вспышкой. Когда же прозрел Рудра, то увидел он, что Майя стоит перед ним — женщина-Солнце, чистая красота, которой нельзя овладеть, а можно только любоваться. Обомлел Рудра, выронил меч и протянул руки к своей возлюбленной. Но хлопнула Майя в ладони, и вновь свершилось преобразование. Вишну опять стоял перед Рудрой и смотрел ему в глаза.

И сказал Вишну голосом, полным горечи и утомления: «Майя — это моя душа. Мою душу зовут Майя».

Тогда попятился Рудра от него, нагнулся, подхватил меч и выбежал из пещеры.

Вишну крикнул ему вдогонку: «Подожди, Рудра! Разбуди мою дочь, сними заклятье, и я скажу тебе, как зовут твою душу!».

Но Рудра не обернулся. Он бежал, точно взбесившийся, слёзы заливали ему глаза. Наконец оступился он и рухнул в пропасть с обрыва, переломав себе многие кости.

115

Долго лежал Рудра на дне сумрачного ущелья. Ручей,

что тёк по камням чуть ниже, далеко уносил его кровь. Рудра не говорил мантры исцеления, он ничего не делал, а только смотрел в небо. Беспольный меч валялся рядом с ним. Вдруг некто в красной одежде приблизился к Рудре с левой стороны и сел на камень неподалёку от сына Сурьи.

С трудом повернул Рудра голову и тихо спросил, едва выговаривая слова: «Кто ты?».

Пришелец ответил: «Если бы Я знал себя, то Я бы всем открыл Моё имя. Но Я не знаю себя, а только догадываюсь. Называй Меня, как хочешь, любое слово подойдёт».

«Тогда я назову Тебя — Смерть», — прошептал Рудра.

«Я так и знал, что ты выберешь это имя, — сказал пришелец. — Когда-нибудь оно будет справедливым. Но сейчас лучше всего называть Меня Певцом».

И он пропел над Рудрой мантру исцеления.

116

Рудра не знал, куда ему идти. Все его цели были исчерпаны. Он пришёл в свой старый город — Вихару и поднялся на башню кремля. Там меж камнями уже проросли молодые деревья и всюду был птичий помёт. Рудра стоял на башне и глядел сверху на провалившиеся крыши домов и улицы, заросшие травой. Он

сказал сам себе: «Всё от меня ускользнуло, всё мной потеряно. И не потому, что я слабо держал, а просто так получилось!».

Вдруг услышал он шаги на каменной лестнице внизу, оглянулся и увидел, что это Брахма поднимается на башню. Когда Брахма приблизился, Рудра заплакал и упал перед ним на колени.

«Прости меня, ясный Брахма! — бормотал Рудра сквозь слёзы. — Я не слушал твоих слов, я плевал в твоём доме и я точил меч на тебя! Теперь я знаю, что ты один обо мне заботился, а остальные лишь злобствовали, вытесняли меня из мира! И они преуспели, ясный Брахма!».

Тогда Брахма наклонился к нему, поднял его с колен и отер ему слёзы. Он сказал: «Если бы тебе было незачем рождаться, ты бы не родился. Если бы тебе пришла пора умереть, ты бы уже умер. Но раз ты всё ещё жив, то я дам тебе добрый совет — слушай! Когда все дороги исчерпаны и все войны завершены, нужно идти к женщине, которая тебя любит. Я сам сделал так однажды, и до сих пор об этом не жалею!».

117

Расставшись с Брахмой Рудра направился в Арьяну, к дому Лады. В момент расставания Брахма передал ему зеркало клятвы и сказал: «В глубине этого зеркала все страхи моих братьев. Оно послужит тебе щитом, когда разгорятся новые войны. А они непременно разгорятся, ибо угли продолжают тлеть!».

118

Ранним утром под пение птиц подошёл Рудра к дому Лады и стукнул в дверь. Он сказал Ладе: «Здравствуй! На этот раз я пришёл к тебе не по принуждению, а по совету. Не знаю, правильно ли я поступил...».

Лада ответила: «Ясный Рудра! Даже если ты пришёл как гость, я всё равно приму тебя как возлюбленного».

Она добавила к сказанному: «Воистину, хорошо знает жизнь тот, кто дал тебе такой совет».

И они вошли в дом и затворили за собой двери.

119

На этом кончается Книга Рудры, или Книга Богов, и начинается Книга Сварога, или Книга Предтеч.

Книжный проспект

Айпин Е.Д. У гаснувшего очага: Повесть в рассказах о верованиях, обычаях, обрядах и преданиях народа ханты (остяков) Обского Севера. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во; М.: ЗАО «Фактория Арктики», 1998. — 256 с.

В 1998 году известному хантыйскому писателю и общественному деятелю Еремею Айпину исполнилось 50 лет. Ревнитель социо-экономического и духовного возрождения обско-угорских народов получил подарок — новую книгу. Может, автора она и порадовала. А меня — нет. Что бы там ни говорили про наше время, про советское прошлое, про необходимость очиститься от зловерной красной идеологии и предаться чистой литературной игре, авторскому самолюбованию собственными рефлексиями, но если по-честному, нет творчества без идеологии, без авторского выбора, идеала, позиции. И старый горьковский вопрос — «С кем вы, мастера культуры?» — сегодня звучит не менее актуально, чем в 30-е годы.

В переходное время особенно важно, чтобы высокодухов-

ные сентенции писателя, провозглашенная боль за судьбу отечества, за свой народ совпали с этически соответствующим поведением мэтра. Мы знаем судьбу Ахматовой, Пастернака, Заболоцкого, Твардовского... Честь и правду, совесть и чистое свое горение они, по большому счету, не уронили.

В юбилейном издании Айпина меня смущает многое. Создается впечатление, что автор бронзовеет на глазах. Что он не очень внимательно вычитал набор. Иначе почему в выходных данных народ ханты оказался только на Обском Севере? Да, там есть северо-западная ветвь, родом из которой другой большой писатель — Р. Ругин. Но родственники Айпина относятся к ханты из Среднего Приобья.

Конечно, приятно прочитать про себя «summary» на английском языке, а я-то думал, что книга в первую очередь предназначена для своих земляков. Оно, конечно, важно, что про тебя лишний раз узнают местные элиты на Аляске, в Венгрии, на севере Финляндии. Но почему же резюме на английском — перевод невразуми-

тельной аннотации на русском: «Книга хантыйского писателя рассказывает о повседневной жизни таежного охотника. Его нелегкий быт (а у кого он легкий? — *В.Р.*) окрасивается (?) исполненным высокого смысла общением с окружающей природой (обско-угорские народы не общаются, они живут по вековечным законам естественноприродной цивилизации — *В.Р.*), с обитателями рек и лесов (зоопарк, что ли? — *В.Р.*), с богами и богинями (однако! — *В.Р.*). Повествование пронизано сказочными мотивами (надо сакрально-божественными и мифологическими — *В.Р.*), описаниями древних обрядов (нет этого, описывает чужой этнограф-путешественник — *В.Р.*). Отдельный рассказ посвящен замечательному хантыйскому художнику Геннадию Райшеву, чьи иллюстрации делают это издание таким своеобразным (какое кокетство! А между прочим, про Райшева написано изумительное художественно-культурное эссе, весьма далекое от жанра рассказа — *В.Р.*)».

Меня смущает и указание на два издательства. Ладно, знаменитое Средне-Уральское. Тут вопросов нет. А что сделала для издания ЗАО «Фактория Арктики»? Это какая фактория? Из истории северного освоения мы знаем, что там обычно купцы и чиновники обирали северных охотников, за бесценно приоб-

рета соборей и песцов, дары северной тайги и тундры.

С любопытным послесловием выступил известный московский критик В. Огрызко, которого я очень ценю и уважаю за верность северной теме, многолетнюю культурологическую летопись событий и имен в северных искусствах. Послесловие хотя и похоже на парафраз предыдущих его статей, но это этично, более того, творческая судьба Е. Айпина раскрыта и проанализирована глубоко и всесторонне, с массой новых фактов.

Но меня смущает одно обстоятельство в этой статье — подчеркнутый и малодоказательный антисоветизм критика, после 1991 года вдруг прозревшего и увидевшего черные обезображенные «снега» отечественной истории советского периода: «Прошлое — сплошная трагедия», «молодые северяне, оказавшись перед сложнейшим выбором: приобщиться к европейской цивилизации или вернуться к дедовскому промыслу, предпочли прогресс, ведущий человечество в тупик. Поэтому будущее Айпин нарисовал в самых трагических тонах».

Я не думаю, что В. Огрызко не читал дореволюционные монографии, справочники, энциклопедии с материалами об этнокультурных и социальных процессах в истории обско-угорских народов. Их трагедия

началась далеко не в советское время. Да и представлять ханты кочевым народом смешно. Каждый крепкий род, дружная семья имели вполне определенный ареал с четко обозначенным центром.

Конечно, промышленное нефтегазовое освоение вместе с несомненным благом принесло и немалый вред природе и цивилизации ханты. Но я имею честь знать одного высокопоставленного чиновника в ХМАО, который, выслушав в недавнюю пору мои дилетантские инвективы в адрес освоителей, почерпнутые в том числе и из публикаций В. Огрызко, предложил сопровождать его в деловой поездке (на вертолете). Как только мы отлетели от всех этих Сургутов и Нижневартовсков на полсотни километров, сразу же оказались среди девственных лесов, незамутненных рек и озер. Мы несколько раз высаживались на просторные поляны и шли по природным «плантациям», полным ягод и грибов, всяческой живности, одним словом, того великого богатства, которым издревле славилось Среднее Приобье. Об этом чуде рассказывал мне коллега из Тюменского госуниверситета географ-эколог В. Козин, самолично составивший природно-климатическую карту бассейна реки Полуй со всей ее нетронутой первозданностью.

Я понимаю, что безжалостное время уничтожило тради-

ционные центры обитания многих хантыйских родов. Да, это трагедия. Но коли Айпин и его соратники возрождают духовно-нравственную и социо-экономическую традиционную жизнь своего народа, не будут же они срывать с лица земли Сургут и ему подобные города, промустановки. История обско-угорских народов указывает на то, что их роды неоднократно переселялись в силу многих обстоятельств. А теперь, поскольку администрация ХМАО реально участвует в процессе возрождения этих народов, может, стоит и им осваивать новые территории? Уже есть опыт, когда современность удачно сочетается с традициями.

Сто раз правы и Айпин, и Огрызко в своем горьком счете, претворяемом промышленной цивилизации. Но мудрые люди знают: пути преодоления трагедии непросты. В противном случае юбиляр не стал бы заниматься возрождением своего рода, обустройством его угодий. Кстати, сам дух действительно прекрасной книги Айпина противоречит ее черному обрамлению. Он удивительно емко и историофилософски наполнено воссоздал мифологию своего народа, естественно продолженную в легендах и былинах, эпических картинах, обрядах и обычаях родных людей. А странная идеология отрицания прошлого тут ни при чем.

И в этом смысле живопис-

ное оформление книги Г. Райшева вошло в дух и плоть повествования, значительно расширив символикой художественного Космоса его горизонты, выявило еще бьющие родники живой воды для лечения от нынешних бед.

* * *

Сулейманов Б.В. «Я — сибирский татарин»: Поэзия, проза, публицистика/Предисл. Н. Юсуповой. — Екатеринбург: Изд-во «СВ-96», 1998. — 256 с.

Эта книга — торжественно-печальный знак юбилея покойного Булата Валиковича Сулейманова (28 мая 1938 г. — 5 марта 1991 г.). Он стал первым в новое время профессиональным поэтом своего народа, писал прозу, был активным общественным деятелем. Впервые столь полно представлено творческое наследие автора. Поэтические произведения в книге «Мин себер татарымын» практически полностью взяты из последнего прижизненного сборника Сулейманова «Ак метеор» (Казань, 1988). Рассказы и статьи извлечены из периодики. Помещены фрагменты незаконченной повести «Ой-лэнденме, улым?» — «Женился ли, сынок?».

Читатель может познакомиться с автобиографией, написанной в 1980 году. Жаль, конечно, что составитель — сотрудник Тюменской облас-

тной научной библиотеки А. Сайфуллина — не поместила в книгу переводы произведений Сулейманова на русский язык, что расширило бы круг читателей. Хотя понятно, почему избранное практически целиком напечатано на татарском языке. Предисловие Н. Юсуповой тоже дано без перевода. С позиций современных этнокультурных контактов многих народов, живущих на тюменской земле, переводы на русский язык убеждают, что есть важные начала, которые нас объединяют. Цитирую стихотворение «Ледоход» (в переводе А. Гришина):

«Сторонись, любимая,

Берега высокого,

Берега высокого

И ревущих вод.

А не то любовь твою,

Ох, от ясна сокола,

Ох, от ясна сокола

Льдина унесет...».

Песня разрастается,

А река шатается,

Плавится, коробится

Вспухшая вода.

Лед уходит — молодость

С нами не прощается.

Лед уйдет.

Любимая — ни-ког-да!

Творчество Сулейманова заслуживает аналитического разбора, и наш журнал готовит его к публикации.

* * *

Смирнов Н.П. На стремнине жизни. Том I. — Екатеринбург:

Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. — 480 с.

Еще один юбиляр, весьма плодovitый прозаик и публицист из Нижневартовска Николай Павлович Смирнов, свое 60-летие, как видите, отметил выходом в свет первого тома собрания сочинений. Правда, забыл поблагодарить тех, кто финансировал сие дорогостоящее предприятие. В первый том включена документальная повесть «Дорога к Самотлору», рассказывающая о строителях железнодорожного пути из Тюмени в Нижневартовск. Еще одна вещь подобного жанра («Где-то красивая жизнь...») повествует о начале Самотлора. Сериал очерков «Люди нашего города» составил последнюю треть солидного тома.

С критикой Н. Смирнову не везет. Поэтому книгу обрамляют апологетические сочинения строителя-орденоносца Н. Нежданова и журналистки Р. Кострулиной. Издание редактировал Владимир Мылов. А поскольку «хозяин — барин», видимо, наш Н. Смирнов сумел настоять на неповторимости своего стиля. Подчеркну, что я, к примеру, принимаю его неплохие вещи (хотя бы очерки «Любовь к эдельвейсам», «Мэлмьют Кид из САМП» и др.). Я согласен,

что автор «не подведет Самотлор» как певец трудовых буден родного края.

Но почему же том переполнен банальными сентенциями, ложными красотами и просто стилевыми ляпами (уж лучше бы В. Мылов скрылся под псевдонимом). Приведу примеры: «Говорят, как поставишь себя, так и будут относиться к тебе в коллективе. Цех у него стабильный, люди трудятся по многу лет. Особенно рабочие, в том числе вахтовики (!). Неизменно одним составом (поезд, что ли?) более десяти лет трудятся белгородцы, саратовцы, самарцы, местные капитальщики (?). Благодаря высокому профессионализму и старанию, способны решить любую задачу (банальность)».

Язык-с!: «высадились на Салым», «в узловых вехах», «марш-бросок по времени и литературе», «неизменная подборница сцены», «глухим молчанием насторожилась тайга», «девушка с взлетающим голосом», «заглохнет мотор», «спецкор связал их покрасневшие на морозе руки», «помахал блистающим зеркально орудием труда», «аскетизм по женской части», «одним выстрелом убивал несколько зайцев».

Пожелаем автору хорошо проштудировать учебник литературного редактирования.

Книги местных авторов

Антохин М.К. Тревожный звон: Стихи. — Сургут: Северо-Сибирское региональное книжное издательство, 1998. — 32 с.

М. Антохин живет и работает в Г. Сургуте. Публиковался в окружной периодике. «Тревожный звон» — первый сборник поэта»

Юрий Афанасьев. Ритмы тундры: Повесть. — Москва, 1994. 72 с. — (Б-чка журн. «Ямальский меридиан»).

Салехардский писатель Ю. Афанасьев знаком читателю дороги читателю. Данная книга снова о коренных жителях севера, о их проблемах.

А.С. Байкалова, Е.Г. Стрельников, О.Г. Стрельникова. Юганский заповедник. — Тюмень: СофтДизайн, 1998. — 160 с.

Авторы — сотрудники Юганского заповедника, который расположен на Западно-Сибирской низменности, в междуречье Оби и Иртыша.

Эта книга — своеобразный экскурс в историю заповедника, а также рассказ о его растительном и животном мире. Издание адресовано тем, кто интересуется природой края.

Г.М. Дмитриев-Садовников. Версты и строки/Редактор-составитель В.К. Белобородов. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. — 224 с., 16 с. илл. — (Люди земли Югорской).

В книге впервые собраны краеведческие статьи, газетные корреспонденции, полевые дневники, стихотворения учителя Г.М. Дмитриева-Садовникова, относящиеся по большей части к периоду его службы в с. Ларьякском Сургутского уезда Тобольской губернии (1904—1913). Публикуемые работы характеризуют природу и население Ваховского края, жизнь Ларьяка в начале XX в. и раскрывают личность автора.

Книга адресована всем, кто интересуется прошлым края.

Ешимов Г.К. Зов: Стихи. — Сургут: Северо-Сибирское региональное книжное издательство, 1998. — 32 с.

Здоровье коренного населения Ямала / В.Ф. Галыгин, А.К. Драгнишников, В.З. Колтун и др. — Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1998. — 214 с.

В монографии анализируются результаты многолетних исследований авторов по медико-социальным проблемам здоровья коренного населения Ямала в условиях современного антропопрессинга. Представлен большой фактический материал, характеризующий демографические процессы и социально-гигиенические аспекты жизнедеятельности в районах расселения малочисленных народов Севера. Рассматриваются вопросы экологической патологии и заболеваний, связанных с иммуногенетическими факторами.

Книга продолжает серию обобщающих трудов, подготовленных в рамках раздела программы научных исследований РАО «Газпром» «Разработка природоохранных мероприятий, экологически безвредных технологий и оборудования для освоения газовых и газоконденсатных месторождений полуострова «Ямал», руководимого директором ИОПС СО РАН профессором В.Р. Цибульским.

Издание рассчитано на специалистов, научно-исследовательская и практическая деятельность которых связана с медицинскими, экологическими, социальными проблемами здоровья и здравоохранением коренного населения Крайнего Севера.

Инженерно-геологический мониторинг промыслов Ямала. В двух томах. Т. I: Моделирование термомеханического взаимодействия сооружений с грунтами / М.М. Дубина, В.В. Коновалов, В.Р. Цибульский, Ю.А. Черняков. — Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1996. — 136 с.

Рассмотрен методический аппарат математического моделирования и мониторинга некоторых естественных и техногенных процессов при эксплуатации инженерных сооружений в природно-климатических условиях п-ова Ямал. Изложена поликомпонентная модель термомеханического поведения грунта при наличии в нем процессов замерзания-таяния поровой влаги. Приведены алгоритмы численного решения соответствующих задач термомеханического взаимодействия инженерных сооружений с грунтовым массивом и примеры прогноза их поведения в нестационарных климатических условиях. Предложены методы расчета мер повышения устойчивости сооружений и уточненные методики расчета параметров осадочных

грунтов оснований в криолитозоне.

Монография продолжает серию, подготовленную в рамках раздела программы научных исследований РАО «Газпром» «Разработка природоохранных мероприятий, экологически безвредных технологий и оборудования для освоения газовых и газоконденсатных месторождений п-ова Ямал», руководимого директором ИОПС СО РАН профессором В.Р. Цибульским.

Книга представляет интерес для специалистов в области проектирования строительства и эксплуатации инженерных сооружений в криолитозоне, а также для научных работников, преподавателей, аспирантов, занимающихся вопросами механики деформируемого твердого тела и реологии.

Инженерно-геологический мониторинг промыслов Ямала. В двух томах. Т. II. Геокриологические условия освоения Бованенковского месторождения / В.В. Баулин, В.И. Аксенов, Г.И. Дубиков и др. Тюмень: Институт проблем освоения Севера СО РАН, 1996. 240 с.

Обобщены материалы по геокриологии на территории Бованенковского газоконденсатного месторождения (п-ов Ямал). Прослежены закономерности формирования и пространственная изменчивость характеристик мерзлых горных пород, формирования температурного режима грунта и развития криогенных процессов. Проанализированы результаты геокриологического прогноза в связи с освоением месторождения и допустимые техногенные воздействия на мерзлые грунты, а также фоновое экологическое состояние природной среды.

Книга продолжает серию моногра-

фий, подготовленных в рамках раздела программы научных исследований РАО «Газпром» «Разработка природоохранных мероприятий, экологически безвредных технологий и оборудования для освоения газовых и газоконденсатных месторождений полуострова Ямал».

Адресована широкому кругу читателей — геологам, географам, почвоведом, строителям, экологам и другим специалистам, деятельность которых связана с изучением и освоением западносибирского Севера.

Мы — дети природы. Хрестоматия по краеведению для 1—2 классов. — 1997.

В книге, адресованной учителям начальных классов учебных заведений различного типа, представлено творчество хантыйских поэтов и писателей.

Мурзин В.В. Стихотворения. — М.: Звонница-МГ, 1998. — 160 л. илл.

Окно на Север: Альманах. — Екатеринбург, Изд-во «Архитектон», 1997. — 176 с.

15 лет в северном городе работает литературное объединение «Надым», где собираются состоявшиеся и начинающие поэты и прозаики, пять последних лет возглавляет его Л. Ефремова. Трое из участников «Надыма» приняты в Союз писателей. У многих вышли книги.

Второй выпуск альманаха посвящен 25-летию г. Надыма. В нем опубликованы произведения около тридцати литераторов города и района.

Природа Ямала /Колл. авторов. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1995.

Книга посвящена характеристике живой природы полуострова Ямал с учетом рамткщего антропогенного пресса на его экосистемы и на фоне описания основных элентов абиотической среды. Она основана на результатах оригинальных исследований авторов, которые проводились в течение более чем тридцати лет. При подготовке книги проанализирован большой объем соответствующей литературы. Основное внимание уделено наземным экосистемам; дается также общая информация о морской среде в прилегающих частях Карского моря. Кроме того, охарактеризованы традиционные способы использования природных ресурсов Ямала, а также обсуждаются наиболее важные региональные проблемы экологической безопасности. Монография рассчитана на широкий круг специалистов, связанных с изучением и промышленным освоением природных ресурсов севера Западной Сибири.

Ромбандеева Евдокия Ивановна: Библиогр. указ. науч. трудов и лит. о жизни и деятельности / Ханты-Мансийская окр. б-ка; Сост. Т. Пуртова, авт. Вступ. статьи М. Мадьярова. — Ханты-Мансийск, 1998 г. — 28 с.

Сержантова А.В. Мелодия романса. Стихи. — Шадринск: ПО «Исеть», 1998. — 92 с.

Стрельников Е.Г., Стрельникова О. Г. Божелесье. Путешествие по Юганскому заповеднику. — Сургут: Северо-Сибирское региональное книжное издательство, 1988. — 32 с. — 35 илл.

Удивительный мир северной природы раскрывают авторы посредством

публицистического повествования и красочных фотографий в фотоальбоме «Божелесье».

Книга адресована краеведам, туристам, школьникам и преподавателям, ученым и всем, кто любит природу.

Цукор А.И. Золотой век Пима.

— Сургут: Северо-Сибирское региональное книжное издательство. — 1997 г. — 144 стр. — 91 илл.

«Золотой век Пима» — это древнейшая история северного народа

ханты и одновременно современная история северного города, который возник в известной нефтяной провинции России — Западной Сибири в конце XX века.

Книга представляет интерес с точки зрения знакомства с материальной и духовной культурой народности ханты, а также познаний в области эволюции человечества в целом и как краеведческое научное издание.

И.Д. Шабалина. Березов. — Санкт-Петербург, «Айю-издательство». 1998. — 124 с.

История изучения литературы Тюменского края

«Литература Тюменского края» — словосочетание, обозначающее таинственное, до сих пор малопонятное явление региональной литературы, которое существует, быть может, лишь в сознании заинтересованных исследователей. При вычленении региональных текстов всегда остается сомнение, не имеем ли мы дело с призраком, с текучим, расплывчатым образом, не поддающимся рациональному истолкованию. В определенной степени оно может быть разрешено в процессе знакомства с историей самого понятия, историей изучения литературы нашего края.

Нужно заметить, что эта проблема до сих пор остается недостаточно исследованной, здесь немало пробелов и явно поспешных суждений. В одной из относительно недавних работ мы можем, к примеру, прочитать: «Изучение тюменской литературы началось уже довольно давно, с конца 50-х — начала 60-х гг.»¹. Речь идет, естественно, о пятидесятых годах нашего века. Преодолеть подобные заблуждения необходимо как можно быстрее, хотя бы потому, что литературное краеведение, став одним из школьных предметов, перестало быть областью сугубо филологических штудий.

Творчество писателей-сибиряков привлекло внимание российской литературной критики еще в начале XIX века². Именно в это время, как убедительно показал А.С. Янушкевич, формируется «критика сибирского краеведения». Исследователь отмечает: «Сибирское краеведение — это своеобразная форма регионального самосознания, выработка внутри большого «литературного путешествия по Сибири» критериев правды в искусстве, особенностей изображения необычного и экзотического материала, своего стиля»³.

Развитие краеведческой критики способствовало углублению общественного интереса к региональной литературе и формирова-

¹ Данилина Г.И., Эртнер Е.Н. К истории изучения литературы Тюменского края//Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции «Словцовские чтения-95». Тюмень, 1996. С. 216.

² См. об этом: История русской литературной критики Сибири: Проспект. Новосибирск, 1989.

³ Янушкевич А.С. Особенности сибирской краеведческой критики 1810–1830-х гг.//Традиции и тенденции развития литературной критики Сибири. Новосибирск, 1989. С.23.

нию критериев ее оценки. Однако в первой половине XIX века творчество писателей нашего края П.П. Ершова, П.А. Словцова, Е.Л. Милькеева в российской критике рассматривается вне связи с культурной жизнью Сибири, оно еще не осознается как феномен сибирской словесности. В то же время сами писатели отдают отчет в том, что их произведения во многом порождены условиями сибирской жизни. «Как ни скучна моя родина, а я привязан к ней, как настоящий швейцарец. И то произведение для меня имеет двойной интерес, где выводится моя северная красавица на сцену»⁴, — писал в 1844 г. П.П. Ершов. В рецензии на «Письма из Сибири» П.А. Словцова Н.А. Полевой подчеркивал: «Сибирь, столь мало и столь неверно описываемая донныне, является здесь в картине верной, снятой в природе человеком опытным, умеющим замечать и близко знающим предмет своих замечаний»⁵.

Новый этап изучения литературы Сибири исследователи связывают с развитием идей областничества. Вышедшая в 1865 году статья Н.М. Ядринцева «Сибирь перед судом русской литературы» подвела итоги освоения сибирской темы и при этом высвечивала сложившиеся мифы о Сибири как «безголосом» крае, «золотом дне» или «хладной пустыне». По убеждению Н.М. Ядринцева, местной литературе «должна принадлежать роль указать будущее Сибири и вывести народ ее на путь цивилизации и исторического прогресса»⁶.

В рамках краеведения определилась его специфическая отрасль — литературное краеведение. И хотя сетования на «безголосость» Сибири, бедность сибирской словесности продолжают вплоть до начала XX века, они отнюдь не препятствуют развитию литературно-краеведческих исследований. В этот период литературная жизнь Тобольской губернии рассматривается в едином контексте сибирской литературы. Именно такой взгляд характеризует работы Н.М. Ядринцева («Судьбы сибирской печати», «Судьбы сибирской поэзии и старинные поэты Сибири»), Г.Н. Потанина («Роман и рассказ в Сибири») и сибирскую краеведческую критику в целом. Тем не менее уже в 1880–1890-е годы внутри широкого пространства сибирской словесности обозначаются «областные гнезда».

«Губернские пристрастия» так или иначе проявляют себя в выборе самого объекта исследования, и краеведческая критика Тобольской губернии, естественно, отдает предпочтение вопросам истории литературы своего региона. Во второй половине XIX века в ней оп-

⁴ Петр Павлович Ершов, автор сказки «Конек-горбунок»: Биографические воспоминания университетского товарища его А.К.Ярославцева. СПб., 1872. С.107.

⁵ Цитирую по: Янушкевич А.С. Особенности сибирской краеведческой критики... С.31.

⁶ Ядринцев Н.М. Сибирь перед судом русской литературы//Страна без границ. Тюмень, 1998. Т.1. С.13.

ределяются «сквозные» темы: образ Ермака в русской литературе (*Кузнецов Е.В.* Библиография Ермака: Опыт указателя малоизвестных сочинений на русском и частью на иностранных языках о покорителе Сибири. Тобольск, 1891), история первого сибирского журнала «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» (*Дмитриев-Мамонов А.И.* Начало печати в Сибири// Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск, 1884), декабристы в Тобольской губернии (*Голодников К.М.* Государственные и политические преступники в Ялуторовске и Кургане//Исторический вестник. 1888. № 12; *Дмитриев-Мамонов А.И.* Декабристы в Западной Сибири: Очерк по официальным документам. М., 1895). История русской словесности Западной Сибири воссоздается людьми самых разных профессий. Священнослужителя А. Сулоцкого и журналиста Е. Кузнецова, государственных чиновников А. Дмитриева-Мамонова и К. Газенвинкеля связывает интерес к литературе нашего края. Существенную роль в развитии краеведческой критики сыграла региональная журналистика. «Тобольские губернские ведомости», и «Сибирский листок», хотя и спорадически, обращаются к истории литературы региона. Так в «Тобольских губернских ведомостях» появляются статьи о П.А. Слобцове, М.С. Знаменском, Д.П. Давыдове.

Не удивительно, что общие вопросы развития региональной словесности обсуждаются на страницах краевой печати крайне редко. Едва ли не исключением на общем фоне выглядит статья П.М. Головачева «Изящная литература и искусства на сибирской почве» (Календар Тобольской губернии на 1893 год. Тобольск, 1892). Поводом к ее созданию послужил выход в 1891–1892 гг. книги В.И. Межова «Сибирская библиография: Указатель книг и статей о Сибири на русском языке...». Сетую на очевидную скудость сибирской словесности, П.М. Головачев отмечал: «...Трудно ожидать ... беллетристов по профессии в стране, где печатный станок насчитывает себе каких-нибудь 100 лет, где периодическая печать возникла едва 40 лет тому назад и где столь значительные города, как Тюмень, Барнаул и даже Омск, не имеют еще потребности в собственном печатном органе: выше лба уши не растут»⁷. Краеведческая критика и вообще достаточно жестко оценивает состояние региональной словесности: «Нет! Это — не литература, этот «Степной край» (речь идет о газете, издававшейся в Омске — *Н.П.*), а редактор его Кап. Мих. Голодников и сотрудник Ерш — не литераторы»⁸. Нужно сказать, что подобные оценки не характеризуют состояние беллетристики конкретно в То-

⁷ Головачев П.М. Изящная литература и искусства на сибирской почве//Календарь Тобольской губернии на 1893 г. Тобольск, 1892. С.119.

⁸ Не-ерш. Нет! Это — не литература...//Тобольские губернские ведомости. 1893. № 49.

больской губернии, а выражают общее мнение о сибирской литературе как таковой. Уже в 1910-е годы Н. Чужак (Насимович) подчеркивает: «Много разговоров о своем сибирском, много «любви к отечеству и народной гордости», и очень, очень немного подлинного творчества, серьезного искания собственного коллективного «я», своих собственных, не взятых напрокат у метрополии, а выношенных в собственной душе художественных образов»⁹.

В краеведческих исследованиях XX века совершенно явно возобладала тенденция рассматривать творчество русских писателей нашего края в контексте русской литературы Сибири. Именно такой взгляд на литературный процесс региона утвердился в академической науке, в трудах М.К. Азадовского, Б.Я. Бухштаба, Ю.С. Постнова, он определил позицию авторов фундаментального исследования «Очерки русской литературы Сибири» (Новосибирск, 1982) и создателей проспекта «История русской литературной критики Сибири» (Новосибирск, 1989), частично осуществленного в серии научных сборников о сибирской литературной критике XIX–XX вв. Характерно, что работы краеведов Тюменской области в эти издания не вошли.

К сожалению, мы не располагаем данными о том, как складывался процесс изучения литературы нашего края в первой половине XX века на территории Западной Сибири. Однако стоит заметить, что об особом культурном пространстве Тобольской губернии писал еще в 1930-е годы М.К. Азадовский, выделяя его в рамках «сибирской литературы».

Как видно, системное изучение истории русской литературы нашего края, начавшееся в 1950-е годы, было подготовлено сложившимися к этому времени традициями академического краеведения и краеведческой критики. Однако стоит отметить, что именно в 1950–1980-е годы были определены границы самого феномена литературы нашего региона. Практически в течение нескольких десятилетий представление о литературе Тюменского края исчерпывалось исследованиями П.И. Рощевского, Л.Г. Беспаловой, Л.П. Рощевской, Л.В. Полонского. Лишь в конце 1980-х годов определилась явная тенденция разомкнуть литературное пространство Западной Сибири. Краеведческие исследования получили вполне основательное библиографическое оснащение (*Е.Н. Коновалова*. «История тюменской книги». Тюмень, 1998; *В.К. Белобородов, Т.В. Пуртова*. Ученые и краеведы Югры: Библиографический словарь. Тюмень, 1997). Происходит отчетливая децентрализация литературно-краеведческих изысканий, приобретающих более локальный характер: таковы очерки

⁹ Чужак Н. Сибирский мотив в поэзии: (От Бальдауфа до наших дней). Чита, 1922. С.4.

по истории литературной жизни Ишима (Очерки истории Ишима. Ишим, 1994; Ишим: Исторические очерки. Ишим, 1995), Тобольска (*Платонова И.Ф.* «Уважение к минувшему...»: Чтение о Тобольске. В 2 ч. Тобольск, 1996), Тюмени (*Беспалова Л.Г.* Живое прошлое: Писатели XIX века о Тюмени. Свердловск, 1987).

На развитие литературного краеведения последних лет оказывает влияние переиздание краеведческой книги прошлого. Возвращение широкой читательской аудитории трудов по истории и этнографии Сибири, мемуаристики и художественных текстов изменяет картину литературной истории нашего края, так что уже вряд ли кому придет в голову упрекать сибирскую словесность в бедности и равнодушии к судьбе региона.

Литературную карту нашего края существенно изменили и учебные книги по краеведению (Северные родники/ Сост. Федорова Л.В. Сыктывкар, 1995; Немысова Е.А. Хантыйская литература: Ч. 1-2. Ханты-Мансийск, 1996; Слово родного Севера / Сост. Лагунова О.К. Екатеринбург, 1997 и другие). Именно в девяностые годы произошло возвращение литературного краеведения в школу. До этого учебная хрестоматия по сибирской литературе выходила лишь в 1927 году (*Г.П. Вейсберг, Г.М. Пушкарев.* Сибирь в художественной литературе: Науч.-педагог. секцией учен. совета допущено для сибирских школ II ступени. М.; Л., 1927). Однако расширение объекта исследования еще не означает качественно нового уровня в его познании, хотя и создает для этого условия. Нужно отметить, что в региональных исследованиях последних лет достаточно четко обозначился определенный методологический подход к литературе провинции как «локальному тексту». «Такой текст может быть более или менее эксплицирован, может иметь развитое или, напротив, фрагментарное литературное выражение, но в любом случае он развивается как закономерный результат культурно-исторической жизни локуса»¹⁰, — пишет В.В. Абашев. Исследование литературы нашего края как единого текста составляет сегодня одно из продуктивных направлений литературного краеведения (См.: Литература Тюменского края: Книга для учителя и ученика. Тюмень, 1997).

Семиотический подход к региональной литературе повлиял и на характер «школьного» краеведения, поскольку именно он определяет методологические основания для составления хрестоматий по литературному краеведению. Речь идет о вышедших в 1996–1998 гг. книгах «Литература Тюменского края», «Лукоморье» и «Страна без границ». При этом совершенно очевидно, что основная работа в данном направлении еще впереди.

¹⁰ *Абашев В.В.* Пермь/Перемена: ключевое имя в развитии локального текста//Дергачевские чтения—98. Екатеринбург, 1998. С.18.

*Декабристы в Тобольской губернии**

(Из моих воспоминаний)

Знакомство мое с декабристами, более или менее близкое, началось с 1839 г. и продолжалось около 10 лет. В декабре 1839 года, окончив курс учения в Тобольской губернской гимназии, я семнадцатилетним юношей определен был учителем русского языка в Ялutorовское уездное училище. В городе в это время из числа государственных преступников находились на жительстве: Андрей Васильевич Ентальцев¹ с женою Александрой Васильевной², приехавшею к мужу в Петровский завод Иркутской губернии вместе с княгинею Волконскою³; Матвей Иванович Муравьев-Апостол⁴ с женою Марьею Константиновною, дочерью одного офицера в Иркутской губернии, там же и вышедшею за него замуж⁵. При них жили две воспитанницы — подростки Августа и Анна Матвеевны⁶; Иван Дмитриевич Якушкин⁷, с которым М.И. был особенно дружен; Иван Ивано-

вич Пущин⁸ и Евгений Петрович Оболенский⁹ (старые холостяки) и Василий Карлович Тизенгаузен¹⁰. Каждому из них было лет по 50-ти и только Ентальцеву под 60 и Тизенгаузену все 70.

Чтобы иметь понятие о том, в каком захолустье и при какой обстановке эти почтенные люди из аристократических фамилий и получившие все высшее образование принуждены были провести несколько лет своей на рассвете разбитой жизни, необходимо дать понятие о самом месте их жительства и лицах, составлявших тогда сливки уездного общества.

В настоящее время, как известно, контингент цивилизованного общества уездных городов составляют лица, начиная с 8 класса табели о рангах¹¹ и выше, получившие образование в высших учебных заведениях империи, и только ниже 8 класса гимназисты, реалисты и в

* Печатается по изданию: К. Голодников. Декабристы в Тобольской губернии: Из моих воспоминаний. — Тюмень: Тип. А.А. Крылова, 1899. — 28 с. — [Отдельный оттиск из «Сибирской торговой газеты»].

Придавая тексту и сноскам современную орфографию, издатель старался максимально сохранить статью в том виде, в котором ее видел читатель прошлого века.

Сноски, имеющие цифровую нумерацию, принадлежат автору комментариев и помещены в конце публикации. См. С. 85. — *Прим. издателя.*

редких случаях окончившие курс в уездных училищах или учительских семинариях. Не то было назад тому 50 лет и более, когда чиновник, окончивший курс в гимназии, составлял уже исключение. Служители Фемиды большей частью получали образование в уездных и приходских училищах, низших классах духовной семинарии и даже нередко — домашнее, научившись читать, писать и первым правилам арифметики. Самый же город Ялutorовск, находясь от губернского города Тобольска в 260 верстах, по словам местного предания, получил название свое от имени татарского князька Ялутора, основавшего тут свое пребывание во времена еще доисторические для Сибири. Памятников старины в Ялutorовске не осталось; единственным украшением его в описываемое время служили две каменные церкви, да два—три небольших каменных дома весьма неприхотливой архитектуры; из них дом, занимаемый уездным училищем, обращал на себя особенное внимание оригинальностью своей постройки; это было что-то среднее между харчевнею и погребом. Все помещение этого храма наук состояло из трех каморок, тесных и сырых до такой степени, что постронний человек, пробыв в них час времени зимою, выходил оттуда на воздух, как угорелый. В одной каморке помещались 1 и 2 классы (vis-a-vis¹² друг

к другу), разделяясь между собою лишь небольшим, шага в два шириною, проходом для преподавателей. Ученики 1 класса могли безнаказанно делать гримасы ученикам 2 класса, а эти последние в свою очередь отвечать им брандскугелями¹³ из кусков мела или пережеванной бумаги; ввиду такой перестрелки на преподавателях училища лежала двоякая обязанность: сеять в сердца своих пациентов семена просвещения и в то же время останавливать бурные порывы их воинственных наклонностей. Между этими соединенными штатами и 3 классом на пространстве шести шагов длинника и шагов трех поперечника красовалась конференц-зала с одним как будто бы крашеным столом и четырьмя ветхозаветными стульями для чинов училища, получавших здесь от зрителя месячное жалованье.

Если не в привлекательном виде привелось мне в качестве правдивого бытописателя описать помещение уездного училища, то я уже не знаю, как приступить к описанию приходского, или как тогда называемого пригготовительного класса, помещавшегося в старом деревянном амбаре мещанина Кунгурова. Для необходимого святилищу наук света в амбаре этом прорублено было два окна, в которые было вставлено нечто вроде стекол, принявших на себя от времени си-

ний, зеленый, голубой и, кажется, всевозможные цвета, кроме настоящего. Полы, состоявшие из дырявых барочных плах¹⁴, были хотя и не больно красивы, но зато, по крайней мере, безопасны, что никак нельзя сказать о потолке, имевшем такой вид, что середина его обнаруживала сильнейшее тяготение к земной поверхности.

Описав оригинальное устройство единственного в городе и округе в то время учебного заведения, я неизменным считаю сказать несколько слов и об оригинальном начальнике его. Иван Александрович Лукин¹⁵ происходил из остяков Березовского края, получив каким-то редким в то время случаем образование в Тобольской гимназии. Он был роста ниже среднего и ходил всегда мерными шагами, заложив руки назад. Обыкновенный костюм его составляли во все дни, кроме высокаторжественных, когда уже по необходимости нужно было облекать себя в мундирную пару: синяя решетообразная фуражка, верх которой от всесокрушающего времени казался как бы покрытым политурой, синего же цвета вицмундир¹⁶ с брюками, не доходящими до пят, желтый матерчатый жилет с синими стеклянными пуговками и постоянно белый галстук. Финал его костюма составляла синяя же с коротким краганом¹⁷ и длинными висячими рукавами шинель; фрак

же и сюртуков почтенный начальник училища никогда не носил, а сукно на платье покупал обыкновенно не дороже двух или трех рублей ассигнациями за аршин. Затем правду надобно сказать, что он свое дело знал и любил, а казенным рублем дорожил более, чем собственным. Любил он иногда в компании выпить лишнее, возбуждая во всех смех, ну да это и не с одним ним бывало. Упомянув об учебных заведениях Ялуторовска, нельзя умолчать о том, что 50 лет тому назад во всем Западно-Сибирском крае существовала только одна гимназия в Тобольске; остальные же затем города безропотно довольтвовались чем Бог послал: например, Томск — уездным училищем, Омск — казачьей школой, Семипалатинск и Петропавловск — приходскими училищами.

Существовали в Ялуторовске и другие оригиналы, например, почтмейстер Михаил Федорович Филатов¹⁸. Это был великан и силач, любивший также по временам «зашибить муху». В трезвом виде это был человек так себе, любил преимущественно пофилософствовать о предметах религиозного содержания и даже поспорить иногда, например, об апокалиптических пророчествах или столпотворении вавилонском, но в хмельном виде он был ужасом для своего семейства, разгонял из дому жену и детей и

бегал по комнатам чуть не в первобытном состоянии. Выслужившись из почтальонов, он кое-что успел скопить на черный день и был очень дружен со смотрителем Лукиным, и если им случалось где-нибудь пройтись по пятой—по десятой и затем завести между собой какой-либо назидательный разговор, как, например, о казнях египетских или столпотворении вавилонском, то наш Орест и Пилад¹⁹ разгорячались иногда до такой степени, что, наговорив друг другу всевозможных колкостей насчет мозговой интеллекции, расставались злейшими врагами до следующего дня или следующей выпивки.

Окружным судьей был некто Степан Степанович Бурцев, считавшийся остряком в своем кругу; на досуге он не прочь был, подобно прочим, кутнуть порядком, а под веселую руку и отправиться на Запольную улицу, имевшую репутацию Кунавинской слободы в Нижнем²⁰. Будучи человеком семейным, Бурцев вел жизнь кочевую, проводя утро на службе, а вечера и ночи — где приходилось. Когда же случалось, что кто-нибудь из знакомых напрашивался к нему поиграть в картишки, то он обыкновенно отшучивался, говоря: «Прошу покорно, когда угодно, только меня дома не будет». Когда приходил к кому-либо в чайное время и получал приглашение разделить с хозяевами компанию, то он скороговоркой от-

вечал: «Отчаялся уже, друзья, отчаялся»; если же ему случалось сесть за проферанс с дамами и просить закрытого виста, то он, улыбаясь, говорил: «Пойдемте, барынька, в темную».

Про сослуживца его, заседателя окружного суда Михаила Федоровича Епанчина, рассказывали следующий, в наше время неправдоподобный даже, анекдот. Однажды судья, занимаясь в присутствии, обратился к Епанчину с просьбой достать из шкафа, стоявшего в канцелярии, XVI том св. зак²¹. Несчастный старик, не понимая тут злого умысла со стороны начальства, бросился искать просимую книгу и, проискав ее более получаса, при общем смехе канцелярии возвратился в присутствие и отрапортовал судье, что XVI тома налицо не оказалось, а, вероятно, он взят кем-либо из служащих на дом. Спустя после этого недели две судье действительно понадобился XV том, но он, будучи занят каким-то важным делом и не имея времени лично вынуть его из шкафа, обратился к Епанчину, прося подать ему эту книгу.

— Нет, Степан Степанович, — отвечал последний, — XV-то тома нет; будто уж я и этого не знаю.

Естественно, что, кроме подписи журналов, он ничем в суде не занимался.

Единственный врач на город и округ К-в был каждодневно с 11 часов утра пьян, а

иногда, что называется, даже до положения риз.

Были и еще подобные им чудачки-покойники, но распространяться о них не стоит. Я сказал «покойники», и действительно: ныне уже покойники, окончившие свое земное странствие лет 25 и даже 30 тому назад.

Существовали, конечно, и очень порядочные люди, как, например, исправник М-ч²², городничий В-в²³, стряпчие К-но и П-в, но они составляли уже исключение.

Конечно, при таком непредставительном составе городского общества декабристы бывали весьма в немногих домах, а из купцов только у И.Ф. Мамонтова²⁴, друга известного патриота В.А. Алекс*. Кокорева и, подобно ему, миллионера, управлявшего в то время ялutorовским откупом, и у купца Н.Я. Балакшина²⁵.

Таким образом, наилучшее общество Ялutorовска составляли декабристы, но если они бывали только в немногих домах, то и у них бывали также очень немногие из горожан, а из учебной корпорации только законоучитель уездного училища протоиерей С.Я. Знаменский²⁶, я и Жилин²⁷, впоследствии непрременный член Тобольской губернской строительной комиссии.

Ентальцев занимал небольшой деревянный флигель при доме купца Слонина²⁸. Сам А.В.

был больным человеком и редко показывался даже у своих товарищей, у которых зато А. В. на бывала почти каждую неделю. Старик, несмотря на собственное болезненное состояние, с юношеским жаром занимался медициной, не отказывая в своей бесплатной помощи ни богатому, ни бедному и покупая иногда необходимые для того домашние средства даже из собственности своей. Бедняки долго вспоминали этого благодушного бессребреника. Он умер, сколько мне помнится, в Ялutorовске, а жена его возвратилась в Россию²⁹.

И.Д. Якушкин всецело посвятил себя математическим и естественным наукам и, между прочим, устроил на своей квартире, в доме одной бедной вдовы-мещанки³⁰, ветромер, состоявший из утвержденного на высоком шесте горизонтального колеса, открытого для ветров со всех сторон; к оси этого колеса был приделан механизм, приводивший в движение стрелку, которая, вращаясь на циферблате, подобном часовому, показывала сумму ветра в данное время.

С этим-то ветромером вскоре по приезде моем в Ялutorовск случилась довольно забавная история³¹. Почти в течение всего лета в городе и окрестностях его не было дождей; между тем как в дальних селениях их было даже слишком

* Так в издании 1899 г.

много. Нередко собирались над городом тучи, но разносились ветром, быстро разлетались, не оросив ни одной каплей засохших и пожелтевших полей; травы горели, хлеба сохли на корне, и жители, придя в отчаяние от угрожавшей им голодовки, начали уже служить молебны, но не помогло и это — дождей все не было. В столь печальных обстоятельствах между мещанами города распространился слух, что Якушкин, занимаясь черной магией, устроил у себя машину, которая посредством нечистой силы с визгом и скрипом разгоняет собирающиеся над городом тучи, что фармазон Якушкин давно уже продал дьяволу свою душу, а ныне кровью обязался закабалить ему и все христианские души в городе. Ропот этот все более и более увеличивался, и, наконец, составил заговор против такого бесовского наваждения, и вот в одну темную ночь, когда все улеглось на покой, несколько смельчаков с топорами и заступами в руках забрались на двор к Якушкину, срубили шест, разломали на мелкие части механизм ветромера и, выкопав за городом вблизи еврейского кладбища яму, закопали в нее дьявольское наваждение. Слепому случаю удалось доставить невеждам торжество: на третий же день появились на небе тучи, и благодатная влага щедро оросила тоскующую землю. Истребители нечистой силы

торжествовали свой подвиг и впоследствии, уже под веселую руку, рассказывали о нем с видимым удовольствием.

И.Д. был женат на Шереметевой³², несколько раз просившей у него дозволение приехать к нему в Ялуторовск, но он, упорно уклоняясь от этого, упрасивал ее смотреть за воспитанием в Москве детей Ев. и Вяч.³³, из которых один состоял недавно (а может быть, и теперь состоит) управляющим Нижегородской палатой государственных имуществ, а где находится другой — неизвестно.

Друг незабвенного поэта Пушкина И.И. Пущин и товарищ его Е.П. Оболенский жили сначала вместе на холостую ногу в доме купца Бронникова³⁴; впоследствии же времени они разошлись, и вот по какому случаю: у Пущина жила недурненькая горничная или экономка, что-то вроде этого, по имени Варя³⁵ — девушка лет двадцати; Оболенский при всей своей религиозности и строгих правилах жизни не имел силы устоять против ее голубых глазок, сблизился с ней, и последствием этого, конечно, была беременность девушки. Желая искупить перед Богом и людьми грех свой, Е.П. решил жениться на Варе. И.И. дружески уступил ее, и свадьба скромно состоялась на новой квартире новобрачных в доме купца Ильиных. Сначала молодая Оболенская не была принята в кругу декабристов, но впоследствии

Муравьевы, а за ними и остальные товарищи по изгнанию из уважения к мужу приласкали ее, и она стала посещать их.

У Оболенских были впоследствии дети³⁶, которым по вступлении императора Александра II на престол присуждено было княжеское достоинство, чего почему-то не получили его* отец и мать, и по этому случаю Пушкин сострил однажды, «что Оболенский сам хотя и не князь, но князей на свет производит»³⁷.

Евгений Петрович был очень религиозен; он любил беседовать о религии с тогдашним глубоко всеми уважаемым протоиереем С.Я. Знаменским, каждодневно посещал церковные службы и два раза в год говел в соборной церкви.

Однажды, встретившись с каким-то довольно важным лицом, проезжавшим из Петербурга в Восточную Сибирь, Е.П. проговорился ему, что изгнанием в Сибирь он и товарищи его частью обязаны Я.И. Ростовцеву³⁸. Это как-то дошло до сведения громкого в то время начальника главного штаба военно-учебных заведений, и вот между ним и Е.П. началась переписка, результатом которой было то, что Е.П. сознался в ошибочности своего отзыва о старом сослуживце.

* Так в издании 1899 г.

** Фома был лицейский служитель, нелюбимый молодежью. — (Прим. К. Голодникова).

*** У И.И. я имел случай прочесть на французском языке записки Гризье⁴², описавшего царствование императоров Павла и Александра I, вступление

И.И. Пушкин был напротив — живого и веселого характера, любил иногда и подтрунить над ближним. Получив образование в Царскосельском лицее вместе с Пушкиным, бароном Дельвигом и Кюхельбекером, И.И. любил в компании вспоминать свою студенческую жизнь, ее кутежи и хронические увлечения. Он не только помнил имена и фамилии многих своих товарищей, но даже не забыл как-то и некоторых служителей лицея, чем-либо выдававшихся.

Однажды он передал нам подлинником известное стихотворение Пушкина, которое в печати значилось так:

Раз случилось от печали
Лиза, я да Купидон
По бокалу осушили
И гонили мудрость вон.³⁹

Между тем как оно Пушкиным было написано так:

Раз случилось от печали
Пушкин, Пушкин и барон
(Дельвиг)

По стакану осушили
И Фому гонили вон**.⁴⁰

Пушкин находился в постоянной переписке с товарищем своим С.М. Семеновым⁴¹ (по событию 14 декабря). Семенов в это время находился уже на службе в должности советника Тобольского губернского правления***.

Семидесятилетний старец В.К. Тизенгаузен, из остзейских

дворян, жил в собственном огромном деревянном доме на выезде из города недалеко от кладбища. Первый дом его, построенный на этом же месте, будучи подожжен какими-то негодяями, сгорел дотла, но это обстоятельство не помешало В.К. выстроить тут же другой и в таких же размерах, но вскоре от неизвестной уже причины сгорел и этот, и обозлившийся старик выстроил уже третий, в котором и жил уже до выезда своего из Ялуторовска. Жил он один-одинехонек, хотя помещения у него все-таки достало бы и для двух или трех семейств. Единственный слуга его — отставной солдат — помещался во дворе на кухне. Стола своего В.К. не имел, а обедал поочередно у своих товарищей. Это был железной природы человек, по собственным его словам, он, прожив 70 лет, никогда не хворал серьезно, почувствовав же легкое нездоровье, лечился диетой, не употребляя пищу по два—по три дня, и уверял всех, что в начале каждой болезни ее можно излечить одной диетой.

Неужели, спрашивали мы, молодежь, и вред можно излечить диетой?

«Непременно, — отвечал он, — причиной вреда бывает испорченная кровь, а чтобы привести ее в нормальное по-

ложение, нужно несколько дней попоститься. Разумеется, болезни, требующие хирургической операции, под эту категорию не подходят». Сердечные свои дела почтенный ветеран удивлялся настолько удивлительно, что ему позавидовал бы иной и двадцатилетний юноша. Влечение к женскому полу было единственной слабостью его; никогда и ни о ком он не позволял себе отзываться дурно, а известным ему беднякам он помогал и словом, и делом; холодное же благоразумие его доказывали несколько случаев, бывших с ним еще в Чите. В особенности из них у меня остался в памяти следующий, лично им мне рассказанный в 1839 году. Однажды товарищи его, выведенные из терпения разными притеснениями грубых и невежественных надсмотрщиков, вздумали было наотрез отказаться от заводских работ. Подобный поступок походил уже на возмущение, и В.К., предвидя печальные последствия его, начал убеждать горячих товарищей своих бросить принятое ими намерение; но голос его оказался вопиющим в пустыне. Всеми окончательно решено было не выходить на работы из острога; тогда В.К., подойдя к кружку наиболее влиятельных товарищей, сказал

на престол Николая включительно под заглавием *Les souvenirs d'homme d'armis*, где обстоятельства событий 14 декабря описаны были в некоторых случаях неверно и даже фамилии некоторых декабристов исковерканы, так, например, Анненков назван *Wanincoff*. — (Прим. К. Голодников).

со своим немецким хладнокровием:

«Господа, задуманным вами поступком вы не только оскорбите нашего доброго коменданта (полковника Лепорского⁴³, заслужившего от всех декабристов благодарную о себе память) и подведете его под неприятность донести о нашем возмущении в Иркутск, но еще более повредите себе. Но если уж вы окончательно решились, то хорошо, и я остаюсь с вами, только прежде чем нас поведут сечь, я первый размозжу себе голову».

Сосланные в каторжные работы с лишением всех прав состояния злосчастные узники вняли голосу холодного благоразумия товарища и, переговорив несколько минут между собой, оставили свое опасное намерение.

В.К. был в некотором роде тоже оригиналом; выше уже было сказано, что он никогда не прибегал к медицинским пособиям и закалил себя так против простуды, что никогда не носил, даже в трескучие морозы, обыкновенной шубы, а ходил обыкновенно в летней шинели и без галош; обыкновенный же костюм его затем составляли: шестиугольная старая фуражка на кожаном подкладе и коричневого сукна сюртук, доходящий до пят, с рукавами, совсем закрывавшими пальцы. Другого костюма у него не было, хотя он, как было из-

вестно, обладал и весьма хорошими средствами к жизни.

В бытность мою в Ялutorовске к нему дважды приезжал родной племянник его О.Г. Тиценгаузен, служивший ассесором в Tobольской казенной палате. Характер его был всецело характер дяди.

У Муравьевых, живших в собственном доме, собирался обязательно кружок товарищей по воскресеньям; тут обедали и оставались на весь вечер, занимаясь воспоминаниями о былом, а иногда игрой в карты, бостон или вист. Говоря о событиях 14 декабря, все декабристы были очень осторожны при нас — молодых людях. Теперь этому времени минуло уже 50 лет, никого из них нет уже в живых, но я, положа руку на сердце, могу утвердительно сказать, что от этих почтенных людей мы не слыхали ничего такого, что относилось к осуждению правительства⁴⁴. Они держали себя вполне безукоризненно и даже, можно сказать, до такой шепетильности, что не позволяли себе даже выходить за черту города. Благонамеренность свою они оказали преимущественно основанием в Ялutorовске при содействии почтенного протоиерея Знаменского на свой счет двух учебных заведений: первоначально Ланкастерской приходской школы, а впоследствии и женского училища для девиц бедных обывателей города. Сверх

того Якушкин давал моему товарищу Жилину уроки высшей математики, а Муравьев занимался со мной французским языком. Занятие им было настолько успешно, что по истечении полугода я мог уже свободно читать на французском языке книги повествовательного содержания. Первыми в этом роде книгами были, как помню, Ivanhoe Вальтер Скотта и Le fiancée Манцони.

От Матвея Ивановича по оставлении им Сибири я получил три письма, и вот содержание одного из них:

«13 февраля 1872 г. Москва.

Садовая, Триумфальная, дом Зайцевой.

Дождался, наконец, любезный К.М., того часа, когда могу сказать Вам, с каким удовольствием прочел я письмо ваше. В надежде, что переписка моя с вами не ограничится получением одного этого письма, прошу вас прислать мне свой адрес. Вспомните, что наше знакомство началось, когда, кончивши курс в Тобольской губернской гимназии, вы явились на служебное поприще в Ялуторовск юношей. Вспомните о радушном приеме, сделанном вам нашим добрым опальным кружком. Вы знали моих добрых товарищей; поговорить о них с вами — это одно даст особенное значение переписке между нами.

В Сибири протекли лучшие годы моей жизни. Вы знаете

наше ялуторовское житье-бытье; я породнился с Сибирью. Желательно бы мне знать преобразования, совершенные в продолжение нынешнего славного царствования; имели ли они благотворное влияние на дела вашего края? Справедливо было сказано о нашем Александре II.

Он осенил нас благодатью,
Детей и жен Он наших спас;
Он вспомнил и меньшую братью
И к просвещенью двинул нас.
Благословен же будь судьбою,
Тобой мы сильны и горды.
Великий царь, Господь с тобою!

Без внутренних потрясений, которые довели Францию до совершенного нравственного упадка и физических сил, Россия наша стала теперь твердой ногой на широком пути своего преуспения. Бог услышал наши пламенные молитвы и осуществил наши заветные желания.

Поговорите мне о себе; что касается до меня, то возвращение мое из Сибири имело мало радостей, разумеется, собственно для меня. Из всей нашей Ялуторовской колонии я один остаюсь в живых.

Жена вас дружески приветствует.

М. Муравьев-Апостол.

P.S. Посылаю вам мою карточку, разумеется, с тем, чтобы получить вашу. Христос с вами».

Последнее письмо из Москвы я получил уже о смерти Матвея Ивановича от воспитан-

ницы его Августы Матвеевны Созонович⁴⁵.

Муравьев и Якушкин имели обыкновение каждодневно купаться в Тоболе, отстоящем от города в $\frac{1}{2}$ версте, и оканчивали эту операцию уже глубокой осенью, когда на реке показывалась шуга.

Да, не один Матвей Иванович с тоской вспоминал о Сибири. То же самое писали и некоторые из товарищей его протоиерею Знаменскому. Да оно и естественно: проведя четверть века в Сибири, они *volens-nolens*⁴⁶ сроднились с нею. Возвратившись же в Россию, они уже не застали в живых многих из своих родственников и старых сослуживцев, заменившее же их новое поколение смотрело на них с полным равнодушием и даже как бы с недоверием.

Грустно было М.И. доживать свой век (он умер, имея от роду лет 90) без жены, родных и товарищей, ранее его оставивших земное поприще. Не с кем было ему и вспомнить прежнее. Огромное состояние его досталось воспитаннице, упомянутой выше А.М. Созонович⁴⁷.

В 1846 году распростившись с Ялуторовском и почтенным кружком декабристов, я по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири кн. Горчакова⁴⁸ выехал в Курган на должность заседателя окружного суда. Мне всего было 23 года,

и это назначение для того времени, когда судебные должности занимались поседельми юсами⁴⁹, начиная с судей и до секретарей включительно, казалось как бы из ряда выходящим исключением.

Проведя шесть с лишком лет, наилучших в моей жизни, в кругу добрых знакомых и товарищей в Ялуторовске, я переехал в Курган, отстоящий от него в 160 верстах и находившийся в таких же точно бытовых условиях, как и Ялуторовск, т.е. Курган имел две каменные церкви, три улицы, уездное училище — также единственное учебное заведение для города и округа; не мог также Курган похвастать ни общественным собранием или клубом, ни публичной библиотекой, ни магазинами, ни аптекой, а уж о скверах или общественных садах в то патриархальное время в уездных городах даже и не мечтали. Древностей в нем также никаких не было.

Местное общество составляли те же самые чиновники и граждане, как и в Ялуторовске, конечно, только с другими фамилиями, со включением лишь межевой партии, состоявшей из десятка землемеров и канцелярии под управлением начальника межевания полковника генерального штаба Б. Но таких оригиналов, о которых мною рассказано было выше, в Кургане уже не существовало. Из

числа же государственных преступников находились здесь на жительстве Нарышкин, Лихарев⁵⁰, Фогт⁵¹, Назимов⁵², Розен, фон-дер-Бриген, Башмаков, Щепин-Ростовский и Повало-Швейковский⁵³. Из них первые пятеро в разное время переведены были по распоряжению правительства одни на Кавказ, другие — во внутренние губернии России. Но между ними не было такой братской и единодушия⁵⁴, какие существовали между ялуторовскими декабристами. Только Нарышкин⁵⁵ и Розен⁵⁶ сходились в добром деле: усердной христианской помощи беднякам, окрестным крестьянам при взносе ими податей и посеве хлеба.

Итак, в 1846 году оставались в Кургане только Александр Федорович фон-дер-Бриген, Флегонт Миронович Башмаков, Дмитрий Александрович Щепин-Ростовский⁵⁷ и Повало-Швейковский, но принадлежали этот последний к кружку декабристов или сослан был по польскому восстанию, я утвердительно сказать не могу⁵⁸, сколько по давно прошедшему времени, а более потому, что он вел жизнь уединенную, не показываясь нигде.

Фон-дер-Бриген⁵⁹, крестник поэта Державина и женатый на Миклашевской⁶⁰, был статный и красивый мужчина лет пятидесяти, довольно высокого роста и с постоянным румянцем на щеках; жил он во флигеле

собственного дома, а в капитальном здании помещалась сожительница его, еще не старая и довольно красивая девица с двумя дочерьми-подростками⁶¹. Из товарищей постоянно у него бывал только Башмаков, а из прочих горожан — старший запасный землемер Федоров, управляющий Илецко-Иковским винокуренным заводом Кельбыдин и я. Я бывал чаще прочих, живя рядом с ним, и А.Ф. был восприемником первой моей дочери Юлии. В 1848 году⁶², получив от правительства разрешение на вступление на государственную службу, он убедил меня уступить ему занимаемую мною должность заседателя окружного суда и, получив на то мое согласие, отправился в Омск просить об этом генерал-губернатора Западной Сибири кн. Горчакова, с братом которого, Михаилом Дмитриевичем, служившим начальником штаба при кн. Паскевиче, он некогда был хорошо знаком. Просьба его, конечно, была уважена⁶³, и он сделался «чиновником», а я заседателем Омского земского суда по Юдинской волости и Иртышской казачьей линии.

Во время нахождения своего в Кургане фон-дер-Бриген занимался переводом на русский язык «Юлия Цезаря»⁶⁴, который по окончании и посвятил другу своему поэту Жуковскому. Впоследствии А.Ф. возвратился в Россию, а семья его,

им обеспеченная в средствах к жизни, осталась в Кургане⁶⁵, где вышли замуж и дочери его⁶⁶.

Башмаков⁶⁷, старик лет семидесяти, довольно тучного телосложения, был большой говорун и анекдотист, жил он на маленькой квартире в доме мещанки Ризенковой и по старости лет ничем уже не занимался. Не имея никого знакомых, кроме Бригена, меня и отставного стряпчего Тванева, он нередко, не заходя даже в комнаты, рассказывал с улицы городские новости и анекдоты. Ф.М. любил и даже очень любил поехать хорошо, т.е. до отвалу; у нас с женой он обедал нередко и, правду сказать, не отличался опрятностью за столом. Старик любил резать правду всякому в глаза, за что многие и не любили его. Будучи однажды у городничего С-го, он встретился с командиром казачьей бригады, квартировавшей в упраздненной крепости Пресногорьковской, полковником Эллизоном. Последний только что начал свой рассказ о каком-то служебном отличии, за которое он получил висевший у него на шее орден св. Анны 2-й степени. Ф.М., не дождавшись конца этого рассказа, подошел к нему и сказал: «Эх, полковник, не вам бы говорить, не мне бы слушать. Ну, какое же отличие могли вы оказать по службе, разве только за свое пресногорьковское сиденье? А я вот этот же самый орден получил в

чине подполковника за Лейпциг⁶⁸, и вы согласитесь, что тут-то награды давались уж не за сиденье».

У меня остался еще в памяти анекдот, рассказанный им про одного артиллерийского капитана, сделавшегося в царствование Павла викарным епископом. Дело состояло в том, что капитан этот, назвавшись православным священником и промышляв где-то рясью, тайно, без согласия отца-магната, только что приехавшего из Варшавы в Петербург, обвенчал на своей квартире единственную дочь его с сослуживцем своим — молодым офицером. Невеста, конечно, не подозревала тут обмана, так как наши священники за границей не носят ни бород, ни длинных волос. Отец принес жалобу императору, и храбрый капитан на другой же день отослан был к митрополиту для посвящения в монашеский сан при Александро-Невской лавре.

Не видя другого исхода из этого положения, капитан, получивший хорошее воспитание сначала дома, а потом в шляхетном корпусе, начал усердно заниматься богословием и вскоре переводами своими на русский язык иностранных богословских сочинений обратил на себя особенное внимание владыки. Прошло несколько лет, и иеромонах Анатолий вскоре же по посвящении в игумены рукоположен был викарным

епископом куда-то на юг России. Спустя после этого лет 15 Ф.М., служившему также в артиллерии и некогда встречавшемуся по службе с бывшим капитаном, случилось быть в той местности и даже монастыре, где проживал викарий. Разговор, между прочим, зашел о старине, и последний спросил Ф.М-ча, не знал ли он в бытность свою в Петербурге капитана N, назвал при этом его фамилию. Башмаков отвечал, что служил с ним в одной бригаде, но не знает, где он теперь находится и что с ним случилось по невольном рукоположении в монашество за дерзкое принятие на себя духовного сана.

— Значит, вы, полковник, не узнали бы его, встретившись с ним где-нибудь ныне?

— Я думаю, что и трудно было бы узнать после стольких лет, проведенных нами порознь и в разных званиях.

— Ну так вот, он перед вами налицо, — сказал, улыбаясь, преосвященный.

Башмаков, естественно, извинился, приняв эти слова сначала за шутку, и убедился в справедливости их уже тогда, когда хозяин, пригласив его к себе в кабинет, приказал подать бутылку шампанского и рассказал всю предшествовавшую жизнь свою.

— Да, полковник, — сказал он в заключение, — в настоящее время и в настоящем эко-

номическом и бытовом отношении я не желал бы быть даже вашим корпусным командиром: попы водят меня под руки, барыни целуют мои руки, а погреб у меня такой, какой едва ли есть и у его высокопревосходительства.

Басаргин⁶⁹, живя в Кургане, занимался разного рода коммерческими оборотами и на досуге любил поиграть в карты. Он был женат сначала на молоденькой и хорошенькой особе⁷⁰, но прожил с нею недолго и по смерти ее, перепросившись в Ялуторовск, женился здесь вторично на вдове купца и фабриканта Медведевой⁷¹, взяв за ней в приданое стеклоделательный Коптюльский завод.

Впоследствии он переехал в Омск и поступил на службу в главное управление Западной Сибири⁷².

Со Щепиным-Ростовским (утратившим подобно Оболенскому княжеское достоинство) я встречался чаще всего в доме чиновника Дмитрия Евграфовича Щепина, за молоденькой и хорошенькой сестрой которого Дмитрий Александрович крепко ухаживал, стараясь казаться еще не старым *bonvivan'om*⁷³. Теперь А.Е. уже старушка, имеющая нескольких внуков: замужем она была за военным доктором Дювернуа.

Д.А. замечателен был тем, что, будучи брюнетом, имел один ус черный, а другой со-

вершенно белый. Рассказывали, что этот казус случился с ним вследствие сильного душевного потрясения во время содержания под стражей в Петропавловской крепости или в Литовском замке — не помню⁷⁴.

С декабристами, находившимися в описанное время в Тобольске, я познакомился в поездки мои из Ялуторовска по рекомендациям М.И. Муравьева-Апостола. В Тобольске поселены были Александр Михайлович Муравьев⁷⁵ с супругой Жозефиной Адамовной⁷⁶, Михаил Александрович фон-Визин⁷⁷ с супругой Натальей Дмитриевной⁷⁸, Иван Александрович Анненков — с Прасковьей Егоровной, Петр Николаевич Свистунов — с Татьяной Александровной, Вильгельм Карлович Кюхельбекер и два брата Бобрисшевы-Пушкины. О С.М. Семенове сказано было уже выше.

Муравьевы, обладая большим состоянием, занимали каменный двухэтажный дом возле Михайло-Архангельской церкви, где ныне помещается Мариинская женская школа; впоследствии же заняли дом, бывший подполковника Кривцова по Рождественской улице. При них были дочери: Екатерина, вышедшая замуж за капитана английского флота⁷⁹; Александра, вышедшая также замуж за контрольного чиновника Абаза, и Елена, оставшаяся еще в девицах. Сын Миха-

ил, находясь в России, был предводителем дворянства в Ялте. Муравьевы жили открыто, принимая у себя почти всю Тобольскую quasi аристократию⁸⁰ и в свою очередь посещая ее. Сам А.М. считался на службе при Тобольском общем губернском управлении. У Муравьевых жил старый товарищ и друг А.М. штаб-лекарь Фердинанд Богданович Вольф⁸¹, женившийся впоследствии на Муравьевой после смерти ее мужа⁸².

Муравьев и Вольф, считаясь товарищами при жизни, остались таковыми же и по смерти, будучи похоронены рядом на Тобольском кладбище. На могилах их по сие время существуют богатые чугунные памятники.

Фон-Визины жили сначала за Абрамовским мостом на квартире⁸³, а потом переехали на гору в дом, принадлежащий ныне кафедральному Софийскому собору. Они также жили открыто, но особенно дружны были с архиепископом Афанасием⁸⁴ и епископом Владимиром⁸⁵. Первый из них был высокообразованный иерарх, обладавший богатой библиотекой и знавший хорошо древние языки, а из новейших только французский, немецкого же он не знал, а потому о переводе с него замечательных богословских сочинений на русский язык он всегда обращался с просьбой к Михаилу Александровичу. Де-

тей при фон-Визиных в Тобольске, сколько упомяну, не было⁸⁶. Кроме вышеозначенных лиц, они близко были знакомы с прокурорами Черепановым⁸⁷ и Францевым⁸⁸ и дивизионным генералом Гладышевым. Бывал также у них в проезды свои из Омска в Тобольск, громкий в свое время, генерал-губернатор князь Петр Дмитриевич Горчаков, женатый на Черевинной, двоюродной сестре Натальи Дмитриевны фон-Визинной⁸⁹. По возвращении в Россию и по смерти там мужа эта последняя вышла замуж за И.И. Пушина⁹⁰.

Анненковы⁹¹ жили в собственном доме недалеко от Христорождественской церкви (ныне Захарова). При них были сыновья Владимир и Николай и дочери Ольга⁹² и Наталья. Иван Александрович служил в должности особого заседателя Тобольского приказа общественного призрения, а в последнее время, возвратясь в Россию, был предводителем нижегородского дворянства. Сыновья его занимали также довольно видные места на государственной службе.

П.Н. Свистунов⁹³, женатый на воспитаннице бывшего курганского исправника Дуранова Татьяна Александровне⁹⁴, жил в собственном доме по Большой Архангельской улице. Он был хороший знаток в музыке и на домашних музыкальных вечерах сам играл на каком-то инстру-

менте, если не ошибаюсь, на виолончели. П.Н. занимал должность члена совета Тобольской Мариинской женской школы и в этом звании получил орден св. Станислава 3 степени. У Свистуновых было двое детей — сын Петр и дочь Мария⁹⁵. П.Н. последнее время жил и умер в Москве.

В.К. Кюхельбекер⁹⁶, один из близких друзей Пушкина по лицу, женился в Восточной Сибири на крешеной бурятке по имени Дросиде Ивановне⁹⁷, женщине не первой уже молодости, некрасивой и необразованной. Трудно было придумать, что заставило его сделать такой странный *mesalliance*⁹⁸, но без всякого сомнения он в этом случае не держался убеждений религиозного Е.П. Оболенского. Кюхельбекер занимался поэзией и, еще будучи в Царскосельском лицее, любил читать товарищам свои стихи и, по словам Пушина, однажды так надоел Пушкину, что тот, отвернувшись от него, сказал: «Ну, брат, это уж Кюхельбекерно — тошно». С тех пор эта фраза обратилась в поговорку между товарищами его — лицеистами⁹⁹. Находясь в Кургане, он написал шуточное стихотворение под названием «Курганиада», которое начинается так:

Премудрый К...ъ*,

Кургана управитель,

Нахохлившись, идет к Агапычу
в обитель;

* Каренгин — смотритель уездных училищ. — (Прим. К. Голодников).

далее не упомяну (Ф.А. Мальцев был управляющий курганским питейным откупом). У них детей не было¹⁰⁰.

Братья Бобрищевы-Пушкины, Павел и Николай¹⁰¹, жили в Тобольске, но на разных квартирах¹⁰² и вели жизнь уединенную. Николай страдал тихим умопомешательством, и оба брата впоследствии возвратились в Россию.

Гавриил Степанович Батеньков¹⁰³ родился в 1793 году в Тобольске, но еще в малолетстве¹⁰⁴ увезен был отсюда в Петербург для определения во второй кадетский корпус. По окончании здесь курса он вступил в одну из батарей действующей армии и участвовал в походах 1812—1815 годов. По возвращении в Россию Батеньков, выдержав экзамен на звание инженера, уехал на службу в Томск и отсюда по приглашению М.М. Сперанского¹⁰⁵, ревизовавшего тогда сибирские губернии, отправился к нему в Иркутск, где Сперанский в звании уже генерал-губернатора работал по преобразованию Сибири: Батеньков был горячим и энергичным сотрудником его и в 1821 году уехал вместе с ним в Петербург. Здесь по протекции М.М. был назначен делопроизводителем сибирского комитета. Казалось, таким образом, что блестящая карьера его была вне всякого сомнения, но, к сожалению, счастье скоро изменило ему: в конце 1825

года Батеньков за участие в заговоре был заключен в Петропавловскую крепость, где и содержался в одиночном заключении в течение 20 лет. В 1846 г. Гавриил Степанович отправлен был из крепости в Томск и через 10 лет после этого, возвратившись в Россию, поселился в Калуге¹⁰⁶, где и умер семидесятилетним старцем.

Находясь в Томске, Г.С. познакомился с почтенным семейством губернского стряпчего Лучшева и по смерти сего последнего вызвал вдову его с детьми в Калугу, где и покровительствовал им до самой смерти своей¹⁰⁷.

Позднее прибыл в Тобольск из Ишима Владимир Иванович Штейнгель¹⁰⁸; в бытность свою в Ишиме, он по поручению ишимского купца Чернякова, члена Географического общества, написал «Историческое описание Ишимского округа»¹⁰⁹, которое и было отпечатано в журнале Министерства внутренних дел. М.И. Муравьев-Апостол во время жительства моего в Ялуторовске, сообщив мне книжку этого журнала, посоветовал составить такое же описание и Ялуторовского округа, что мною и было исполнено. За труд этот, сообразный мною тогдашнему губернатору К.Ф. Энгельке¹¹⁰, я получил благодарность от его превосходительства.

Еще до знакомства моего с тобольскими декабристами здесь жил и умер некто бывший

князь Барятинский¹¹¹, о котором через Н.С. Знаменского¹¹² мне известно только то, что у него хранилась часть древа Св. Животворящего Креста Господня, отосланного по смерти его к его родственникам.

Некоторые подробности собственно о тобольских декабристах обязательно сообщены мне д.с.с.¹¹³ Н.С. Знаменским, бывшим воспитанником фон-Визиных.

В Туринске проживал Ивашев¹¹⁴, о котором я ничего сказать не могу, так как в Туринске не был и г. Ивашева вовсе не знал.

Вообще, говоря о декабри-

стах, нельзя не сознаться, что им все-таки лучше жилось в губернском городе, чем товарищам их в уездных городах. В Тобольске было и более цивилизованное общество, выписывалось и много журналов и газет, составлялись семейные вечера и любительские спектакли, при некоторых присутственных местах были библиотеки; наконец, для отдохновения от домашних и служебных занятий существовали общественные сады, сначала так называемые Прокурорский и Комиссариатский, а впоследствии и Ермаковский с памятником завоевателю Сибири Ермаку.

«В потомках ваше племя оживет» (О К. М. Голодникове и героях его мемуаров)

Один из наших современников, умный и горько смотрящий на мир художник, признавался, что все его исторические штудии вдохновлены единственным чувством: «Бесконечно жаль утекающих, как дым, человеческих жизней». Остановить, вернуть в мир того, кто жил, сделал много, а может быть, мало, но был просто хорошим человеком. «Друг, назови меня по имени»...

Наверняка и мемуарист, чьи воспоминания только что прочитаны, одушевлен был этим же желанием. А что мы знаем о нем самом? Четкая начальная строка любой биографии: «Родился в .., умер в ...». Капитон Михайлович Голодников появился на свет, по его собственному утверждению, в 1822 году, по свидетельству официального формулярного списка о службе, возможно, в 1823-м, а то и в 1824-м: в 1884 году ему «от роду 60 лет». В биографической справке, составленной иркутскими историками, сказано: умер «ок. 1901». Жизнь между колеблющимися временными пределами. Факты как-то раздваиваются, характеристики смешиваются. «Этот человек жил и имеет право на не цельный характер», — сказал Юрий Тынянов.

12 июля 1889 года, имея службы 40 лет 7 месяцев и 9 дней, надворный советник Голодников был уволен от службы и должности в отставку с аттестатом, «мундиром, последней должности присвоенным» и двумя орденами — св. Станислава и св. Анны III степени. Для него, происходившего родом «из обер-офицерских детей», дослужиться до «высокоблагородия» — хорошая карьера. Но не лучшая: ровесники и даже те, кто моложе, значатся, подобно Николаю Знаменскому, в статских и действительных статских... Между тем начало было многообещающее.

28 ноября 1839 года Капитон Голодников, облеченный первым чином губернского секретаря, поступил на государственную службу по учебному ведомству. Позади была Тобольская гимназия, давшая 17-летнему юноше достойное образование. В 1836 г. четырехклассная гимназия преобразована была в семиклассную, а позже добавлен еще и 8 класс. В 1829 г. учреждены были при гимназии даже ветеринарные классы, просуществовавшие, впрочем, весьма недолго. Спустя полвека благодарный выпускник

Голодников вспомнит добром *alma mater* в книге «Тобольск и его окрестности».

Учительское поприще было, однако, оставлено достаточно скоро. В 1846 г. Голодников решает посвятить себя всецело службе по ведомству Министерства внутренних дел и становится заседателем Курганского окружного суда. В положенный срок sucedeет новый чин коллежского секретаря, а месяцем позже, 11 декабря 1848 года, и новая должность заседателя Омского земского суда. Служебная дорога открыта. И вдруг — обрыв. 24 сентября 1851 г. молодой судейский уволен на основании Высочайшего повеления. Аттестат сухо отмечает: «Находился под судом за неправильные действия во время бытности заседателем Омского земского суда по делу об убийстве крестьянина Микушина, за что по решению Тобольского губернского суда, утвержденного Правительствующим Сенатом <...> определено: исключить Голодникова из службы с тем, чтобы впредь никуда не определять» (ТФ ГАТО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 682). О каких «неправильных действиях» идет здесь речь? Был ли это недосмотр, упущение? Или дело в горячности молодого человека, по-своему понимавшего справедливость? Вопросы эти ждут любопытного исследователя. Вспомним здесь только, что в этом же 1850 году декабрист А.Ф. Бриген, тот самый, которому К. Голодников по дружбе уступил место курганского заседателя, тоже отдан был под суд. В деле об убийстве сибирского мужика «забияка» Бриген встал не на сторону власти, а на сторону мужика, за что и поплатился новой ссылкой.

Участь младшего из друзей оказалась все-таки мягче: «Государю Императору благоугодно было Всемилостивейше дозволить Голодникову поступить вновь на службу с тем, чтобы по вступлении он состоял под ответственностию начальства, которым принят будет». Ненадолго определившись в 1853 году на должность «чиновника для письма» при Главном управлении Западной Сибири, К.М. Голодников начнет свою карьеру, по сути, заново, только в 1863 году. Выполняемые им обязанности и занимаемые должности многочисленны и разнообразны: заседатель Березовского земского суда, тобольский окружной судья, председатель Тобольского окружного рекрутского присутствия, stolональный Тобольской казенной палаты, директор Тобольского губернского тюремного комитета, наконец, с 1877 г. вплоть до отставки — секретарь Тобольского губернского статистического комитета. Служил он, без сомнения, не за страх, а за совесть, был честен и неподкупен. В противном случае не был бы год за годом посылаем начальством для «генеральной проверки торговли и промыслов», а

также для надзора за взносом податей и взыскания недоимок в Березове, Таре, Тюкалинске, Туринске, Тюмени «с округами».

О бескорыстии чиновника Голодникова свидетельствует и скупая запись в формулярном списке: «Независимо занятий, сопряженных с обязанностями секретаря Комитета, <...> исправлял безвозмездно должность секретаря губернского Комитета по сбору пожертвований в пользу добровольного флота...». Еще одно доказательство — графа в том же списке: «Есть ли имение (у него, у родителей, у жены — родовое, благоприобретенное)». Лаконичный ответ: «Не имеет».

Лишь через 10 лет безупречной службы и через 20 лет после суда «Его Императорское Величество 14 июля 1872 года Всемиловейше соизволил на нечислительное Голодникову бытности под судом препятствием к получению наград и других по службе преимуществ». Потому-то в 50 лет К.М. Голодников только титулярный советник, и никогда ему не получить знака отличия беспорочной службы и ордена св. Владимира за выслугу лет. В июле 1889 г. тобольский губернатор испрашивает разрешения наградить надворного советника Голодникова вторым орденом св. Станислава (2-й степени) «вне правил». В августе этого же года департамент общих дел Министерства внутренних дел отмечает, что поскольку после получения Голодниковым последней награды прошло более трех лет, то «искомая награда может быть испрашена по правилам из той нормы, которая будет назначена Тобольской губернии на 1890 год». Но в 1890 году Капитон Михайлович уже в отставке и заслуженной награды не получит.

Формулярный список год за годом фиксирует этапы чиновничьей карьеры. Но в официальных бумагах человека почти не видно, поэтому особенно ценно, когда в черновиках, в приписках на полях документов проскальзывают живые черты и эпизоды. «Женат первым браком на Марцелле Юлиановой...». Муж православного вероисповедания, жена — римско-католического. Не частое дело даже в Сибири, где каким только богам не молятся. «У них дети, родившиеся: дочь Софья 1854 года и сыновья: Виктор 1855 г., Михаил 1858 года, Александр 1863 года». Никакого упоминания о первой дочери Юлии, крестнице декабриста А.Ф. Бригена. В аттестате 1889 года читаем: «Имеет детей: сыновей Виктора и Александра, которые находятся в гражданской службе». А где же Михаил, учившийся в Оренбургском юнкерском училище, потом служивший в Тобольском кадровом батальоне? Где Софья, небесталанная поэтесса, которая жила в Тюмени, печаталась в «Тобольских губернских ведомостях», интересовалась проблемами переселенческого дела? Значит ли это, что Голодниковы знали не только радости жизни

большой, дружной, хорошо образованной семьи, но и заботы, и горе преждевременных потерь? Ответа нет...

Вне служебных бумаг остается не только жизнь сердца, но и жизнь ума нашего героя. О ней — 6 рукописных строк: «избран членом-сотрудником двух Императорских ученых обществ — Русского географического и Любителей естествознания, антропологии и этнографии, причем последним удостоен награждения двумя серебряными медалями»: в 1879 году малой, а 15 октября 1885 г. — большой. Первое исследование края К.М. Голодников предпринял еще в ялutorовские годы. Полученной наградой гордился, иначе не вспоминал бы ее спустя полвека. Жизнь чиновника и жизнь Голодникова-краеведа не разделены непроходимой стеной: не ездил бы по служебной надобности, не узнал бы столько. Так было и с другими известными сибиряками: Н. Абрамовым, Н. Ядринцевым, Н. Наумовым.

Наблюдательный историк в конце XX века заметил: у людей предшествующего столетия были совсем не такие отношения со временем и пространством, как у нас. «Мы, обитатели XX века, часто считаем себя путешественниками. Куда там! Вот в XIX веке и раньше были путешественники: нам бы их дороги, их скорости — сидели б дома». Не случайно бесконечная дорога, Сибирский тракт не только место действия, но и важное действующее лицо сибирской литературы и литературы о Сибири. Как и его современники, К. Голодников, по сути, жил в дороге: Тобольск, Ялutorовск, Курган, Омск, Березов, Тара, Тюмень, снова Тобольск. По нашим меркам, может, не так и далеки эти города, но чиновник не сидит на месте. Сколько всего увидишь и передумаешь, пересекая подзолистые, глинистые или снежные пространства по пути к новому месту службы. Голодников не просто исправляет должность. Он озабочен современным состоянием края и собирает статистические данные о нем. Ему равно интересны географические сведения и сведения о людях, составляющих гордость Сибири. В сферу его преимущественных интересов входит сибирская история, близкая и дальняя. Тут будто сама судьба позаботилась о К. Голодникове, дав ему в родство Петра Андреевича Словцова. Мать Капитона Михайловича Марья Александровна, урожденная Словцова, была родной племянницей знаменитого автора «Исторического обозрения Сибири». Внучатый племянник вхож был в дом двоюродного деда, оставил биографический очерк о нем («К биографии П.А. Словцова», 1876). История Тобольской губернии, археология края, историческая ономастика, библиография, этнография — неполный перечень тем, занимающих Голодникова-исследователя. Выходят из печати его

статьи и книги. Среди них «Альбом Тобольских видов» (1864), «Заслуживают ли и в какой мере заслуживают научного исследования Сибирские курганы вообще и Тобольские в особенности» (1879). Не эта ли работа в том же году доставила автору малую серебряную медаль? На юбилейную историческую дату краевед откликается исследованием «Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири» (1881) и статьей «Празднование г. Тобольском 300-летней годовщины своего существования» (1887, 2 издания). Реалии ссыльного края вызывают к жизни исследование «Ссылные в Тобольской губернии и их влияние на нравственный и экономический быт старожилов» (1891).

Но главной книгой К.М. Голодникова следует, конечно, признать исторический очерк «Тобольск и его окрестности» (1887). Эта монография ждет любознательного читателя и заинтересованного комментатора-историка. А сразу по выходе в свет книга была подвергнута безжалостной критике. На страницах газеты «Восточное обозрение» (1887. № 27) сохранивший инкогнито автор, представленный редакцией как «наш молодой историк, работающий в настоящее время над летописями», решительно заявил: «По многоречивому оглавлению, по характеру ссылок книга г. Голодникова может быть почтена за серьезный труд. Однако же это будет горькая ошибка читателей, и мы постараемся доказать это». Умудренный житейским опытом К.М. Голодников на критику отреагировал по-молодому непосредственно. Во все времена популярный принцип полемики: «Ах, я, по-вашему, грешен? Ну так и я же у вас грехи найду», — не был, видно, чужд и ему. В противном случае Н.М. Ядринцев не делился бы усмешливо своим недоумением с читателями редактируемого им «Восточного обозрения»: с чего бы это почтеннейший Капитон Михайлович, который дружески переписывался с Ядринцевым, печатался в его газете, в приватном письме горячо хвалил его заветную книгу «Сибирь как колония», вдруг взял да и разнес в пух эту самую книгу в «Сибирском вестнике» (Ядринцев Н.М. Наша признательность г. Голодникову // Восточное обозрение. 1887, № 36. С. 14). Кто был прав в этом споре: автор или критики — судить профессионалам. Отметим, однако, что из числа изданных трудов К.М. Голодникова «Памятная книжка Тобольской губернии» на 1884 год и исторический очерк Тобольска и его окрестностей ученым комитетом Министерства народного просвещения были «удостоены полного одобрения и рекомендованы для всех низших и средних учебных заведений Западной и Восточной Сибири».

Добавим, что просвещению края служили не только книги и статьи К.М. Голодникова, но и его журналистская деятельность в должности редактора неофициального отдела «Тобольских губернских ведомостей» и газеты «Степной листок» («Степной край»). Историкам областной журналистики наверняка стоило бы поинтересоваться, каково было лицо главного губернского периодического издания при К.М. Голодникове.

Особенная страница жизни и творчества К.М. Голодникова связана с декабристами. В течение 6 лет молодой Голодников был принят в ялуторовской колонии, где царили законы «братства — нравственного и душевного союза». Это наверняка не могло не отразиться на представлениях молодого человека о принципах жизни, о правилах чести и справедливости. В «ссылной академии» было продолжено образование юноши. Декабристы хлопотали о его карьере (см. письмо И.И. Пушина к И.Д. Якушкину от 3 октября 1842 г.), при отъезде к новому месту службы рекомендовали тамошним друзьям. Но об особенной, доверительной близости, которой отличались отношения декабристов, например, с братьями Знаменскими или М. Францевой, вряд ли можно говорить. Доказательства этого, конечно, только косвенные: письма декабристов содержат единичные упоминания о Голодникове, человеческих характеристик ему не дают даже беглых; да и некоторые замечания самого К.М. Голодникова свидетельствуют о дистанции, которая сохранялась между «государственными преступниками» и ялуторовским учителем — к беседам о «заветном» он, скорее всего, не был допущен.

Тем не менее годы, проведенные в Ялуторовске, К.М. Голодников уже на склоне лет называл «наилучшими в своей жизни». Хотя «более или менее близкое знакомство» продолжалось всего 10 лет, сибиряк хранил благодарную память о нем более полувека. Главное доказательство тому воспоминания К.М. Голодникова. Они существуют в двух вариантах. Первый под названием «Государственные и политические преступники в Ялуторовске и Кургане» был издан впервые в журнале «Исторический вестник» (1888. Т. 34. Кн. 12. С. 753—761)*. Издание второго состоялось в тюменской «Сибирской торговой газете» (1899). Во второй публикации несколько иная последовательность изложения, дополнительные сведения об авторе, уездном городе и училище. Бытовые зарисовки последних наряду с историческими анекдотами, пожалуй, наиболее живые страницы мемуаров К.М. Голодникова. Литературный талант автора, свобода его пера здесь очевид-

* См. в сокращении: Страна без границ: В 2-х т. — Тюмень, 1998. Т. 2. С. 103—106.

ны. Своеобразной приметой обоих вариантов воспоминаний является подчеркнутая благонамеренность мемуариста. Она объясняется тем, что в 1880 году сын Голодникова Александр был исключен из Тобольской гимназии по обвинению в государственном преступлении и подчинен надзору полиции на три года. Надзор, однако, затянулся до 1894 года. Откровенно демонстрируемая лояльность была вызвана опасением отца за дальнейшую судьбу сына.

Во вторую публикацию мемуарист внес дополнительные сведения о декабристах, живших в Тобольске и других городах Тобольской губернии (правда, не всех). Но дополнения эти носят самый общий характер и сделаны, так сказать, с чужих слов. Это обстоятельство, а также и то, что описываемые события и рассказ о них были разделены шестью десятилетиями, привело к многочисленным неточностям.

Сопровождая публикацию мемуаров К.М. Голодникова развернутыми биографическими справками, их автор не стремилась, однако, непременно «уличить» мемуариста в ошибках. Дополнить краткие характеристики и беглые упоминания документальными свидетельствами, открывающими бесценную человеческую суть «мучеников истины», таково прежде всего назначение комментариев.

¹ **Ентальцев Андрей Васильевич** (1788—21.1.1845). Подполковник артиллерии. В службу вступил юнкером в 1801 г. Участник войн 1806—1807 гг. и Отечественной войны. Отличился в сражении при Смоленске. За отличие в сражении под Красным награжден орденом Владимира. В военной службе состоял вплоть до ареста. Член Союза благоденствия и Южного общества. Обвинен «в знании об умысле на цареубийство, в принадлежности к тайному обществу с знанием цели и в знании о приготовлениях к мятежу». Был осужден по VII разряду на год каторжных работ с

последующим поселением в Сибири.

² **Ентальцева Александра Васильевна**, урожд. Лисовская (1790—24.7.1858). Еще в детстве лишилась родителей. После неудачного первого брака стала женой А.В. Ентальцева, человека довольно угрюмого и сурового. Преданная мужу, поехала за ним в Сибирь. Ей было уже под сорок, но она сохранила красоту и веселость, которыми отличалась в молодости.

В июне 1828 г. Ентальцевы попадают в «дикий Березов», а в 1830 г. переводятся на поселение в Ялуторовск. Жизнь не стала легче: не поступали деньги от родственни-

ков из России, надвигалась нужда. До конца жизни Ентальцева преследовали доносы, обвинения в предосудительных беседах с местными жителями и даже в вооруженном заговоре. Особенно отличались в доносах городничий Смирнов и губернский секретарь Портнягин. Следствия, разбирательства, обыски, нужда (Ентальцевым не раз помогала М.Н. Волконская) подорвали здоровье Ентальцева. В конце 30-х годов появились симптомы душевной болезни, переросшей затем в тихое умопомешательство. Несмотря на все усилия, болезнь не поддавалась лечению. Это стало еще одним испытанием для Александры Васильевны, с которым она долгие годы справлялась с терпением и тихим достоинством.

³ Мемуарист ошибается. В мае 1827 г. А.В. Ентальцева приехала к мужу в Читинский острог. М.Н. Волконская прибыла туда из Благодатского рудника немного позднее (см. «Записки княгини М.Н. Волконской»).

⁴ **Муравьев-Апостол Матвей Иванович** (18.4.1793—21.2.1886). Старший сын Ивана Матвеевича Муравьева, переводчика, писателя, воспитателя вел. кн. Александра и Константина, дипломата. Получил вместе с братом Сергеем, будущим главой Южного общества, блестящее образование в Париже. Возвратившись в Россию, братья были поражены существованием позорного явления рабства. В 1811 году Матвей Иванович вступил подпрапорщиком в лейб-гвардии Семеновский полк. Прошел с ним всю кампанию 1812 года. За героизм при

Бородине «по большинству голосов нижних чинов» был награжден солдатским Георгиевским крестом. Сражался при Люцене, Бауцене, Кульме. Был ранен, награжден русскими и прусскими орденами. В 1814 году участвовал во взятии Парижа. С 1823 года в отставке. Один из организаторов и активный член ранних декабристских обществ. Вместе с братом Сергеем возглавил восстание Черниговского полка на юге. Подробно написал об этом в очерках «С.И. Муравьев-Апостол» и «Восстание Черниговского полка». После ареста «содержался строго» в Петропавловской крепости. В каземате впал в полное отчаяние и решил умерить себя голодом. Только поддержка брата Сергея, благоговейную любовь и уважение к которому М.И. хранил всю жизнь, спасла его. Осужден по I разряду к смертной казни отсечением головы. Главная вина — «действовал в мятеже и взят с оружием в руках». По конфирмации 10.7.1826 г. смертная казнь заменена 20-летней каторгой. По личному повелению Николая I М.И. был отправлен прямо на поселение в Вилуйск, где прожил три года фактически в полном одиночестве.

В июне 1836 года Муравьев-Апостол переехал на поселение в Ялуторовск, где провел 20 лет ссылки до самой амнистии. В школе И.Д. Якушкина преподавал французский язык. 18 августа 1849 г. при перестройке своего ялуторовского дома Матвей Иванович оставил под полом письмо «для пользы и удовольствия будущих археологов».

После возвращения из ссылки обосновался в Москве, где не раз

встречался с Л. Н. Толстым, собиравшим материал для романа «Декабристы». В возможности написать правдивое произведение о своих товарищах М. И. сомневался — «нельзя, не позволят». До конца жизни он «остался верен своему прошлому не только... по горячей любви к этому прошлому и к своим товарищам, но также и по верности своим высоким гуманным принципам» (В. Е. Якушкин). Муравьев-Апостол оставил обширное мемуарное и эпистолярное наследие. До глубокой старости он обладал хорошей памятью. Его записки отличаются объективностью и точностью оценок.

⁵ Мемуарист ошибается. Жена М. И. Муравьева-Апостола Мария Константиновна была дочерью священника Константинова (Носова), воспитанницей некоей Брант. Свадьба состоялась в 1832 году после перевода Муравьева-Апостола на поселение в Бухтарминскую крепость на Иртыше.

⁶ Маленький сын М. И. и М. К. Муравьевых-Апостолов умер в 1837 г., и они взяли на воспитание дочерей ссыльных — Анну Бородинскую и Августу Созонович. Обeim в 1860 году разрешено было зваться по имени приемного отца — Матвеевыми — и присвоены права личного почетного гражданства.

⁷ **Якушкин Иван Дмитриевич** (28.12.1793—11.8.1857). В службу вступил подпрапорщиком в лейб-гвардии Семеновский полк. Участник Отечественной войны 1812 года. За храбрость при Бородине награжден орденом св. Георгия. Позже в своих знаменитых «Запис-

ках» оставил одно из самых ярких описаний Бородинского сражения. Участник заграничных походов (Люцен, Кульм, Лейпциг, Париж). Кавалер русских и иностранных военных орденов. Один из основателей ранних декабристских организаций. В 1817 г. в Москве при обсуждении плана царевичей «решился принести себя в жертву и никому не уступить этой чести» (Якушкин И. Д. Записки. М., 1951. С. 17). В 1819 г. предпринял одну из первых в России попыток освобождения крепостных. В декабре 1825 г. готовил восстание в Москве. После ареста был помещен в № 1 Алексеевского рavelи на с приказом «заковать в ножные и ручные железа; поступать с ним строго и не иначе содержать как злодея». Присужден к отсечению головы, затем к 20-летней каторге. Отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе. В 1835 г. обращен на поселение. В Ялуторовск прибыл 16.9.1836 г. Жил здесь вплоть до амнистии.

На поселении И. Д. Якушкин усиленно занимался естественными науками, особенно ботаникой. Изготовил несколько ценных гербариев западносибирской флоры. Регулярно проводил метеорологические наблюдения, занимался гальванопластикой. Главным делом сибирской жизни И. Д. Якушкина стало открытие в 1842 году ланкастерского училища для мальчиков, а в 1846 г., в память умершей жены И. Д., школы для девочек. В 1854—1857 гг. Якушкин работал над воспоминаниями; его оставшиеся незаконченными «Записки» — образец декабристской мемуаристики.

Убеждениям молодости И. Д. Якушкин был привержен до конца жизни. По словам Е. П. Оболенского, «он преследовал везде одну и ту же идею — идею пользы и добра <...>. Он мог противопоставить пороку одно слово, но оно имело силу, подкрепляемую примером жизни нравственной и деятельной на пользу общую» (Мемуары декабристов: Северное общество. М. 1981. С. 120).

⁸ **Пушкин Иван Иванович** (4.5.1798—3.4.1859). Однокашник по лицу и друг А. С. Пушкина. Член ранних декабристских организаций, один из руководителей Северного общества (член Коренной Думы, председатель Московской управы). Долгое время исповедовал идею улучшения жизни личным примером бескорыстного служения. К ужасу высокородной родни намеревался вступить в службу кварталным надзирателем; был судьей Московского надворного суда. В дни подготовки мятежа на Сенатской площади проявил себя как один из самых трезвомыслящих и решительных заговорщиков. После ареста содержался в Алексеевском равелине. Подобно немногим, стойко и с достоинством держался на допросах. Приговорен по I разряду к отсечению головы, затем — к 20-летней каторге. Отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе. С 1839 г. — на поселении в Туринске Тобольской губернии. С июля 1843 г. до амнистии 1856 г. жил в Ялуторовске. В условиях поселения открылось для декабриста широчайшее поле деятельности: дела Малой артели, образован-

ной для помощи выходящим на поселение товарищам; высылка денег нуждающимся; забота о семьях и детях умерших — эти и другие обязанности ироничный насмешник Пушкин принял на свои плечи добровольно. Постоянно помогал он и местным жителям: обращаясь с ходатайствами, составляя прошения, давая юридические советы. Это бескорыстное служение доставило И. И. Пушкину среди друзей прозвище Маремьяны («Маремьяна-старича обо всех печалится»). На поселении родились дети И. И. Пушкина. Дочь Анна (8.9.1842—1863) была крестницей Е. П. Оболенского и любимицей отца; имя ее матери, туринской жительницы, осталось неизвестным. Сын Пушкина и Дросиды Ивановны Кюхельбекер Иван (4.10.1849—1923) был усыновлен братом Ивана Ивановича Николаем и носил его отчество. Письма Пушкина содержат многочисленные доказательства отеческой любви и заботы о детях.

Пушкин И. И. — автор знаменитых «Записок о Пушкине» (1858). Он оставил богатое эпистолярное наследие, дающее, в частности, полное представление о жизни ялуторовской колонии декабристов.

⁹ **Оболенский Евгений Петрович** (6.10.1796—26.2.1865). Представитель одного из самых знатных родов России. Получил прекрасное домашнее образование. В 1814 г., по желанию отца, вступил юнкером в гвардейскую артиллерию. Служил в лейб-гвардии Павловском и Финляндском полках. Состоял в Союзе благоденствия. Уча-

ствовал в создании Северного общества и входил в состав его руководства (правитель Коренной Думы). Был решительным сторонником объединения Северного и Южного обществ. Поддерживал П.И. Пестеля и разделял его радикальные идеи. Стал одним из самых активных участников восстания 14 декабря. Вывел на площадь мятежный Финляндский полк. Ранил штыком генерал-губернатора Милорадовича. За час до разгрома восстания был избран диктатором (командующим). Пытался собрать военный совет, но залпы картечи рассеяли восставших. После ареста содержался в Алексеевском рavelине «под строжайшим арестом без всякого сообщения». Достоинно держался на следствии. Был обвинен «в умысле на царевубийство, в установлении... Тайного Северного общества и в управлении оным», а также в том, что «лично действовал оружием с пролитием крови и принял на себя в мятеже начальство». Приговорен по I разряду к отсечению головы. Казнь заменена сначала пожизненной, а затем 20-летней каторгой. В первой партии осужденных был отправлен в Сибирь в кандалах. Отбывал каторгу в Иркутске, Благодатском руднике, Читинском остроге и Петровском заводе. В 1839 г. обращен на поселение. Последнее место ссылки (с 20.8.1843) — г. Ялуторовск. По отзывам современников, Оболенский был глубоко религиозным человеком. Близкие к нему люди считали это результатом духовного переворота, случившегося в молодом человеке после «несчас-

тной дуэли», на которой он застрелил своего противника. До конца жизни Оболенский пользовался среди декабристов и младших современников непререкаемым нравственным авторитетом. В 1856 г. в Ялуторовске Е.П. Оболенский написал «Воспоминание о Кондратии Федоровиче Рылееве» и «Воспоминание о 1827—1828 гг.», редкие по глубине и тонкости человеческих характеристик.

¹⁰ **Тизенгаузен Василий (Вильгельм-Сигизмунд) Карлович** (1779 или 1780—25.10.1857). Полковник, командир Полтавского пехотного полка. Участвовал в русско-шведской и русско-турецкой (1810—1811) войнах, награжден орденом св. Владимира. Участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов. Брал Париж. Награжден орденом св. Анны и за отличие переведен в гвардейский Семеновский полк. Член Южного общества. Приговорен в каторжную работу на два года. Каторгу отбывал в Читинском остроге. Поселен сначала в Сургуте, а в 1829 г. переведен в Ялуторовск. Ялуторовские декабристы называли В.К. Тизенгаузена «старейшиной» своей колонии, но, по словам И.И. Пушина, был «он больше или меньше везде как чужой».

Жизнь в Ялуторовске сопровождалась разными неудачами: поджогом строившегося дома, ограблением, доносами городничего Смирнова. Жена и дети Тизенгаузена оставались в России. В 1851 г. сыновья Михаил и Александр посетили отца в Ялуторовске, откуда вернулись в марте 1852

года. Семейной драмой Тизенгаузенов была душевная болезнь обоих сыновей. По высочайшему разрешению декабристу позволено было вернуться к семейству на родину в Нарву в 1853 году. По амнистии 26.8.1856 г. Тизенгаузен был восстановлен в прежних правах. Умер и похоронен в Нарве. Привлекательный человеческий образ В.К. Тизенгаузена наиболее развернуто представлен в воспоминаниях А.С. Семенова «Декабристы в Ялutorовске» (См. Страна без границ. Тюмень, 1998. Т. 2. С. 110—111).

¹¹ Табель о рангах — введенный Петром I список чинов военного, гражданского и придворного ведомства, включал 14 классов. 8 классу соответствовали в армии чин майора, в гражданской службе — коллежского асессора. С 8 класса начинались так называемые штаб-офицерские чины. Лиц, облеченных ими, следовало именовать «ваше высокоблагородие», тогда как лица низших обер-офицерских чинов (от 14 до 9) звались «ваше благородие».

¹² Vis-a-vis — напротив.

¹³ Брандскугель — зажигательное ядро, род дырчатой бомбы, гранаты, начиненной зажигательной смесью (В.И. Даль). Здесь в значении «метательный снаряд».

¹⁴ Барочные плахи — оставшиеся от разлома барки, речного грузового судна грубой постройки; барка использовалась только одну путину, а затем шла в лом — на постройки или дрова (В.И. Даль).

¹⁵ Лукин Иван Александрович — смотритель училищ в Ялutorовске; по свидетельству М.С. Знамен-

ского, ученики дразнили его Вороном и не любили. Лукин неоднократно посылал в Тобольск доносы, что в ялutorовском приходском училище преподает «государственный преступник» И.Д. Якушкин. Чтобы не дать «кляузам» ход, декабристу М.А. Фонвизину, родственнику генерал-губернатора Западной Сибири, пришлось употребить все свое влияние.

И.Д. Якушкин сомневался в успехе заступничества. Но после объяснений Фонвизина в ответ на доносы Лукина в отношении власти к преподавательской деятельности Якушкина произошел перелом. Губернатор и директор гимназии Качурин «начали взапуски хвалить» школу, так что «оставалось только молчать и слушать и удивляться». (Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Иркутск, 1979. Т. 1. С. 290).

¹⁶ Вицмундир — форменный сюртук гражданских чиновников.

¹⁷ Краган — в Тобольской губернии накидной на голову воротник с башлыком (В.И. Даль).

¹⁸ Филатов Михаил Федорович — в 1840—1850 гг. почтмейстер в Ялutorовске. Утверждение К.М. Голодниковца, что Филатов был человек «так себе», можно поставить под сомнение на основании мемуаров А.С. Семенова «Декабристы в Ялutorовске». Семенов был помощником почтмейстера, близко знал его и тепло вспоминал спустя годы: «<...> и в Ялutorовске нашлось несколько человек, сочувствовавших декабристам. Из них первое место занимал теперь покойный почтмейстер Филатов».

Не дозволенная официально переписка, пересылка книг и т.п., конечно, не могли вестись без ведома и помощи почтмейстера.

¹⁹ Орест и Пилад — герои древнегреческой мифологии, позднее трагедий Эсхила («Орестея») и Еврипида («Ифигения в Тавриде», «Орест»). Имя Пилада в сочетании с именем Ореста стало символом верной и преданной дружбы.

²⁰ Т.е. место весьма свободных и веселых нравов.

²¹ Речь идет о пятнадцатитомном Своде законов Российской империи.

²² **М-ч** — фамилия расшифрована самим К.М. Голодниковым в первом варианте его воспоминаний: «Исправник Менькович, славившийся в тогдашнее время по всей губернии своим бескорыстием» (Исторический вестник. 1888. Т. 34. Кн. 12).

²³ **В-в** — речь, скорее всего, идет о Степане Андреевиче Власове. В указанное К.М. Голодниковым время (конец 1830—1840-е гг.) именно Власов, по утверждению М.С. Знаменского, П.Н. Свистунова и др., был городничим в Ялуторовске. С ним связана известная история ветромера. Декабристы, в отличие от К.М. Голодникова, были достаточно резки в оценке Власова. М.А. Фонвизин называл его в письмах «болваном-городничим» и опасался с его стороны «пакости» училищным начинаниям И.Д. Якушкина. Последний, сравнивая Власова и городничего Тары А.Д. Блохина, писал: Блохин «хотя и пьяница, но добрый человек, а наш такой же дурак, как и был».

²⁴ **Мамонтов Иван Федорович** (1796—1869). Купец, в 1840-е гг. управлял в Ялуторовске винным откупом. 27 февраля 1842 г. в письме из Тобольска к И.Д. Якушкину М.А. Фонвизин замечает: «Я познакомился с вашим союзником Мамонтовым...» (Фонвизин М.А. Т. 1. С. 236).

²⁵ **Балакшин Николай Яковлевич** — купец, вначале служил управляющим у миллионера Н.Ф. Мясникова, а затем стал его компаньоном. Сблизившись с декабристами в Ялуторовске и Тобольске, Н.Я. Балакшин использовал свои поездки в Москву и Петербург для связи с родственниками ссыльных, перевозки писем и посылок к ним. И.И. Пущин писал о Балакшине: «Очень человек добрый и смывленный, приятно с ним потолковать и приятно видеть готовность его на всякую услугу: в полном смысле слова верный союзник...» (Пущин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1988. С. 197).

Дочери Балакшина и его жены Енафы Филипповны Анисья и Ольга учились в школе И.Д. Якушкина, а затем преподавали в ней. Балакшина О.Н. оставила «Воспоминания о декабристах в Сибири» (См.: Страна без границ. Т. 2. С. 100—103). В круг декабристов входил и сын Балакшиных Константин, городской староста Ялуторовска.

²⁶ **Знаменский Стефан (Степан) Яковлевич** (1806—1877). Тобольский, а с 1839 года ялуторовский протоиерей. Духовник Н.Д. Фонвизиной. В большей или меньшей степени был близок и дружен со

всеми декабристами курганской, тобольской и ялуторовской колоний. Поддерживал с ними связь всю жизнь. Известен прежде всего как главный сотрудник И.Д. Якушкина в создании и работе ланкастерских школ. В переписке и мемуарах декабристов имя С.Я. Знаменского постоянно упоминается с неизменным доброжелательством и теплом. «Встреча таких людей, как он, во всех отношениях приятна и утешительна», — писал И.И. Пущин. По свидетельству А.П. Созонович, «между священниками Тобольской губернии С.Я. считался чудачком потому, что, имея шестерых детей, жил добровольно в нужде, тогда как около раскольников легко мог найти десятки тысяч рублей» (Страна без границ. Т. 2. С. 108—109). Достоинства личности запечатлелись и во внешнем облике С.Я.: «кротость и спокойствие чистой совести отражались в его черных глазах, и одушевление его лица было как бы человека не от мира сего». В конце 1853 года Знаменский был переведен решением Консистории в Омск и назначен протоиереем Воскресенского собора. Отъезд его из Ялуторовска «оставил ощутительную пустоту в колонии декабристов». В Омске С.Я. Знаменский организовал женскую ланкастерскую школу по типу ялуторовских. Здесь же Знаменский, скорее всего, встречался с Ф.М. Достоевским, отбывавшим в Омске каторжные работы. Существует предположение, что С.Я. Знаменский был прототипом Тихона в романе Ф.М. Достоевского «Бесы».

²⁷ **Жилин Александр Львович** — сын губернского секретаря в Ялуторовске Льва Федоровича Жилина. Одновременно с К.М. Голониковым учительствовал в Ялуторовске. Известен был как художник-любитель. Снимал копии с «тюремных рисунков» декабристов, в частности, с акварелей Н.А. Бестужева с видами Петровского завода. В письмах М.А. Фонвизина содержатся сведения, что А.Л. Жилин «желал бы очень снять мой и Натальин (Н.Д. Фонвизина — *Н.Г.*) портреты». С «молодым Жилиным» декабристы не раз переправляли письма из Ялуторовска и Тобольска.

²⁸ В Ялуторовске Ентальцевы жили в доме В.И. Сесенина.

Сесенин В.И. — ялуторовский купец, упоминается в переписке И.И. Пущина и М.И. Муравьева-Апостола как доверенный человек, с которым передавались письма. О нем пишет в своих воспоминаниях А.П. Созонович.

²⁹ В 1845 г. А.В. Ентальцев умер в Ялуторовске, где и похоронен. Вдове его запрещено было выехать в Россию. Александра Васильевна провела в Сибири еще более 10 лет, живя на годовое пособие в 185 рублей. Ентальцеву опекала вся ялуторовская колония декабристов. Только после общей амнистии она вернулась в Москву, где умерла в 1858 году в полном одиночестве, хотя имела дочь (та была воспитана во вражде к матери в семье первого мужа Александры Васильевны).

³⁰ В Ялуторовске И.Д. Якушкин жил сначала в доме Н.Я. Балакшина, а затем квартировал у Фе-

досьи Родионовны Трапезниковой, которую чаще называли Родионовна.

³¹ Занимательная история с ветром была изложена в первом издании воспоминаний К.М. Голодника в 1888 г. (См. Страна без границ. Т. 2. С. 104—105). Тогда же эта анекдотическая версия была решительно и доказательно оспорена А.П. Созонович в «Заметках по поводу статьи К.М. Голодника «Государственные и политические преступники в Ялуторовске и Кургане» (См.: Страна без границ. Т. 2. С. 107—108). Однако и более чем через 10 лет во втором варианте воспоминаний К.М. Голодников счел возможным повторить свою версию без изменений.

³² Речь идет об **Анастасии Васильевне Якушкиной** (1.9.1807—20.2.1846), урожденной графине Шереметевой, жене И.Д. Якушкина с 5 ноября 1822 г. Неудачная попытка воссоединения семейства после отправки И.Д. Якушкина на каторгу имела долгую и печальную историю. Поначалу предполагалось, что Анастасия Васильевна с малолетними сыновьями последует за мужем. Проводить их в Сибирь должна была мать Анастасии Васильевны. Однако брать в Сибирь детей дозволено не было, а графине Н.Н. Шереметевой запретили сопровождать дочь. Поэтому при встрече с женой в Ярославле по пути на каторгу И.Д. Якушкин, «несмотря на сопротивление всего и всех», вопреки просьбам жены, настоял на том, чтобы она осталась с маленькими сыновьями, потому что, как он полагал, им

никто не заменит матери и кроме нее, несмотря на молодость, не сумеет дать «истинное направление» их воспитанию. Горячо любя мужа, А.В. Якушкина продолжала хлопоты и с помощью поэта В.А. Жуковского добилась небывалого: поездка в Сибирь была разрешена ей вместе с детьми. Якушкин, получив это известие, по его словам, не мог «повесить своему счастью». Однако болезнь младшего сына не позволила надеждам сбыться. Когда сыновья подросли, Якушкина еще не раз просила позволения отправиться в Сибирь, но по разным обстоятельствам поездка так и не состоялась. А уже в 1842 году И.И. Пущин в письме к Н.Д. Фонвизиной счел возможным заметить: «Теперь они (Якушкины — *Н.Г.*) совершенно чужие друг для друга» (Пущин И.И. С. 184).

Анастасия Васильевна, однако, свято выполнила завет мужа воспитать сыновей в уважении к отцу и к тому делу, которому он был привержен.

³³ **Вячеслав** (16.9.1823—1861) и **Евгений** (22.1.1826—27.4.1905) — сыновья И.Д. Якушкина. Благодаря матери росли в атмосфере подлинного уважения к подвигу отца и его товарищей. По желанию отца получили домашнее воспитание и образование, поскольку И.Д. хотел уберечь мальчиков от верно-подданнической атмосферы казенных учебных заведений. Позже окончили юридические факультеты: Вячеслав — в Московском, Евгений — в Петербургском университетах. После десятилетней переписки первое свидание с от-

цом состоялось в 1853 г. — И.Д. и Евгений встретились в Тобольске. В 1854—1856 гг. в Сибири находился Вячеслав Иванович. Он был назначен чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н.Н. Муравьеве. В 1855—1856 гг. второй раз приезжал к отцу Евгений Иванович. О своих сыновьях И.Д. Якушкин писал другу: они «неглупые ребята и к тому же довольно образованные, и я очень был доволен, что с ними познакомился». Ко времени создания воспоминаний К.М. Голодников Вячеслава Якушкина уже не было в живых, а Евгений Иванович был широко известен на общественном поприще. Многие годы он тщательно собирал и публиковал наследие декабристов. Вместе с братом занимался распространением литографированных портретов декабристов. Некоторых из них (И. Пущина, Е. Оболенского, Н. Басаргина и др.) младший Якушкин подвинул на создание мемуаров. Е.И. Якушкин приобрел известность как этнограф, юрист, общественный деятель. Декабристы считали его духовным продолжателем своего дела. Для многих из них он стал близким другом. В 60-е годы Е.И. был тесно связан с кружком московских друзей А.И. Герцена, являлся тайным корреспондентом «Полярной звезды», где впервые печатались многие материалы, связанные с историей декабризма.

³⁴ Не совсем точно. И.И. Пущин с 1843-го по 1856 гг. жил в доме вдовы Бронниковой.

³⁵ Речь идет о **Варваре Самсоновне Барановой** (1821—1894). По

свидетельству И.И. Пущина, «местная жительница», она была вольноотпущенной крестьянкой чиновника Блохина. Служила няней при дочери И.И. Пущина, исполняя должность «добросовестно и усердно». 6 февраля 1846 г. стала женой Е.П. Оболенского. Е.И. Якушкин отзывался о В.С. Оболенской како «во всех отношениях простой, но доброй» женщине.

³⁶ В семье Е.П. и В.С. Оболенских было девять детей, родившихся на поселении и после возвращения семьи в Центральную Россию. Четверо из них умерли в младенчестве. По указу Александра II от 30 августа 1856 г. были дарованы княжеские титулы детям Е. Оболенского, С. Трубецкого, С. Волконского, Д. Щепина-Ростовского, хотя самим родителям титулы возвращены не были.

³⁷ В письме И.И. Пущина к М.М. и Е.П. Нарышкиным от 21 сентября 1856 г. из Ялуторовска читаем: «Евгений получил от сестры известие, что его сыновья князья. <...> Дело сложное: не будучи князем, он тут делает князей». (Пущин И.И. С. 324).

³⁸ **Ростовцев Яков Иванович** (28.12.1803—6.2.1860). Служил в лейб-гвардии Егерском полку. Писал стихи, переводил драмы, печатался в журналах, был принят в литературном окружении К. Рылеева. В 1825 году вступил в Северное Тайное общество. В письме Николаю I от 12 декабря 1825 г. донес о готовящемся восстании. Подтвердил донос при личной встрече с царем. Сделал при Николае I и Александре II

блестящую карьеру: получил чин генерала от инфантерии, был начальником Штаба военно-учебных заведений, членом Государственного совета, в эпоху подготовки крестьянской реформы 1861 года стал председателем Комитета по крестьянскому делу.

Декабристы были весьма холодны в оценках поступка и личности Я.И. Ростовцева. Откровенно резок и нелицеприятен отзыв И.И. Пущина: «Ростовцев <...> просто изощряется в низости; нет силы видеть такие проявления верноподданничества» (Пущин И.И. С. 319).

В «Воспоминании о Кондратии Федоровиче Рылееве» (1856), где излагаются события кануна 14 декабря, Е.П. Оболенский вообще не упоминает имя Ростовцева. В «Записках декабриста» А.Е. Розена приводится письмо Е.П. Оболенского Розену от 20 марта 1860 г., в котором отдается должное Я.И. Ростовцеву, но только как деятелю крестьянской реформы.

³⁹ Мемуарист ошибается. Не совсем точно процитированные поэтические строки принадлежат Д.В. Давыдову (анакреонтическая ода «Мудрость», 1807) и как пушкинские не печатались.

⁴⁰ История появления этих стихов А.С. Пушкина изложена в «Записках о Пушкине» И.И. Пущина.

⁴¹ **Семенов Степан Михайлович** (27.12.1789—10.6.1852). Из духовного звания. «Своекоштный» студент Московского университета, удостоен степени кандидата этико-политических наук. Служил чиновником. Активный член Со-

юза благоденствия, член Северного общества. Особенно сблизился с И. Пушиным в Москве в 1824—1825 гг. Известные слова И. Пущина накануне восстания: «Случай удобен; ежели мы ничего не предприимем, то заслуживаем во всей силе имя подлецов», — адресованы именно С.М. Семенову. После ареста и четырехмесячного заключения в крепости Семенов был отправлен на службу в распоряжение генерал-губернатора Западной Сибири с приказом ежемесячно доносить о его поведении. В 1841 г. назначен советником Тобольского губернского правления и в этой должности пребывал до смерти. Умер в Тобольске, похоронен на Завальном кладбище. Письма И.И. Пущина полны теплых упоминаний и заботы о «любезном друге» Семенове.

Но, вопреки утверждению К.М. Голодникова об активной переписке, среди опубликованных писем И.И. Пущина значатся только два письма к С.М. Семенову.

⁴² Речь идет об **Огюсте Гризье**. В первой четверти XIX века он был учителем фехтования в Петербурге. Приемам сабельного боя у Гризье обучались А.С. Пушкин и И.А. Анненков. Знал его и И.И. Пущин.

На основе воспоминаний О. Гризье был создан роман А. Дюма «Записки учителя фехтования». Скорее всего, именно этот текст и имеет в виду К.М. Голодников. В переписке декабристов роман живо обсуждался. Глубоко обижена была на автора П.Е. Анненкова, прототип главной героини

романа Луизы Дюпюи. Версия событий, предложенная в книге, резко критиковалась декабристами.

М.И. Муравьев-Апостол полагал, что Гризье, от имени которого написан роман, «негодяй». Посылая книгу И.И. Пущину, М.А. Фонвизин писал: «<...> по моему мнению, преглупая книга, <...> она <...> обидна для всех нас. Удивительно, что даровитый Дюма решился написать такой вздор». (Фонвизин М.А. Т. 1. С. 238). Роман А. Дюма долгие годы был запрещен в России. Впервые напечатан на русском языке под заглавием «Учитель фехтования. Роман времен декабристов» в 1925 г. — к 100-летию восстания.

⁴³ Ошибка мемуариста или, возможно, опечатка при издании рукописи. Речь идет о **Лепарском Станиславе Романовиче** (1754—30.5.1837). Генерал-лейтенант Лепарский по личному выбору императора Николая I был назначен комендантом Нерчинских рудников, Читинской и Петровской каторжных тюрем. Осуществлял общий надзор за декабристами, строго придерживаясь всех предписаний, но, насколько возможно, стремился смягчить участь каторжан. Декабристы в целом оставили о нем отзывы как о честном и порядочном человеке. Так, Н.А. Бестужев утверждал: «Все, что от него зависело к облегчению нашему, часто и к удовольствию, — все было им допущено, все позволено». Лепарский С.Р. умер в Петровском заводе, где и похоронен в ограде Петропавловской церкви.

⁴⁴ Это утверждение скорее демонстрирует верноподданнические настроения самого мемуариста, чем тех, о ком он вспоминает. Доказательством этого могут, в частности, служить ялуторовские письма И.И. Пущина, полные язвительных высказываний в адрес «нашего приятеля» «Медведя Никса». По мнению Пущина, император Николай Павлович проявил себя столь «искусным садовником» в своих «сибирских теплицах», что остается только сожалеть об участии «бедной России, которая называет его царем отцом» (Пушин И.И. С. 163, 165).

⁴⁵ **Созонович Августа Павловна (Матвеевна — по приемному отцу)** (1833—?). Дочь Павла Григорьевича Созоновича (ум. в 1855), офицера уланского полка Бугского военного поселения, сосланного в каторжные работы в 1823 году «за оскорбление действием» (по щечину) полкового командира. Овдовев в 1837 г., он отдал дочь на воспитание М.И. Муравьеву-Апостолу, оставив при себе сыновей Евгения и Павла. Позже молодые люди также пользовались покровительством и поддержкой декабристов (см. об этом, в частности, в переписке И.И. Пущина). Августа Павловна (Гутинька) была другом и помощником всем членам ялуторовской колонии, поддерживала связь со многими декабристами до конца их жизни. Оставила проникновенные воспоминания о декабристах. Выступала в периодической печати. Известны, в частности, ее критические отзывы о первом варианте воспоминаний К.М. Го-

лодникова, опубликованных впервые в 1907 г. в сб. «Декабристы: Материалы для характеристики».

⁴⁶ Volens-nolens — волей-неволей.

⁴⁷ После амнистии М.И. Муравьев-Апостол был восстановлен в правах дворянства. В 1863 году ему было позволено носить Кульмский крест и военную медаль 1812 года. В год 200-летия Семёновского полка Муравьеву-Апостолу вернули солдатский Георгиевский крест. Но огромным состоянием, вопреки утверждению мемуариста, декабрист никогда не владел. Умер М.И. Муравьев-Апостол в возрасте 93 лет и похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

⁴⁸ Князь Петр Дмитриевич Горчаков (1799—1868) был генерал-губернатором Западной Сибири с 1836 г. до декабря 1850 г.

⁴⁹ Юс — судейский крючокотвор, законник (от лат. jus — право).

⁵⁰ **Лихарев Владимир Николаевич** (1803—10 или 11.7.1840). Член Южного общества. Отбыл год каторги в Читинском остроге. С 1828 г. находился на поселении в Кондинске. Очень тяжело переживал разлуку с женой, с которой обвенчался за 4 месяца до восстания, и с маленьким сыном (р. 1826), которого никогда не увидел. Отец Екатерины Андреевны Лихаревой сенатор Бороздин решительно запретил дочери поездку в Сибирь к мужу, а в 1836 г. она вторично вышла замуж. Мать и сестра Лихарева просили определить его рядовым в дей-

ствующую армию, но получили отказ. С 1830-го по 1837 г. В.И. Лихарев жил в Кургане. В 1837 г. вместе с другими декабристами-курганцами был отправлен рядовым на Кавказ. Служил вместе с Н.И. Лорером и М.Ю. Лермонтовым в Тенгинском полку. Убит в сражении с горцами, возможно, при Валерике, описанном Лермонтовым в одноименном стихотворении. На смерть Лихарева откликнулись его товарищи в Сибири: «На Кавказе свежая могила: Лихарев убит пулей прямо в сердце; лег на месте, не успел вздохнуть» (Пушкин И.И. С. 150).

⁵¹ **Фогт (точнее Фохт) Иван Федорович** (1794—1.2.1842). Участник антинаполеоновского похода русской армии в 1815 г. Член Южного общества. Приговорен сначала к пожизненной, а затем 20-летней ссылке в Сибирь. Из Петропавловской крепости был отправлен в Березов. Не получая никакой помощи от родственников, жил токарной работой и помогал березовскому лекарю. Позже над склонностью Фохта давать заочные медицинские советы (из Кургана — в Красноярск) иронизировал И.И. Пушкин. В 1829 г. Фохт был переведен в Курган. В 1837 г. ему было разрешено определиться рядовым на Кавказ, но по высочайшему повелению в ноябре этого же года Фохта оставили на поселении в Кургане. Здесь он и умер, завещав свое имущество и дом находившейся у него в услужении солдатской жене Рыбиной.

⁵² **Назимов Михаил Александрович** (19.5.1801—9.8.1888). Член Се-

верного общества. Был приговорен к вечному, а затем 20-летнему поселению в Сибири. Жил в Кургане с 1832 г. Брат Назимова ходатайствовал о его переводе на Кавказ, но получил отказ. Резолюция императора гласила: «Он более виноват, чем другие, ибо мне лично во всем заперся». В 1837 г. после ходатайства В.А. Жуковского, повлекшего к жизни знаменитую фразу Николая I: «Путь в Россию ведет через Кавказ», — определен рядовым в Кавказский корпус. В 1846 г. уволен в отставку поручиком. Жил под надзором. Активно участвовал в проведении крестьянской реформы.

⁵³ Во втором варианте воспоминаний К.М. Голодников выпустил из этого ряда упоминаемое в первом издании имя **Николая Ивановича Лорера** (1797 или 1798—май 1873). Член Южного общества, отбывший 8-летнюю каторгу, находился на поселении в Кургане вместе с семейством Нарышкиных, с которыми был дружен и состоял в близком родстве. В 1837 г. Лорера определили рядовым на Кавказ, где он был сослуживцем М.Ю. Лермонтова по Тенгинскому полку. В «Записках моего времени» декабрист оставил содержательные сведения о курганском «кружке товарищей».

⁵⁴ Это утверждение К.М. Голодникова можно решительно опровергнуть на основе мемуаров Н.И. Лорера «Записки моего времени» (гл. 15, 16). Суждения Лорера заслуживают тем большего доверия, что он знал отношения в курганском «кружке», что называется, изнутри. О дружеских отноше-

ях с М. Нарышкиным, Н. Лорером и др. еще со времен каторги писал и А.Е. Розен в «Записках декабриста».

⁵⁵ **Нарышкин Михаил Михайлович** (4.2.1798—2.1.1863). Состоял в Северном обществе. Приговорен к 12 годам каторги. В мае 1827 г. в каторжную читинскую тюрьму к нему приехала жена Елизавета Петровна, урожденная графиня Коновницына (1.4.1802—11.12.1867), единственная дочь знаменитого генерала 1812 года и военного министра. «Нарышкина казалась очень надменной, <...> но зато когда вы сблизались с этой женщиной, невозможно было оторваться от нее — она приковывала всех к себе своею беспредельною добротою и необыкновенным благородством характера», — вспоминала П. Анненкова.

Декабристы высоко ценили и качества личности М.М. Нарышкина. О «теплой и высокой душе» его писал Н.И. Лорер. А.Е. Розен отмечал его «скромность и кротость» при «блестящем и светском образовании». Е.П. Оболенский уважал в Нарышкине «кроткий тихий нрав, стремление к добру, верность в дружбе». Нарышкины были бездетны и в Читинском остроге взяли на воспитание крестьянскую девочку Ульяну Чупятову. В 1833 г. Нарышкины приехали на поселение в Курган. Их вживание в новую обстановку было облегчено тем, что здесь уже находилось семейство Розенов. «Оба они, муж и жена, помогали бедным, лечили и давали больным лекарства на свои

деньги... Двор их по воскресеньям был обыкновенно полон народа, которому раздавали пищу, одежду и деньги», — свидетельствовал Н.И. Лорер (Записки моего времени. М., 1988. С. 442). Когда в 1837 г. бывшего полковника Нарышкина определили рядовым на Кавказ, Елизавета Петровна вновь последовала за мужем.

⁵⁶ **Розен Андрей Евгеньевич** (3.11.1799—19.4.1884). Поручик лейб-гвардии Финляндского полка барон Розен в членах Тайного общества не состоял, но принимал активное участие в восстании на Сенатской площади. С 1825 г. был женат на Анне Васильевне Малиновской (22.12.1797—24.12.1883), дочери первого директора Царскосельского лицея. «С невестою моею, — вспоминал Розен, — был я соединен не одним обручальным кольцом, но единопдушием в наших желаниях и взглядах на жизнь». Оставив у родных маленького сына, Анна Васильевна последовала за мужем в Сибирь и встретила с ним во время перехода декабристов из Читы в Петровский завод. Анна Васильевна отличалась завидной терпимостью, уравновешенностью характера. Ее письма из Сибири спокойны и благородны. «Скажу просто, что я совершенно счастлива, как только можно того желать», — писала она брату Ивану, лицейскому приятелю А.С. Пушкина. После 6-летней каторги в 1832 г. Розены с годовалым сыном Кондратием, названным в честь Рылеева, отправились на поселение в Курган, где

прожили 5 лет. Андрей Евгеньевич, «большой агроном», по отзыву Н.И. Лорера, занимался хозяйством, безвозмездно лечил нуждавшихся. В Кургане в 1837 г. Розенов посетил В.А. Жуковский, давний их друг, сопровождавший в поездке по Сибири наследника престола Александра. В этом же году Розен был отправлен рядовым на Кавказ. Анна Васильевна с четырьмя детьми через всю страну отправилась вслед за мужем. После амнистии Розены жили на Украине в имении Анны Васильевны. А.Е. Розен много лет преподавал в устроенной им школе для крестьянских детей.

⁵⁷ **Щепин-Ростовский Дмитрий Александрович** (1798—22.10.1858). Воспитывался в морском кадетском корпусе. Служил в Гвардейском экипаже. В 1823 г. был переведен в Московский полк, получил под командование роту. В Тайных обществах не состоял, но стал одним из самых активных участников событий на Сенатской площади. Как вспоминал В.И. Штейнгель, «князь Щепин-Ростовский, любимый в Московском полку, хотя и не принадлежавший явно к обществу, но недовольный и знавший, что готовится восстание <...>, успел внушить солдатам, что <...> они должны идти к Сенату» (Мемуары декабристов: Северное общество. М., 1981. С. 221). Вместе с братьями Бестужевыми он вывел на площадь мятежный Московский полк. При этом ранил саблей генералов Шеншина и Фредерикса и полковника Хвоцинского, которые

пытались удержать полк в казармах; нанес сабельный удар рядовому Красовскому, старавшемуся отнять у восставших полковое знамя. Был приговорен к казни отсечением головы, замененной вечной каторгой. Находился на поселении сначала в Енисейской губернии, а с октября 1842 г. — в Кургане. Нуждался, несколько лет получал помощь от Малой артели декабристов. После амнистии поселился во Владимирской губернии.

⁵⁸ Сомнения мемуариста вызваны, по-видимому, польской фамилией. **Повало-Швейковский Иван Семенович** (1787 или 1788—10.5.1845) родом из дворян Смоленской губернии. Участник антинаполеоновских кампаний 1805—1807 гг., в которых получил золотую шпагу за храбрость; турецкой войны 1806—1812 гг., где был не раз ранен. Участвовал в Отечественной войне 1812 года, при Бородине ранен и награжден орденом св. Анны. Совершил с армией заграничные походы, за храбрость в «битве народов» под Лейпцигом награжден второй золотой шпагой, затем орденом св. Георгия. Полковник Саратовского полка. Состоял в Южном обществе. После ареста «содержался строго» в Петропавловской крепости. Приговорен к 20-летней каторге, отбывал ее в Чите и Петровском заводе. Здесь Н.А. Бестужевым с Повало-Швейковского был выполнен один из лучших акварельных портретов — «храброе, благородное, воинское лицо» (В.Д. Философов). В 1839 г. декабрист был обращен на по-

селение в Курган, где и умер, завещав свое имущество находившейся у него в услужении вдове Анне Даниловне Ризенковой.

⁵⁹ **Фон-дер Бриген Александр Федорович** (16.8.1792—27.6.1859). Начал службу в лейб-гвардии Измайловском полку. Участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов. В Бородинском сражении был контужен и награжден золотой шпагой за храбрость. При Кульме ранен в голову и «за отличную храбрость» награжден орденом Владимира и Кульмским крестом. Уволен от службы по болезни в чине полковника. Член Северного общества, выполнял доверенные поручения К. Рылеева. Осужден на год каторжных работ. Поселен сначала в Пельные, а в 1836 г. переведен в Курган. Был натурой неоднозначной: не чуждался меркантильных устремлений — и безвозмездно щедро помогал живущему в нужде семейству Н. Мозгалевского; стремился во что бы то ни стало служить — и решительно вступил в конфликт с «уездной аристократией». «В этом здании есть какая-то непостижимая загадка», — писал о Бригене И.И. Пущин.

⁶⁰ **Софья Михайловна Миклашевская** (р. 1803) — первая (законная) жена А.Ф. Бригена. В этом браке у Бригена были сын и три дочери.

⁶¹ Речь идет о второй (гражданской) жене Бригена, крестьянке д. Рябковой Курганского округа Александре Тихоновне Томниковой (р. 1819) и их дочерях Екатерине и Марии.

⁶² Бриген А.Ф. получил разрешение поступить на гражданскую службу еще в 1838 году. Стремление его непременно занять любую должность не одобрялось декабристами. Так, М.А. Фонвизин решительно «не понимал, как можно упасть до такой степени». Большой карьеры Бриген-«забияка», как звал его И.И. Пущин, сделать не мог не только потому, что был Николаю I «другом по 14 декабря», но и в силу своего характера. Став в 1848 г. заседателем Курганского окружного суда, он обвинил местные власти в убийстве крестьянина М.Е. Власова. По этому делу находился под следствием (1850) «за неуместные его званию суждения и заносчивое поведение», был переведен в Туринск и возвращен в Курган только в 1855 г.

⁶³ В письме к дочери от 7.10.1848 г. А.Ф. Бриген сообщал: «Князь был очень любезен со мною, <...> пообещал дать мне подходящее место» (Бриген А.Ф. Историч. сочинения. Иркутск, 1986. С. 242). На новость откликнулся И.И. Пущин: «Бриген допущен к исправлению должности заседателя окружного суда — это по его просьбе. Получивши 14 класс (т.е. чин коллежского регистратора, низший в Табели о рангах — *Н.Г.*), он ездил в Омск и просил у князя места. Просто чудеса!» (Пущин И.И. С. 228).

⁶⁴ В 1844—1846 гг. Бриген перевел «Записки о галльской войне» Юлия Цезаря и с 1845 г. начал переписываться с В.А. Жуковским о возможности издания перевода. Благодаря хлопотам Жуковского и материальной помо-

щи Н.И. Тургенева Бриген получил за перевод 2500 рублей. Но издание перевода так никогда и не состоялось.

⁶⁵ 12.6.1857 г. А.Ф. Бриген выехал из Кургана, получив сначала разрешение жить в Петергофе у младшей дочери от первого брака, а затем и в Петербурге.

С собой в Россию Бриген взял только сына Николая (р. 1848). После смерти отца мальчик, по некоторым сведениям, воспитывался в семье Н.И. Тургенева.

⁶⁶ Дочь А.Ф. Бригена Екатерина (р. 1839) в 1857 г., когда отец еще не покинул Курган, вышла замуж за учителя Омского полубатальона кантонистов унтер-офицера А. Кузнецова, а Мария (р. 1844) была замужем за учителем А. Федотовым.

⁶⁷ Башмаков Флегонт Миронович (1774—21.9.1859). Начал службу сержантом. Участвовал в итальянском походе Суворова и в антинаполеоновских кампаниях. В 1812 г. за отличие в сражениях произведен в полковники. В 1820 г. «за клевету и растрату» разжалован в солдаты без лишения дворянства и определен в рядовые Черниговского полка. В знаменитом восстании черниговцев под руководством С. Муравьева-Апостола не участвовал, но был арестован. Решительно отрицал членство в Тайном обществе. Был приговорен к лишению дворянства и ссылке навечно в Сибирь. Находился на поселении в Таре. С 1838 г. жил в Кургане. В 1853 г. переведен в Тобольск. В этом же году последовало высочайшее изволение вернуть Башмакова на жительство во внутренние

губернии России, но он по старости отказался и остался в Тобольске, где умер и похоронен на Завальном кладбище.

⁶⁸ К моменту великой «битвы народов» под Лейпцигом (16, 18, 19 октября 1813 г.) Ф.М. Башмаков был уже полковником артиллерии. После окончания войны до 1818 г. он служил в оккупационном корпусе М.С. Воронцова.

⁶⁹ **Басаргин Николай Васильевич** (1800—3.2.1861). Внук известного русского архитектора К.И. Бланка. Выпускник знаменитой школы колонновожатых в Москве. Служил на юге при Главном штабе второй армии. 20-летним прапорщиком вступил в Тайное общество. Причины назвал сам: «желание быть полезным, возможность сблизиться с людьми благомыслящими и <...> хорошая цель». Был приговорен к 20-летней каторге. С 1836 г. находился на поселении в Туринске. С марта 1842 г. по май 1846 г. жил в Кургане. Материальное положение его семьи в это время было бедственным. В 1848 г. Басаргин переехал в Ялуторовск. О здешней колонии декабристов он писал: «Все мы были чрезвычайно дружны между собой <...>. Это было какое-то братство — нравственный и душевный союз» (Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 261). Н.В. Басаргин занимался литературным творчеством, писал рассказы, публицистику. Его «Записки» (1856) содержат анализ истории и современного состояния Сибири; предложения Басаргина по улучшению поло-

жения края не потеряли своего значения и ныне.

⁷⁰ Первая жена Н.В. Басаргина Мария Михайловна, урожд. княжна Мещерская, умерла в 1825 г. до ареста мужа. Речь идет о второй жене Н.В. Басаргина Марии Елисейевне Мавриной (1821—1846). На дочери подпоручика Туринской инвалидной команды Басаргин женился 27 августа 1839 г. В 1840 г. Басаргины потеряли сына Александра, а в 1842 г. «любимого Васиньку». «Я хожу как убитый», — писал Басаргин. В результате семейной драмы М.Е. Басаргина вместе с матерью в 1844 г. поступила в Екатеринбургский женский монастырь. Однако пробыла там недолго и в конце августа того же года вернулась к мужу. В 1846 г. она умерла.

⁷¹ В марте 1847 г. в Омске Н.В. Басаргин женился на Ольге Ивановне Менделеевой (1814—1866), сестре будущего выдающегося ученого Д.И. Менделеева. К.М. Голодников именует ее Медведевой по фамилии первого мужа Ольги Ивановны — Ивана Петровича Медведева (ум. в 1842 г.). Купец и, по отзыву Е.П. Оболенского, «предприимчивый человек», он завел в с. Коптоль первую стеклянную фабрику. Глубоко уважая И.Д. Якушкина, И.П. Медведев предложил ему содействие в устройстве ланкастерской школы и на свой счет перевез в Ялуторовск и восстановил здание, в котором и было открыто училище. И.П. Медведев, по свидетельству А.П. Созонович, был «самым крупным из жертвователей», благодаря которым школы И.Д.

Якушкина могли успешно работать.

⁷² Мемуарист путает последовательность событий. В 1846 г., живя в Кургане, Н.В. Басаргин получил разрешение вступить в гражданскую службу. Прибыв в Омск в мае 1846 г., он был зачислен писцом в канцелярию Пограничного управления сибирских киргизов. В феврале 1848 г. декабрист был переведен на службу в Ялуторовский земский суд и оставался в Ялуторовске до амнистии.

⁷³ Бонвиван — человек, любящий жить в свое удовольствие, беспечно, весельчак.

⁷⁴ Щепин-Ростовский Д.А. содержался после ареста в Петропавловской крепости и до мая 1826 г. был закован в «ручные железа».

⁷⁵ **Муравьев Александр Михайлович** (19.3.1802—24.11.1853). Представитель знаменитого «муравейника» — многочисленного рода Муравьевых-Муравьевых-Апостолов-Луниных. Младший брат Никиты Муравьева, создателя декабристской «Конституции». Вместе с братом получил блестящее домашнее образование. Служил в Кавалергардском полку. Принят в Северное общество М.И. Муравьевым-Апостолом. В дни подготовки восстания был связным, собиравшим заговорщиков на совещания. 14 декабря решительно агитировал кавалергардов не присягать Николаю. Приговорен к 15-летней каторге. Отправлен в Сибирь вместе с братом. После освобождения от каторжных работ не захотел покинуть

брата и добровольно остался в Петровском заводе. В 1835 году братья вместе с Ф.Б. Вольфом вышли на поселение. В 1844 г. Муравьев получил разрешение служить и переехал в Тобольск. Принадлежит к очень состоятельному семейству, имел возможность щедро помогать товарищам. Оставил мемуары («Мой журнал»), посвятив их жене. В 1853 г. получил разрешение вернуться в Россию, но не успел узнать об этом.

⁷⁶ Жозефина Адамовна Бракман (р. ок. 1814) была гувернанткой в семье С.Г. Волконского. Вышла замуж за А.М. Муравьева в 1839 г. По отзыву И.И. Пущина, была «недурна собой, но довольно проста».

⁷⁷ **Фонвизин Михаил Александрович** (20.8.1787—30.4.1854). Родился в семье, принадлежавшей к высшему слою дворянской интеллигенции, племянник Д.И. Фонвизина. В 16 лет получил боевое крещение при Аустерлице. В 1812 г. — адъютант знаменитого генерала А.П. Ермолова. «Лучших — немного», — писал о Фонвизине Ермолов. За Бородино поручик Фонвизин был награжден орденом св. Анны, за сражение при Малоярославце — золотой шпагой за храбрость. Участвовал вграничных походах армии, был награжден Кульмским крестом. Ушел в отставку в чине генерал-майора. Являлся одним из организаторов ранних декабристских обществ. Руководил подготовкой восстания в Москве в декабре 1825 года. После ареста заключен в Петропавловскую крепость с приказом содержать «строго и не давать видаться

ни с кем». Был приговорен к 12-летней каторге. Отбыв ее в Чите и Петровском заводе, вышел на поселение в Енисейск, затем в Красноярск. С 1838 по 1853 г. жил в Тобольске. Не раз безуспешно просился в солдатскую службу рядовым на Кавказ. Оставил обширное эпистолярное и блестящее публицистическое и мемуарное наследие. Будучи человеком высокого благородства, пользовался среди декабристов непререкаемым авторитетом. 27 лет тюрьмы, каторги и ссылки только придали убеждениям декабриста новую силу. В 1853 г., покинув Тобольск и навсегда прощаясь в Ялуторовске с остающимися в Сибири товарищами, больной и измученный Фонвизин поклонился в ноги И.Д. Якушкину за то, что тот принял его некогда в Тайное общество.

⁷⁸ **Фонвизина Наталья Дмитриевна**, урожд. Апухтина (1.4.1803—10.10.1869). В сентябре 1822 г. вышла замуж за генерала М.А. Фонвизина. В дневниковых набросках в Петропавловской крепости М.А. Фонвизин писал, что мысль о жене — единственная его поддержка: «Всего на свете мне дороже Наталья». После унижительных хлопот Н.Д. добилась разрешения последовать за мужем на каторгу в Читу. Помощь мужу и его товарищам Фонвизина считала своего рода нравственной миссией, уготованной ей Богом. Все без исключения мемуаристы, знавшие Н.Д., отмечали необыкновенную высоту ее духовных устремлений. Признательность и уважение к ней были общими, т.к. она неустанно помогала всем, кто

нуждался в помощи. Н.Д. была одной из самых ревностных корреспонденток из Сибири, настойчиво ходатайствовала об облегчении участи каторжан исылльных. В январе 1850 г. встречалась в тобольском тюремном замке с Ф.М. Достоевским, провожала его в путь на каторгу; они долго переписывались. Покинуть Сибирь Фонвизиной позволили только через несколько месяцев после отъезда ее мужа в Россию. В 1856 г. Н.Д. тайком отправилась во вторичное добровольное путешествие за Урал, посетила в Омске С.Я. Знаменского, в Тобольске и Ялуторовске — оставшихся в ссылке декабристов. «Эта женщина сделала нам такой подарок, который я называю подвигом дружбы <...>. Хотя она уверяет, что поездка в Сибирь для нее подарок, а не для нас», — свидетельствовал И.И. Пущин.

⁷⁹ Мемуарист не совсем точен. Екатерина Муравьева (р. 1842) с 1860 г. была замужем за лейтенантом английского флота Бючау-Тельфер.

⁸⁰ Quasi аристократия, т.е. мнимая аристократия; те, кто считал себя губернским «высшим светом».

⁸¹ **Вольф Фердинанд (Христиан-Фердинанд) Богданович** (1796 или 1797 — 24.12.1854). Штаб-лекарь 2-й армии. В 1812 г. «добровольно находился для помощи раненым» в военном госпитале. Член Южного общества. Приговорен к 15 годам каторги. С 1835 г. — на поселении в Восточной Сибири. В 1845 г. получил разрешение жить в Тобольске. В 1852 г. Вольфу официально позволили испол-

нять должность врача при больнице тобольского тюремного замка. Переписка и мемуары декабристов полны теплых слов о Вольфе. Жизнь его была истинным примером неустанного и бескорыстного служения страждущим. М.Д. Францева вспоминала, как в Иркутске спасенный от неминуемой смерти золотоискатель прислал Вольфу 5 тысяч рублей с запиской, что бросит деньги в огонь, если доктор откажется их принять. Денег Вольф все-таки не взял. Умер Вольф в Тобольске и похоронен на Завальном кладбище.

⁸² Мемуарист ошибается. Факт места не имел. Ошибка может быть объяснена тем, что все годы сибирской жизни на поселении Ф.Б. Вольф провел «на краешке чужого гнезда» — в семье А.М. Муравьева. Дружба с ним была для Вольфа подлинным спасением от одиночества. Вдова А.М. Муравьева второй раз вышла замуж в 1856 г. в Дерпте за врача Генриха Мейера, с которым вскоре разошлась и уехала в Швейцарию.

⁸³ Хозяйкой дома, где жили Фонвизины в первые годы пребывания в Тобольске, была Елена Ивановна Пирожникова.

⁸⁴ Архиерей Сибирский и Тобольский **Афанасий** (А.Ф. Протопопов, 1785—1842). Подвигнул М.А. Фонвизина на перевод духовных сочинений («Ясновидящая Преворстская» и др.). Именно преосвященный Афанасий, по словам М.А. Фонвизина, «возвратил права состояния» знаменитому ссыльному угличскому коло-

колу: после 250 лет молчания он вновь стал церковным колоколом в крестовой церкви архиерейского дома. Жизнеописание Афанасия Тобольского принадлежит перу А.И. Сулоцкого.

⁸⁵ Тобольский архиерей **Владимир** (Алявдин) сменил Афанасия и занимал кафедру с ноября 1842 г. до своей смерти в мае 1845 г.

⁸⁶ Отправляясь за мужем в Сибирь, Н.Д. Фонвизина вынуждена была оставить в России маленьких сыновей: Дмитрия (р. 1824) и Михаила, родившегося, когда отец его уже был в Петропавловской крепости (февраль 1826). В Петровском заводе Фонвизины потеряли двух родившихся на каторге мальчиков — Богдана и Ивана. Смерть «ангела Вавы» очень тяжело была пережита родителями. Долгие годы мать и отец жили надеждой на встречу со старшими сыновьями. Регулярная переписка только отчасти скрашивала разлуку. Но судьба нанесла Фонвизины еще один удар, от которого они уже никогда не оправались — один за другим сыновья умерли от чахотки — Дмитрий в октябре 1850 г., а Михаил в июне 1851 г. В годы тобольской жизни в семье Фонвизиных воспитывались приемные дети: Николай Знаменский, Мария Францева (р. 1835, автор содержательных и полных сердечности воспоминаний о тобольских декабристах), дочь поселенца Антонина Дмитриева (р. 1850), Прасковья Свешникова, увезенная Фонвизинами в Европейскую Россию. «Милые мои, Богом данные приемыши», — так называл их всех М.А. Фонвизин.

⁸⁷ Речь идет о тобольском губернском прокуроре **Петре Никифоровиче Черепанове**. Он исполнял денежные и хозяйственные поручения декабристов, переправлял их письма. Имя П.Н. Черепанова особенно часто упоминается в переписке М.А. Фонвизина.

⁸⁸ **Францев Дмитрий Иванович** (ум. 1854) — советник Тобольского губернского правления, прокурор. Познакомился с декабристами еще во время своей службы в Красноярске. Оказывал разнообразное содействие ссыльным декабристам и польским революционерам. Собирал средства и был активным помощником в устройстве «декабристской» церкви в д. Подрезово в 25 верстах от Тобольска (архитектурный проект П.С. Бобринцева-Пушкина, иконы написала Н.Д. Фонвизина). Отец известной мемуаристки М. Францевой.

⁸⁹ Князь П.Д. Горчаков был женат на Наталье Дмитриевне Черевиной, родственнице Н.Д. Фонвизинной. Это родство упрочивало положение Фонвизинных в начальный период их жизни в Тобольске. Но в 1839 г. Главное управление Западной Сибири было переведено в Омск, и постоянное общение Фонвизинных с Горчаковым прекратилось. Впоследствии же отношения с ним вообще обострились; вероятно, известную роль в этом сыграл фактический развод Горчакова с женой.

⁹⁰ Овдовев, Н.Д. Фонвизина 22 мая 1857 г. вышла замуж за И.И. Пушина. Еще на каторге в Чите и Петровском заводе Н.Д. была

очень сердечна к И.И. Пушину. Он знал превосходные качества Н.Д. и снисходительно относился к ее неугомонным фантазиям. Правда, даже на пятом десятке лет И.И. категорически утверждал, что не намерен вставать в очередь запоздавших женихов. После амнистии Пушин поселился в имении Фонвизинных Марьяне и здесь же обвенчался с Н.Д. Так соединились судьбы «первого бесценного друга» Пушкина и женщины, которая всю жизнь считала себя прототипом любимой пушкинской героини.

⁹¹ **Анненков Иван Александрович** (5.3.1802—27.1.1878). Поручик Кавалергардского полка, член Южного общества. Был приговорен к 20-летней каторге. При последнем свидании в Петропавловской крепости умолял Полину Гебль (9.6.1800—14.9.1876) не покидать его в несчастье. Оставив на попечение родни Анненкова маленькую дочь (р. 1826), П. Гебль отправилась в Сибирь. 4 апреля 1828 г. в Чите состоялось венчание Анненковых. По словам Н.В. Басаргина, «это была любопытная и, может быть, единственная свадьба в мире». Декабристы и их жены называли Прасковью Егоровну «замечательной личностью», «кипевшей жизнью и весельем». Мемуаристы отмечали ее благотворное влияние на Анненкова и с полным основанием считали, что без жены он не перенес бы каторги: «Упасть духом он мог бы скорее всякого другого, <...> без нее он бы со своим характером совершенно погиб. Его вечно все тревожит, и он никогда ни на что не

может решиться», — свидетельствовал И.Д. Якушкин. В 1836 г. Анненковы вышли на поселение. С января 1839 г. семья жила в Туринске, где Анненков получил разрешение вступить в гражданскую службу. В 1841 г. Анненкова перевели на службу в Тобольск, где он занимал ряд должностей: ревизора поселений и заседателя тобольской экспедиции о ссыльных, заседателя тобольского приказа общественного призрения (с 1851 г.). По свидетельству М.А. Фонвизина, Анненковы входили «в число тобольских *notabilites*» (влиятельных людей — *Н.Г.*). В Тобольске в 1850 г. после четвертьвековой разлуки Анненковых навестила старшая дочь Александра. В 1857 г. Анненковы вернулись в Россию. С 1861 г. И.А. Анненков избирался нижегородским уездным предводителем дворянства; был активным участником подготовки и проведения крестьянской реформы. П.Е. Анненкова оставила воспоминания, занявшие значительное место в декабристской мемуаристике.

⁹² **Анненкова Ольга Ивановна** (19.5.1830—10.3.1891) была одной из самых замечательных женщин декабристского окружения. Представление о высоких качествах Ольги Ивановны дают начальные фразы ее неоконченных мемуаров: «Первые мои воспоминания — тюрьма и окопы. Но, несмотря на всю суровость этих воспоминаний, они лучшие и самые отрадные в моей жизни». Вместе с матерью в 1850 г. Ольга Анненкова встречалась в тобольском остроге с Ф.М. Достоевским. «Высокая, ослепительная

блондинка» произвела неизгладимое впечатление на узников. В 1852 г. Ольга Ивановна вышла замуж за Константина Ивановича Иванова, состоявшего в Омске в должности адъютанта генерал-губернатора, ведавшего всеми работами в крепости, где отбывал каторгу Достоевский. С того времени Иванов оказывал всяческое содействие писателю-арестанту. 22 февраля 1854 г. в письме к брату Ф.М. Достоевский писал: «Если б не нашел здесь людей, я бы погиб совершенно. К.И. И<ванов> был мне как брат родной. Он сделал для меня все, что мог <...>. Что за семейство у него! Какая жена! Это молодая дама, дочь декабриста Анненкова. Что за сердце, что за душа, и сколько они вытерпели!». По окончании каторжных работ Достоевский месяц жил в доме Ивановых; в позднейшие годы встречался с ними в Петербурге. В начале 1860-х годов Ольга Ивановна взяла на себя труд записать воспоминания матери. П.Е. Анненкова рассказывала о запомнившемся на французском языке, а дочь записывала за нею, тут же переводя на русский. Портреты детей Анненковых хранил у себя в годы пребывания в Ялutorовске И.И. Пущин.

⁹³ **Свистунов Петр Николаевич** (27.7.1803—15.2.1889). Член Южного общества. Друг и сослуживец И.А. Анненкова по Кавалергардскому полку. Приговорен к 15 годам каторги, отбывал ее в Чите и Петровском заводе. Благодаря хатайству знатной и очень состоятельной родни переведен на поселение в Курган (1838), а затем в Тобольск (1841); не в пример дру-

гим ссыльным уже в 1841 г. получил разрешение вступить на службу в одно из присутственных мест. За отличие по службе по высочайшему повелению получил чин коллежского регистратора, затем губернского секретаря. В письме от 3 марта 1842 г. М.А. Фонвизин с долей иронии писал: «Анненковы и Свистуновы поступили в число тобольских влиятельных людей, и даже они берут шаг у здешней чиновной аристократии» (Фонвизин М.А. Т. I. С. 236). Свистунов награжден был музыкальными талантами; И.И. Пущин писал о его замечательном голосе. Благодаря неустанной щедрой помощи брата все годы каторги и ссылки Свистунов был в курсе новинок русской и европейской литературы и журналистики. Снабжал книгами и журналами друзей по всей Сибири. После амнистии служил по крестьянским делам. Преподавал в калужской гимназии французскую литературу.

⁹⁴ Мемуарист неточен. Свистунов П.Н. в январе 1842 г. женился на Татьяне Александровне Неугодниковой, приемной дочери смотрителя курганского уездного училища Александра Ивановича Дуранова. Отцом ее был курганский квартальный надзиратель Степан Елисеевич Неугодников. По словам М.А. Фонвизина, «слух об этом браке разнесся от берегов Байкала до Сены».

⁹⁵ Ошибка мемуариста. На поселении у Свистуновых было четверо детей: дочери Магдалина и Екатерина, сыновья Николай (умер младенцем) и Иван.

⁹⁶ Кюхельбекер Вильгельм Кар-

лович (10.6.1797—11.8.1846). Литератор, член Вольного общества любителей российской словесности. Известен как поэт, драматург, прозаик, критик, издатель. Друг А.С. Пушкина и А.С. Грибоедова. Состоял в Северном обществе. В историю декабризма вошел как активный участник дела 14 декабря. Приговорен был к каторжным работам на 20 лет. До 1835 г. отбывал каторгу в Динабургской крепости. В 1836 г. обращен на поселение в г. Баргузин. В 1845 г. поселился в Кургане. К концу жизни ослеп; получил разрешение на лечение в Тобольске. Умер в Тобольске, похоронен на Завальном кладбище. Часто иронизируя над житейской неприспособленностью Кюхельбекера, декабристы неизменно высоко ценили достоинства его ума и сердца.

⁹⁷ Дросида Ивановна (1817—1886) была дочерью баргузинского мещанина, почтмейстера Артемова. Вышла замуж за В. Кюхельбекера 15 января 1837 г. в 19 лет. В своих оценках К.М. Голодников солидарен с И.И. Пущиным. Тот находил Дросиду Ивановну «мужиковатой» и иронизировал: «Выбор супружницы доказывает вкус и ловкость нашего чудака» (Пущин И.И. С. 200).

⁹⁸ mesalliance — неравный брак.

⁹⁹ Кюхельбекер действительно не раз становился объектом лицейских эпиграмм и розыгрышей. Но в изложенной мемуаристом истории якобы лицейского периода явно нашли отражение мотивы более поздней (1819) пушкинской эпиграммы на Кюхельбекера:

За ужином объелся я,
А Яков запер дверь оплошно —
Так было мне, мои друзья,
И кюхельбекерно, и тошно.

Эпиграмма вызвала ссору и дуэль Пушкина и Кюхельбекера.

¹⁰⁰ Мемуарист ошибается. На поселении у Кюхельбекеров родилось четверо детей. К моменту переезда в Курган в живых остались двое: сын Михаил (1839—1879) и дочь Юстина (р. 1843). После смерти отца детей взяла на воспитание их тетка Ю.К. Глинка. До 1856 г. они именовались не по фамилии отца, а Васильевыми.

¹⁰¹ **Бобришевы-Пушкины Николай Сергеевич** (21.8.1800—13.5.1871) и **Павел Сергеевич** (15.7.1802—13.2.1865). Поручики квартирмейстерской части во 2-й армии. Члены Южного общества. Оба были арестованы 8 января 1826 г. и доставлены в Петербург. Бобришева-Пушкина-первого приговорили к ссылке вечно и отправили на поселение в Якутию, откуда он попытался бежать. Последовал перевод в Туруханск, где Н.С. с высочайшего разрешения поступил в Троицкий монастырь. Душевная болезнь его дала о себе знать еще в 1827 г., а в 1831 г. из монастыря старшего Бобришева-Пушкина поместили в дом умалишенных в Красноярске. В 1833 г. сюда прибыл на последние отбывший каторгу младший брат. Павлу Сергеевичу позволили держать больного брата на частной квартире. В 1839 г. братьям разрешен был переезд в Тобольск, куда они и прибыли в феврале 1840 г.

В Тобольске самыми близкими людьми для Бобришева-Пушкина-второго был кружок Фонвизиных, с которыми вместе он находился на поселении еще в Красноярске. В письмах Фонвизиных и других декабристов, в мемуаристике людей из их окружения сохранилось множество свидетельств доброты и безграничной самоотверженности Павла Сергеевича. Терпеливый многолетний уход за братом, неутомимая энергия и самозабвение в лечении холерных больных во время эпидемии, огромное число бедных пациентов, которых он безвозмездно лечил гомеопатическими средствами, — все это вызвало восхищение товарищей. Павла Сергеевича, по отзыву И.Д. Якушкина, человека «отличных умственных способностей» и при этом «кроткого, смиренного», глубоко занимали нравственные и религиозные проблемы, духовный самоанализ. После возвращения из Сибири младший Бобришев-Пушкин подолгу гостил у Н.Д. Фонвизиной-Пушиной и умер в ее доме.

¹⁰² Неточность мемуариста. По приезду в Тобольск Николай Сергеевич помещен был в дом умалишенных. Затем периодически жил с братом, который в начале тобольского периода делил квартиру с князем Бяратинским.

¹⁰³ **Батеньков Гавриил Степанович** (25.3.1793—29.10.1863). Воспитывался в Тобольской военно-сиротской школе, затем в народном училище и гимназии. Участник войны 1812 года и заграничных походов. Получил в сражениях десять штыковых ран. За отличие в

бою награжден орденом Владимира. Состоял в Северном обществе. Приговорен к 20-летней каторге. С июня 1827-го по февраль 1846 г. находился в одиночном заключении в Петропавловской крепости. Причины, по которым Батенькова «забыли» в Алексеевском равелине, и сейчас не выяснены. Сам декабрист объяснял это подозрением Николая I, что именно через Батенькова, своего ближайшего помощника, осуществлял связи с Тайным обществом М.М. Сперанский. Одинокое заключение тяжело отразилось на Батенькове: временами он терял рассудок. В 1846 г. был доставлен из крепости в Томск. Жил здесь до амнистии. Известен как публицист и поэт (См.: Страна без границ. Т. 2. С. 83—86).

¹⁰⁴ Мемуарист неочен. Батеньков состоял в Дворянском полку при втором кадетском корпусе с 1810-го по 1811 г., т.е. 17 лет от роду, выпущен был из корпуса прапорщиком в 1812 г.

¹⁰⁵ **Сперанский Михаил Михайлович** (1.1.1772—11.2.1839). Видный государственный деятель. Родом из семьи бедного приходского священника. С именем Сперанского связано «дней Александровых прекрасное начало». В 1810 г. разработал план коренных государственных реформ. В частности, по его проекту был создан и Царскосельский лицей. В марте 1812 г. в расцвете начинаний был отправлен в ссылку в Нижний Новгород, затем в Пермь. В 1819 г. вступил в Тобольске в должность генерал-губернатора Сибири (до 1821 г.). Сибирский пе-

риод жизни Сперанского исключительно плодотворен. Были созданы два генерал-губернаторства: Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское, утвержден Устав об управлении инородцев. Декабристы прочили М.М. Сперанского в члены временного правительства. Николай I подозревал его в соучастии в подготовке восстания. Этим объясняется назначение Сперанского членом Верховного уголовного суда, судившего декабристов: таким образом Сперанский был вынужден искупать свою «вину».

¹⁰⁶ Утверждение не совсем точно. Батеньков по возвращении из Сибири поселился сначала в Белёвском уезде Тульской губернии у вдовы своего друга А.А. Елагина. Только осенью 1857 г. он переселился в Калугу.

¹⁰⁷ На все 10 лет томской ссылки Батеньков нашел приют в семье Николая Ивановича Лучшева. Тесно общался с Батеньковым и Александр Иванович Лучшев, оставивший воспоминания о декабристе. Жена третьего брата Епенета Ивановича Ольга Павловна, овдовев, переехала к Батенькову в Калугу и облегчила последние годы его жизни. Ей и завещал декабрист все свое достояние.

¹⁰⁸ **Штейнгель Владимир Иванович** (13.4.1783—20.9.1862). С 1799 г. — морской офицер на Балтике и Дальнем Востоке. Подобно Г.С. Батенькову, служил в тех местах, где позже отбывал каторгу и ссылку (Нерчинск, Иркутск). Участвовал в Отечественной войне 1812 года, был не раз награжден. Член

Северного общества. Активно готовил восстание, был автором «Приказа к войскам», участвовал в составлении «Манифеста к русскому народу». Это суд поставил ему в главную вину и приговорил к 20-летней каторге. На поселении был сначала в Восточной Сибири, затем в Ишиме (1837) и Тобольске (1840), откуда был на 8 лет выслан в Тару за «нежелательное влияние» на тобольского губернатора М.В. Ладыженского, своего московского знакомого. Имя «тарского барона» постоянно упоминается в переписке декабристов. Будучи старше многих из них по возрасту и богатому жизненному опыту, на каторге и в ссылке Штейнгель жил в постоянной жажде знаний, интересовался юридическими, политическими, научными сочинениями, сам много писал. Его перу принадлежат художественные сочинения, «Записка о Сибири», статьи о русских в Америке, автобиографические «Записки» и др.

¹⁰⁹ Перу В.И. Штейнгеля принадлежит «Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии» // Журнал министерства внутренних дел. Т. 2. Без имени автора.

¹¹⁰ Статский советник Карл Федорович Энгельке был тобольским гражданским губернатором в 1840–1845 гг.

¹¹¹ **Барятинский Александр Петрович** (7.1.1799—19.8.1844). Воспитанник известного иезуитского пансиона в Петербурге. Штабс-ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка. Поэт. Член Южного общества, сменил П.И. Пестеля на

посту председателя Тульчинской управы. Приговорен по I разряду к вечной каторге. Из Шлиссельбургской крепости отправлен в Сибирь. В 1839 г. обращен на поселение. По ходатайству родственников получил разрешение жить в Тобольске. По свидетельству М.А. Фонвизина, вел «образ жизни самый уединенный». Занимался языками — греческим и еврейским. В 1841 г. в Тобольске у Барятинского родился сын. «Мать отказалась от него формальным актом, и Барятинский не нарадуется на свое произведение», — сообщил М.А. Фонвизин И.И. Пушкину (Фонвизин М.А. Т. 1. С. 222). Все годы жизни в Сибири А.П. Барятинский был слаб здоровьем. Умер в тобольской больнице и похоронен на Завальном кладбище.

¹¹² **Знаменский Николай Степанович** (ум. 1899) — сын С.Я. Знаменского. При переезде семьи в Ялуторовск остался в Тобольске, где учился в семинарии и воспитывался в семье Фонвизиных. Впоследствии завершал образование в Казанской духовной академии. В 1850-х годах был смотрителем Тобольского духовного училища. «Милый мой Николай», «друг Никола» — так многие годы называл Знаменского в письмах М.А. Фонвизин.

¹¹³ Т.е. действительным статским советником.

¹¹⁴ Мемуарист не коснулся одной из самых романтических и печальных историй в декабристском кругу. **Василий Петрович Ивашев** (13.10.1797—28.12.1840), член Южного общества, был при-

говорен к 20-летней каторге. От верной гибели его спасла женитьба на Камилле Ле-Дантю (15.6.1808—30.12.1839), добровольно приехавшей к Ивашеву в Петровский завод. Каторга уравняла в правах блестящего кавалергарда, наследника огромного состояния, и дочь французской гувернантки, «молодую, милую, образованную девушку» (Н.В. Басаргин). «Это было прелестное во всех отношениях создание: жениться на ней было большим счастьем для Ивашева», — свидетельствовала М.Н. Волконская. Образ редкого душевного благородства и чистоты, поразительной приветливости запечатлен на нескольких акварельных портретах Камиллы Петровны работы Н.А. Бестужева. С 1836 г. Ивашевы находились на поселении в Туринске. Здесь в возрасте 31 года Камилла Петровна умерла вместе с новорожденной дочерью. Сообщая о смерти жены, Ивашев писал: «В последнем слове вылилась вся ее жизнь; она взяла меня за руку, полоткрыла глаза и произнесла:

«Бедный Базиль!», и слеза скатилась по ее щеке <...>. Нет у меня больше моей подруги <...>, давшей мне восемь лет счастья, преданности, любви, и какой любви... Чистая, как ангел, она заточила свою юность в тюрьму, чтобы разделить ее со мной». Ивашев пережил жену только на год; на панихиде, заказанной им в память Камиллы Петровны, отпевали его самого. Детям Ивашевых, вопреки надеждам декабристов, не разрешили уехать из Туринска. И только после долгих хлопот бабушка Мария Петровна Ле-Дантю весной 1841 г. смогла вывезти маленьких внуков в Центральную Россию. До амнистии 1856 г. Мария (р. 1835) и Петр (р. 1837) звались не по фамилии, а по имени отца — Васильевыми. История Ивашевых на основе документов семейного архива была изложена в книге «Роман декабриста: Декабрист В.П. Ивашев и его семья» (1925), принадлежащей перу О.К. Булановой, внучки Василия Петровича и Камиллы Петровны.

История тюменской книги*

В 1905 году Людмилой Высоцкой был выпущен «Каталог музея при Тюменском Александровском реальном училище» (1905). Составитель каталога — Иван Яковлевич Слобцов, бывший директор этого училища. Перечисленные в каталоге коллекции Слобцов собирал 35 лет на Урале, Тянь-Шане, в пустынях Средней Азии. Половину своего собрания И.Я. Слобцов решил продать Академии наук в Петербурге. В 1896 году бывший житель Тюмени московский купец Н.М. Чукмалдин, узнав об этом, покупает оставшуюся коллекцию, предполагая собрать экспозицию для тюменского музея. Но предложение Чукмалдина не нашло поддержки. Тогда он подарил приобретенные у Слобцова коллекции Тюменскому реальному училищу с условием, что музей при училище будет открыт для широкой публики. К своему дару Чукмалдин присоединил много редкостей, купленных им во время путешествий по Европе, странам Востока. Все эти экспонаты составили основу фон-

да Тюменского областного краеведческого музея¹.

В типографии Людмилы Высоцкой печатались книги по вопросам переселения в Сибирь: «Правила для переселенческих врачебно-питательных пунктов Тобольской губернии» (1893), «Правила для врачебно-санитарной помощи в г. Тюмени на случай холерной эпидемии в лето 1893 года» (1893), «Сибирское переселение: цифровой материал для изучения переселений в Сибирь, собранный при регистрации движения переселенцев на путях Тобольской губернии (в Тюмени и других пунктах) в 1885—1895 гг.» (1899 г.). Эти книги являются прекрасным и ценным материалом для современных исследователей по сибирскому переселенческому делу, говорят о том, что в 1892 году во время голода, эпидемий и контрреформ правительства общественность Тюмени, как и всей России, была у начала этого движения.

Одна из книг, изданных в типографии Л.К. Высоцкой (1908

* Окончание. Начало см. в предыдущей части журнала — «Лукич-3».

¹ Копылов В.Е. И.Я. Слобцов — директор реального училища: (Из жизни провинциального ученого)//Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень, 1992. С. 21—61.

г.), хранилась в личной библиотеке великого русского писателя Л.Н. Толстого. Называлась она «Сброшенные оковы» (драма в 4-х действиях). Автором ее был Петр Александрович Рогозинский, опальный журналист, посланный в Тюмень царскими властями по политическим мотивам, близкий друг адмирала С.О. Макарова. На титульном листе книги имеется надпись: «Великому писателю земли русской, дивному источнику правды — графу Льву Николаевичу Толстому посвящает труд свой автор. Тюмень, 1908 г., август». А на обложке сделанная карандашом надпись рукой Н.Н. Гусева: «На имя Софии Анд. от П. Рогозинского, Тюмень, Полицейская, 13»².

Пьесу Рогозинского основательно «почистила» цензура. Несмотря на это, она с большим успехом прошла на сцене тюменского театра. В ней затронуты проблемы взаимоотношений рабочих и владельцев промышленных предприятий, рассказывается о забастовках, бедственном положении простого народа³.

Петр Александрович Рогозинский, долгие годы проживший в Тюмени, родился в 1843 году в дворянской семье. В Сибирь он был сослан на поселение из Кронштадта, где служил правителем канцелярии морско-

го порта, издавал и редактировал популярную в морских кругах газету «Кронштадтский вестник». Это был весьма образованный человек, владевший основными западноевропейскими языками. В Тюмени Петр Александрович пользовался большим авторитетом среди жителей, особенно среди бедных людей. Им он давал бесплатно юридические советы, через суд добивался от хозяев фабрик пенсий и разных пособий⁴.

В Тюмени Рогозинский сотрудничал в газетах «Русское слово», «Петербургский листок», «Уральская жизнь». И здесь, в ссылке, журналист отражал в своих статьях взгляды прогрессивной части русской интеллигенции, доказывал необходимость улучшения систем медицинского обслуживания населения и народного образования, необходимость организации сибирского земства на широких демократических началах, отстаивал интересы рабочих.

Редакция московской газеты «Русское слово», в которой он состоял корреспондентом, предложила ему посылать подробные сведения о покушении на жизнь Г. Распутина в селе Покровском. Событие это произошло летом 1914 года и взволновало высшие круги России. В Тюмень тогда съехались кор-

² Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. М., 1975. Т. 1. Ч. 2. С. 166.

³ Танков В.А. «Сброшенные оковы»//Тюм. правда. 1985. 9 ноября.

⁴ Заворотчева Л. На стрелке мыса над Турой...//Урал. 1986. № 7. С. 164.

респонденты многих столичных и губернских газет. Редакция газеты «Русское слово» настаивала на посылке самых подробных сообщений и установила Рогозинскому вознаграждение в размере поданных телеграмм, что составило 500 рублей — немалая по тем временам сумма.

В Тюмени Рогозинский старался создать «прогрессивную, обслуживающую местные нужды газету». По его инициативе в 1908 году в городе выходила газета «Сибирский голос». Из-за местной цензуры она сменила несколько названий и быстро закрылась. В 1910 году журналист Рогозинский издавал литературно-экономическую газету «Сибирская новь» (официальный редактор-издатель Е.А. Рогозинская), но и она скоро прекратила свое существование из-за недостатка средств⁵.

Кроме того, Рогозинский долгое время был редактором тюменской газеты «Вестник Западной Сибири». Эта еженедельная общественная литературно-экономическая газета выходила с 1910-го по 1915 гг. В течение двух лет ее издателем был А.А. Благинин. В 1912 году, 4 октября, газета перешла в руки Брюхановых, «которые открыли» в это время в Ишиме отделение подписки (от-

деление конторы) газеты. Ответственным по изданию газеты стал Петр Сергеевич Юровских. 5 декабря 1912 года за ложные сведения о действиях должностных лиц, сообщаемых в одном из номеров газеты, П.С. Юровских подвергли штрафу в 300 рублей, и был наложен арест на № 261 газеты. Против редактора было возбуждено уголовное дело. В декабре 1913 года Петр Юровских «передал право на издание в г. Тюмени газеты «Вестник Западной Сибири» Михаилу Брюханову, а сам остался ее редактором. 22 августа 1914 г. газета переходит в руки Марии Михайловны Кузнецовой, а редактирование газеты принял Иван Александрович Тихов. По семейным обстоятельствам М.М. Кузнецова в феврале 1915 года снова передает «Вестник Западной Сибири» прежнему издателю Н.М. Брюханову, а редактором ее остается И.А. Тихов. 29 марта 1915 года вышел последний номер газеты»⁶.

О своем сотрудничестве с «Вестником Западной Сибири», о царящей атмосфере в его редакции обстоятельно рассказывает П.А. Рогозинский в письме от 10 июля 1914 г., адресованном некоему Андрею Афанасьевичу⁷. Для исследователей это письмо представляет большой

⁵ Скромный юбилей // Вестник Западной Сибири. 1913. 21 апреля.

⁶ ТФ ГАТюмО. Ф. 152. Оп. 24. Д. 62.

⁷ Там же. Л. 104-105; Коновалова Е.Н. Неугодный журналист//Тюм. известия. 1992. 20 марта; Коновалова Е.Н.. Архивные материалы Тюменской области XIX—начала XX в. как краеведческий источник//Издание и распространение книги в Сибири и на Дальнем Востоке: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1993. С. 184.

интерес, поэтому приводим его полностью: «В конце минувшего года (1913 — *Е.К.*) газета перешла в единоличную собственность тюменского купца М.А. Брюханова, обещав предоставить редакции полную самостоятельность. Он, однако, сейчас же стал вмешиваться в редакционную часть газеты. Первым подвигом г. Брюханова было извлечение из набора без ведома редакции статьи одного из сотрудников, что, конечно, осквернило автора и вызвало коллективный уход половины тружеников газеты. Другому сотруднику он позволил себе сказать: «Убирайтесь к черту с Вашим направлением», затем приглашенного мною театрального рецензента распорядился уволить, так что в составе газеты остались лишь двое — я и хроникер. Мне пришлось писать передовые статьи, фельетоны на злобу дня, отчеты о различных собраниях и заседаниях, делать вырезки из газет, исправлять корреспонденцию, тратя на эту работу 12, а нередко и по 14 часов ежедневно. И все же почтенный издатель находил, что я мало работал, на днях он мне объявил, что газета должна переменить ввиду увеличения тиража направление, сделаться «бульварной». Когда я отнесся отрицательно к этой перемене, Брюханов мне ответил тогда: «Я сам буду работать». Вместе со мной вышел из газеты и мой единственный товарищ по работе —

хроникер... Вот при каких условиях приходится работать в сибирской печати людям, не желающим входить в компромиссы с совестью. Петр Rogozинский, г. Тюмень, 10 июля 1914 г.»

В 1913 г. окончился срок ссылки Rogozинского, однако он остался в Тюмени до конца своей жизни.

Вернемся к рассказу о Людмиле Константиновне Высоцкой. Необходимо отметить, что самым крупным итогом ее работы было печатание ежемесячного журнала А.М. Афромеева «Музыка гитариста» (1907—1910).

Оформление изданий Л.К. Высоцкой отличалось большим вкусом. Ее типография была хорошо оборудована: в ней работали две скоропечатные машины, ручной типографский станок для печатных нот, небольшая машина «бостонка» (иногда ее называют «американка») для изготовления бланков, визитных карточек, различной печатной продукции малых форм. В типографии имелся бостонский пресс, что говорит о наличии переплетного оборудования⁸. О широких технических возможностях типографии свидетельствует рекламное издание «Образцы шрифтов, политипажей и украшений типографии Л.К. Высоцкой в Тюмени» [Б.г.].

В типографии работало до полутора десятков рабочих, во

⁸ ТФ ГАТюмО. Ф. 152. Оп. 23. Д. 9. Л. 1.

время революции 1905—1907 гг. они даже объявляли забастовку. Следовательно, это было уже довольно крупное предприятие.

Л.К. Высоцкая владела типографией более 20 лет. В 1909 г. А.А. Благинин, бывший в то время ее управляющим, начал хлопотать о покупке типографии у своей хозяйки. Сделка состоялась в ноябре 1909 г.⁹

Издатели Высоцкие, отец и дочь, сыгравшие большую роль в организации печатного дела в Тюмени, безусловно, внесли значительный вклад в развитие культуры нашего края. Высоцкие типографией владели сорок лет (с 1869 по 1909 гг.). После продажи типографии дочерью Высоцкого в течение четырех лет сменились шесть владельцев. Об этом свидетельствуют документы фонда Тобольского общества губернского правления о продаже типографии Л.К. Высоцкой¹⁰.

Высоцкая продала типографию издателю журнала «Музыка гитариста» А.М. Афромееву и управляющему своей типографии А.А. Благинину¹¹. Свою часть типографии, купленную на паях с А. Благиным, А.М. Афромеев

23 июня 1910 г. продает «великобританскому подданному И.В. Джонсу в полную его собственность»¹². А. Благинин совместно с И.В. Джонсом и тюменским купцом П.А. Брюхановым создает товарищество под названием «А. Благинин и К°»¹³. После смерти И.В. Джонса, 14 марта 1911 г., вместо него в «Товарищество» вступает тюменский купец М.А. Брюханов¹⁴. Через полтора месяца (3 апреля 1911 г.) содержатели типографии «Товарищества А. Благинин и К°» приобрели у вдовы В.П. Буркова Е.П. Бурковой типографию со всеми машинами, шрифтами и имуществом¹⁵. 28 июля 1912 г. А.А. Благинин передал принадлежащую ему часть типографии «Товарищества А. Благинин и К°» в собственность М.А. и П.А. Брюхановым (двоюродным братьям), которые совместно с П.С. Юровских учредили новое товарищество под названием «Товарищество Печатного дома Брюхановы и К°»¹⁶, которое просуществовало до декабря 1913 г. Затем типографию приобрел в свою собственность М.А. Брюханов¹⁷. Установлено, что типография М.А. Брюханова существовала до 1917 года.

⁹ Коновалова Е.Н., Роцевская Л.П. Династия тюменских издателей//Урал. 1990. № 12. СС. 151—153.

¹⁰ ТФ ГАТюмО. Ф. 152. Оп. 23. Д. 9.

¹¹ Там же. Ф. 152. Оп. 23. Д. 9. Л. 1.

¹² Там же. Л. 6.

¹³ Там же. Л. 7.

¹⁴ Там же. Л. 8.

¹⁵ Там же. Л. 37.

¹⁶ Там же. Л. 43.

¹⁷ Там же. Л. 50—51.

С конца 1910 г. Андрей Аристархович Благинин предпринял в Тюмени издание газеты «Вестник Западной Сибири». Продав свою часть типографии «Товарищества А. Благинин и К°» М.А. и П.А. Брюхановым, 29 июля 1912 г. он открывает свою собственную типографию, которая после его смерти в 1914 г. перешла к его сыну Александру Андреевичу Благинину¹⁸. Однако после 1915 г. каких-либо сведений в источниках об этой типографии не найдено. Многие владельцы типографий, прежде чем стать ими, были или издателями, или корреспондентами местных газет и журналов. Как правило, издания первоначально выходили в чужих типографиях.

Так, газета «Объявления гитариста» и журнал «Музыка гитариста» тюменского издателя Алексея Максимовича Афромеева печатались в течение трех лет в типографии Л.К. Высоцкой¹⁹. Ноты для своих изданий Афромеев печатал «в типографии вдовы германского подданного Прасковии Дмитриевны Гроссе в Москве по Большой Спасской улице, собственный дом»²⁰ (а не в типографии Л.К. Высоцкой, как указано в статье Л. П. Роцевской²¹).

Владелец другой типографии Александр Александрович Крылов, прежде чем стать ее владельцем и издателем «Сибирской торговой газеты», в течение двух лет состоял корреспондентом газеты «Вестник финансов, промышленности и торговли. Указатель правительственных распоряжений по Министерству финансов», а также «Торгово-промышленной газеты», которые поручали ему «сообщать подробные сведения о ходе дел на Тюменской, Ирбитской и других местных ярмарках». Как свидетельствуют документы, А.А. Крылов отличался «аккуратностью и исполнительностью»²². Кроме того, он был корреспондентом неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей». На страницах этой газеты были помещены его статьи, например, «Второй и третий концерт Кости Думчева», «К вопросу об изучении исторической географии», «Освещение нового здания Тобольской губернской гимназии» и др. К сожалению, о жизни А.А. Крылова мы знаем мало. Сведения отрывочные, далеко не полные, что типично для провинциальных деятелей. Многие стороны жизни и издательской деятельности А.А. Крылова не выявле-

¹⁸ Там же. Л. 1, 6.

¹⁹ Там же. Оп. 561. Д. 685. Л. 1, 8.

²⁰ Там же. Л. 8.

²¹ *Роцевская Л.П.* Издательство А.М. Афромеева (начало XX в.) // Книга в Сибири (конец XVIII—начало XX в.): Сб. науч. тр. Новосибирск. 1989. С. 141.

²² ТФ ГАТюМО. Ф. 152. Оп. 36. Д. 38. Л. 5.

ны, но очевидно, что он продолжил дело, начатое К.Н. Высокким, и внес большой вклад в развитие культуры нашего края. Он был не только типографом, но и издателем. Его участие в издательской деятельности Тобольской губернии достойно большого уважения.

Свою типографию А.А. Крылов открыл 8 июля 1897 г., находилась она на улице Мало-Разъездной, дом 20. Для нее были приобретены «скоропечатная машина фабрики Кенинг и Бауэр в Оберцелле и один бостонский пресс»²³. Первое время типография была недостаточно оборудована. Из-за ее «неустроенности» второй номер «Сибирской торговой газеты» пришлось выпустить... в половинном размере»²⁴. В дальнейшем напечатанные в типографии книги отличались хорошим оформлением и разнообразием. Так, здесь увидела свет книга М.С. Знаменского «Исторические окрестности города Тобольска» (1901). Она написана хорошим языком, прекрасно издана (с разнообразным шрифтовым оформлением, название книги на титульном листе обрамлено орнаментированной рамкой).

А.А. Крылов был издателем и редактором «Сибирской торго-

вой газеты», первый номер которой вышел на второй день после открытия его типографии²⁵. Свою типографию А.А. Крылов назвал по имени газеты — «Типография «Сибирской торговой газеты» (А.А. Крылова)²⁶.

«Вопрос об издании в Сибири такого органа печати, который занялся бы специально исследованием и разработкой торгово-промышленных вопросов края, явился почти три года тому назад, когда проведение Великой Сибирской железной дороги уже в самом начале показало, что Сибирь ждет небывалое оживление как в торговом, так и в промышленном отношении, и что железная дорога явится сильным фактором в поднятии благосостояния Сибири», — констатировалось в редакционном предисловии к первому номеру газеты²⁷. В связи с этим А.А. Крылов пытался «следить за всеми проявлениями торгово-промышленной жизни Сибири»²⁸.

Она печатала статьи по торгово-промышленным вопросам Сибири, Приуралья и сопредельных азиатских стран. Много внимания уделяла обзорам ярмарочной торговли, сельскому хозяйству, охотно поднимала вопросы истории, археологии, геогра-

²³ Там же. Л. 18.

²⁴ Сибирская торговая газета. 1897. № 2.

²⁵ ТФ ГАТюмО. Ф. 152. Оп. 36. Д. 38. Л. 5.

²⁶ Там же. Оп. 23. Д. 229. Л. 50.

²⁷ От редакции // Сибирская торговая газета. 1897. № 1.

²⁸ Там же.

фии Сибири, отражала хронику жизни главных сибирских городов, давала описание фабрик и заводов. Находили место материалы о переселенческом движении, миссионерском и школьном деле в сибирских окраинах, судебные отчеты²⁹. Своим публикациям газета старалась не давать какой-либо политической окраски. Однако в 1905 г. губернатор порекомендовал тюменскому исправнику делать вырезки из статей о митингах и демонстрациях в городе для судебного и административного преследования революционеров³⁰.

«Сибирская торговая газета» выходила ежедневно до 1918 года. В течение десяти лет она была единственной газетой в Тюмени. Действительно, не имея четкого политического направления, она всегда держалась «благонамеренного тона», обеспечивая себе долгую жизнь. Это помогло пережить бурные годы революции (1905—1907 гг.), период реакции и годы нового революционного подъема³¹.

Корреспондентами газеты были политические ссыльные, миссионеры, педагоги, историки, художники, путешественники. Их наиболее интересные статьи по вопросам этнографии, печати, сельского хозяйства Кры-

лов издавал в виде отдельных оттисков, например: А.С. Шерстобитов «Тобольский журнал конца прошлого столетия», Н.М. Чукмалдин «Письма из Москвы и Нижегородской ярмарки» и др., которые вышли бесплатным приложением к «Сибирской торговой газете»³².

По цензурному уставу 1865 года с разрешения местных властей можно было печатать лишь ведомственные издания. Получить разрешение на выпуск книги было делом очень сложным. Так, за отпечатанную без цензуры брошюру «Сибирское дело о клевете в печати» в 1897 году против А.А. Крылова было возбуждено «уголовное преследование», а из типографии изъяты «корректирные листы брошюры и 23 экземпляра самой брошюры». Сделано это было потому, что на обороте заглавной страницы вместо цензурного дозволения значилось: «отдельные оттиски из №№ «Сибирской торговой газеты» за 1899 г. При рассмотрении этой брошюры оказалось, что она «не составляет отдельного оттиска газетной статьи, а собрание нескольких статей и при том с уклонениями от той редакции, в которой они помещены были в газете»³³.

²⁹ ТФ ГАТюМО. Ф. 152. Оп. 36. Д. 38. Л. 17—19.

³⁰ Там же. Оп. 20. Д. 499. Л. 13.

³¹ *Копылов Д.И., Князев В.Ю., Ретунский В.Ф.* Тюмень. Свердловск, 1986. С. 71.

³² ТФ ГАТюМО. Ф. 152. Оп. 20. Д. 496. Л. 66—67, 88.

³³ Там же. Оп. 36. Д. 39. Л. 101—110.

Вследствие этого выпуск «Сибирской торговой газеты» был приостановлен на восемь месяцев.

А.А. Крылов неоднократно уклонялся от точного исполнения правил цензурного устава. На его нарушения неоднократно указывал цензор газеты Иван Яковлевич Словцов. В письме, адресованном губернатором 22 марта 1897 г. начальнику Главного управления по делам печати, отмечалось, что «Словцов в Тюмени является единственным лицом, удовлетворяющим всем требованиям, какие предъявляются к цензору».

Несмотря на всю его занятость как директора училища, он с готовностью принял на себя цензурование «Сибирской торговой газеты», прекрасно понимая, что отказ может послужить препятствием к осуществлению, как он говорил, «необходимого для края предприятия» — издания «Торговой газеты». В круг обязанностей входил ежедневный просмотр всех корреспонденций газеты и их цензурирование. По словам И.Я. Словцова, А. Крылов как редактор и издатель к своим обязанностям «относился как дитя, легкомысленно», пропуская на страницы газеты «статьи, не допущенные цензурой, а однажды даже номер, не бывший на цензуре, выпустил с отметкой «дозволено цензурой». Нередко А.А. Крылов после просмотра газетного материала Словцовым де-

лал самовольные изменения в тексте. Все это вынуждало последнего посылать объяснительные записки или губернатору, или начальнику Главного управления по делам печати, на что уходило у него много времени. Он неоднократно обращался к губернатору с просьбой освободить его от этой обязанности. Но тому всегда удавалось убедить Словцова, что «в Тюмени нет такого человека, кто мог бы с пользой для дела заменить его»³⁴.

Из-за цензуры не всем замыслам суждено было сбыться. В Тобольском филиале архива Тюменской области хранится заявление от 31 марта 1912 г. на имя тобольского губернатора от журналиста П.А. Рогозинского. Петр Александрович просил разрешения «выпускать в Тюмени периодическое издание «Накануне IV Государственной Думы». К заявлению была приложена программа будущей газеты. В ней Рогозинский собирался помещать материалы о действиях и распоряжениях правительства, деятельности III Государственной Думы, задачах сибирских депутатов, известия о выборах в Государственную Думу, о нуждах населения, объявления. Газету предполагалось печатать в типографии «А. Благина и К°» от одного до трех раз в неделю с 20 апреля 1912 г. до окончания выборов в Государственную Думу. Ответ на свое заявление Рогозинский по-

³⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 12 (1896). Д. 103. Л. 15, 16, 22, 78.

Обложка книги, вышедшей в Тюмени в 1914 г. (из коллекции С. Кубочкина)

лучил ровно через два месяца — 31 мая 1912 года. В нем содержался отказ, т.к. по существующим законам Главного управления по делам печати в России «ответственными редакторами повременного издания не могут быть лица, подвергшиеся суду за преступные деяния, влекущие за собой лишение или ограничение прав состояния, и не оправданные судебными приговорами, хотя бы они после состоявшегося осуждения были освобо-

ждены от наказания за силою Высочайшего повеления». У Рогозинского «составляющая часть понесенного по суду наказания восстановлена была не полностью, а частично», поэтому Главное управление «находит, что проситель правом на редактирование повременного органа печати воспользоваться не может»³⁵.

И таких примеров можно привести немало.

Почти каждая частная типография Тюмени печатала какое-нибудь периодическое издание. От получения заказа на него зависела судьба владельца типографии. Типография Высоцких, кроме «Сибирского листка объявлений», печатала в 1907 году газету «Зауралье». Еженедельный политический, общественно-литературный орган выходил в Тюмени с 29 сентября по 3 ноября 1907 года. Редактором и издателем был В.И. Просандеев, а фактическим редактором и издателем — ссыльный большевик Г.А. Соломон. Успели выпустить только шесть номеров, т.к. 5 ноября газета была закрыта. Поводом к закрытию послужила заметка об Уральской областной конференции РСДРП, в которой власти увидели «открытую агитацию в пользу железнодорожных рабочих»³⁶.

А.А. Крылов в своей типографии наряду с «Сибирской

³⁵ ТФГАТюмО. Ф. 152. Оп. 26. Д. 98. Л. 14.

³⁶ Там же. Оп. 20. Д. 318. Л. 144.

торговой газетой» печатал газету «Тюменский ремесленник», издателем которой была Мария Александровна Рылова. Газета выходила в Тюмени с 22 июня 1913-го по 1914 г. (месяц неизвестен).

В Тобольском госархиве хранится прошение Марии Александровны Рыловой на имя тобольского губернатора от 6 марта 1913 г., в котором она пишет: «Желая содействовать главным образом развитию мелких ремесел, я намерена издавать и редактировать в Тюмени газету под названием «Тюменский ремесленник». Печататься будет газета в типографии А.А. Крылова, а выходить по мере накопления материала. Годовых подписчиков на газету принимать не предполагается, а имеется в виду продавать в розницу от 3 до 5 копеек за номер. В направлении цели газеты должна будут касаться вопросов: укрепления в народе религии, борьбы с пьянством, объединения ремесленников на материальной почве... за предприятия законодательных учреждений по развитию мелкого кредита и мелких ремесел... М. Рылова»³⁷.

Разрешение на издание своей газеты М.А. Рылова получила 27 апреля 1913 года, а уже 22 июня этого года вышел первый номер. Газета помещала офици-

альные сообщения, касающиеся промышленности и торговли, сведения о ремеслах, периодические статьи по общественным вопросам, промышленности, торговле и местной жизни, а также сведения о ярмарках, биржевые и торговые бюллетени, справки и объявления.

Прошение издательницы газеты «Тюменский ремесленник» от 26 мая 1914 г. повело о трудностях, с которыми приходилось сталкиваться Рыловой при печатании газеты в типографии А.А. Крылова: «Имея в виду критиковать клубную деятельность (Тюменского приказчицкого клуба — Е.К.) владельца типографии, в которой разрешено мне печатание издаваемой мной газеты, я опасуюсь, что может произойти отказ или замедление в своевременном выпуске номера газеты. Вследствие этого покорнейше прошу выдать мне разрешение на печатание газеты в существующих в г. Тюмени типографиях; я желаю печатать в типографии газеты «Ермак», принадлежащей Алексею Максимовичу Афромееву и находящейся в г. Тюмени по Царской улице в доме Гилева»³⁸.

Конечно, архивный материал о газете М.А. Рыловой далеко не полный, отрывочный, скупой. Но тем не менее он позволяет больше узнать об из-

³⁷ Там же. Оп. 27. Д. 153. Л. 1—2, 12.

³⁸ Лукьянова Л.С. Становление библиотечного дела в Тюмени (начало 60—середина 90-х гг. XIX в.) // Книжное дело в Сибири (конец XVIII—начало XX в.): Сб. науч. тр. Новосибирск, 1991. С. 93.

дателях, редакторах и периодических изданиях дореволюционной Тюмени.

Такие газеты, как «Сибирский голос», «Тобол», «Тобольский край», «Тобольский голос», печатались в типографии В.П. Буркова. Василий Петрович Бурков типографию открыл 19 июня 1906 г. «ввиду непригодности местных типографий к газетной работе»³⁹. В 1911 году она имела 35 пудов шрифтов, скоропечатную машину «Виктория», резальный станок, корректурный станок и реалы с красками. После смерти В.П. Буркова типография его была продана в 1911 г. А.А. Благинину⁴⁰.

В газете «Сибирский голос», издававшейся в Тюмени с 19 ноября 1906 г., сотрудничали политические ссыльные, что придавало ей прогрессивный, демократический характер. Ответственным редактором был частный поверенный Тобольского окружного суда Алексей Казимирович Захарченко. «В 1906 г., феврале, А.К. Захарченко участвовал в первой железнодорожной забастовке в г. Тюмени и являлся оратором на сходках»⁴¹. 7 ноября 1906 г. Захарченко отказался от исполнения своих обязанностей. Его место занял провизор Николай Петрович Тартаковский, к которому с 28 декабря присоеди-

нился Павел Иванович Загуляев. Местные власти сразу же начали преследовать газету, штрафовали, приостанавливали издание, но она выходила вновь и вновь, меняя только название (их было шесть). 26 января 1907 г. губернатор приостановил «Сибирский голос» на все время «военного положения». Однако 13 февраля газета вышла под названием «Тобольский край» (издавалась до 8 апреля 1907 г.). Редактором ее был Александр Михайлович Четвериков. Газета, энергично включившись в думскую избирательную кампанию, повела агитацию за кандидатов левого блока. 5 апреля она опубликовала статью «Задача второй Думы и народное движение». Газета была закрыта, а редактор предан суду⁴².

В мае 1907 г. у газеты появился новый издатель и редактор — приказчик одной из торговых фирм В.И. Просандеев, член Тюменской организации РСДРП. О партийной принадлежности Просандеева полиция ничего не знала, поэтому ему удалось получить разрешение издавать газету (теперь уже под названием «Тобол»), которая выходила с 14 апреля по 8 июня 1907 г. Направление газеты осталось прежним, но пока власти разобрались в этом, вышло

³⁹ ТФ ГАТюмО. Ф. 152. Оп. 561. Д. 682.

⁴⁰ Там же. Оп. 23. Д. 9. Л. 39.

⁴¹ Там же. Оп. 561. Д. 682.

⁴² Там же. Оп. 20. Д. 727. Д. 318. Л. 70.

38 номеров. После третьеиюньского переворота издание «Тобола» было приостановлено. В дальнейшем газета выходила под названием «Тобольская речь» (17 июня—24 июня 1907 г.), редактором и издателем которой был помощник провизора Иван Макарович Бобров; «Тобольский голос» (27 июня—10 августа 1907 г.), издателем ее был Дмитрий Мефодьевич Титов. «11 августа эта газета прекратилась ввиду выбытия Титова из Тюмени в Сормовский завод Нижегородской губернии к своему брату». Возвратившись вскоре в Тюмень, издание своей газеты окончательно прекратил, и вместо нее стала выходить газета «Сибирская окраина» (13 августа—30 октября 1907 г.). 2 октября за публикацию заметки «Кровавое событие» о зверской расправе над политическими арестантами на Кутарбитском этапе (под Тобольском) газету закрыли. Редактор Николай Петрович Калакуцкий был приговорен (на выбор) к денежному штрафу (200 руб.) или трем месяцам тюремного заключения. Калакуцкий предпочел последнее. 9 октября газета возобновила свое издание и выходила до 9 декабря 1907 г. под названием «Сибирский край». Издателем и редактором был на сей раз Алексей Евгеньевич Коряков. 20 августа 1907 г. он был арестован за найденные при обыске отпечатанные на гекто-

рафе прокламации и воззвания: «Прокламации к рабочим в возбуждающем духе, к призыву к борьбе с правительством и капиталистами». Также были найдены разные отчеты, приложения, записки противоправительственных партий и талонные книжки на сбор средств в пользу политических. Вместе с Коряковым жил ссыльнопоселенец Владимир Рафаилович Вербицкий. На упомянутой прокламации «Хроника рабочей жизни» отпечаток шрифта был тождествен шрифту типографии Буркова, где печатали телеграммы газеты «Сибирский край». За это Вербицкий и Коряков были судом Тобольского округа определены к обвинению (19 декабря 1907 г.), а издание газеты было приостановлено «ввиду вредного направления». Коряков и Вербицкий были освобождены «за взносы залоговых денег (700 рублей за Корякова, 500 рублей — за Вербицкого) бывшим поднадзорным, поверенным Евгением Анисимовым»⁴³.

Большинство газет дореволюционной Тюмени имели ярко выраженную демократическую направленность, поднимали наиболее актуальные проблемы своего края. Они закрывались цензурой или угасали от недостатка подписчиков и средств.

Полиграфические предприятия Тюмени, как и Тобольска, во второй половине XIX—

⁴³ Там же. Оп. 21. Д. 379. Л. 1, 5, 6, 10; Оп. 561. Д. 24.

начале XX вв. в силу различных причин не поднялись до уровня аналогичных заведений фабричного типа в крупных культурных центрах Сибири, таких, как Томск, Иркутск. Тем не менее они заложили основы газетно-журнального и книгоиздательского дела в крае, и в этом заключается их несомненное положительное значение. На развитие книжного дела дореволюционной Тюмени повлиял подъем 60-х годов XIX века, охвативший всю Россию, в том числе и Сибирь.

Кроме того, в это время в Тюмени сложилась благоприятная обстановка для издания книг, прежде всего краеведческой тематики: по истории, географии, сельскому хозяйству, промышленности, медицине, просвещению и культуре. Здесь жили и работали такие талантливые краеведы и исследователи, как директор Тюменского реального Александровского училища Иван Яковлевич Словцов; географ и историк этого училища Петр Михайлович Головачев (воспитанник декабристов, в дальнейшем преподаватель Московского университета); Капитон Михайлович Голодников, купец-меценат Николай Мартемьянович Чукамалдин. Все они имели большой издательский опыт. Словцов И.Я., например, был цензором «Сибирской торговой газеты» А.А. Крылова, корреспондентом многих местных газет,

автором многочисленных научных статей. Одной из характерных черт книгоиздания дореволюционной Тюмени является возрастающий год от года выпуск книг. Так, в 1869 г. было напечатано одно издание, в 1875 — два, в 1883 — три, 1892 — восемь, 1898 — четырнадцать. В последующие годы постепенно выпуск книг уменьшался. В 1901 г. издано восемь книг, в 1907 г. — одна книга, в 1910 — четыре. Объясняется это, во-первых, государственной реакцией, наступившей после революции 1905—1907 гг., которая повлияла на закрытие многих обществ. Кроме того, типографии Тюмени, как и в целом всей губернии, занимались в основном выпуском газет, а не книг. В этот период в губернии вышло более 50 названий периодических изданий, а в Тюмени их было более двадцати: «Сибирская торговая газета» (1897—1918 гг.), «Ермак» (1912—1917 гг.), «Музыка гитариста», «Аккорд» (1907—1914 гг.), «Вестник Западной Сибири» (1910—1915) и другие. Основная часть выпущенных книг относилась к 1892—1903 гг. За это время было издано 75 названий книг, что составляло половину книгоиздания дореволюционной Тюмени. В городе работали пять типографий, тогда как в остальные годы — от одной до трех.

По выпуску печатной продукции Тюмень в губернии за-

нимала второе место после Тобольска: 90 процентов всех изданий, выходящих в губернии, печатались в Тобольске, в Тюмени — 7,92%, Кургане — 1,7%, Ишиме — 0,20%, Ялуторовске — 0,07%. Однако по популярности, типологическому, жанровому, содержательному разнообразию книжная продукция Тюмени, как и Тобольска, уступала Иркутску и Томску⁴⁴. В отличие от этих городов, Тюмень являлась более книгопечатным нежели книгоиздающим городом. Это объясняется тем, что в Тюмени, как и во всей губернии, не было обособленных друг от друга издающих центров, издателей-профессионалов, которые бы проявляли инициативу и заботились о рентабельности своих типографий. Книги выпускали различные учреждения, учебные заведения, библиотеки, общества, сами авторы, купцы-меценаты. Поэтому здесь не встретишь перепечаток столичных изданий, вольных переделок с французского, книг развлекательных. В основном тюменские книжные издания были самобытны, оригинальны и посвящены родному краю.

Сугубо деловой подход обусловил преобладание определенных видов изданий и их тематику.

Более всего печаталась служебная ведомственная книга в

виде официальных и справочных изданий. Это разного рода отчеты, протоколы, журналы, списки, сметы, проекты, уставы, циркуляры, доклады, календари, адрес-календари, каталоги, «дорожники», выпуск которых составил 66,7% от всей печатной продукции. Каждое учреждение, будь то благотворительное общество попечения об учащихся или общество трезвости, стремилось оформить свой годовой отчет в виде книги или брошюры (объемом, как правило, в 7—15 страниц, но встречались и толстые, нарядные тома объемом в 75—120 страниц). Например, «Отчет по мещанскому сословному управлению города Тюмени за 1893 год» (тип. Л.К. Высоцкой, 1894) составил брошюру объемом в 8 страниц, а «Историческая записка и отчет за 25 лет существования Тюменской женской прогимназии» М.Р. Клериковой, напечатанная в 1898 г. в типографии А.А. Крылова, была оформлена в виде книги объемом 112 страниц. Эти издания чаще всего выходили в свет без серьезной редакторской обработки.

А вот адрес-календари и памятные книжки Тюмени выпускали объемнее, насыщеннее, богаче по оформлению. Для торговых людей дореволюционной Тюмени в 1913 г. в типографии «А. Благинина и К^о»

⁴⁴ Волкова В.Н. Центры сибирского книгоиздания второй половины XIX в.// Вторые Макушинские чтения: [тез. докл.]. Томск, 1991. С. 10.

был отпечатан специальный календарь объемом в 194 страницы под названием «Тюмень: Справочник и адрес-календарь по городу и уезду». Составитель справочника Т.Ф. Калугин в предисловии отмечал, что «приступая к выпуску предполагаемого «Справочника...», он имел в виду составить наглядный и полезный торгово-промышленный справочник и адрес-календарь, а также указатель лиц, занимающих административные и общественные должности, и лиц свободной профессии с обозначением их адресов». Данный справочник был практически единственным в Тюмени пособием для лиц, интересующихся вопросами торговли, и имел «карманный» формат.

Популярностью у читателей-пассажиров пользовались выпуски «Расстояние по рр. Западной Сибири: Туре, Тоболу, Сосьве, Тавде, Иртышу, Оби и Чулыму» (1880, тип. К. Высоцкого) и «Движение пароходов товарищества «Курбатова и Игнатова» между Тюменью и Павлодаром в 1886 году» (1886, тип. К. Высоцкого). Особенным успехом пользовались справочная книга под названием «Вся Тюмень. Спутник пассажира, календарь и справочная книжка по г. Тюмени» (1910, издатель А.М. Афромеев и А.А. Благинин) и Тюменский адрес-календарь (1887, тип. Г.И. Житкова). В 1911 г. в Тюмени для пассажиров речного пароход-

ства был составлен и издан «Путеводитель по Иртышу» объемом 240 страниц. «Путеводитель» в долгой дороге знакомил пассажиров с самым разнообразным материалом. Там они находили сведения о расписании движения товаро-пассажирских пароходов и поездов, плате за проезд. В «Путеводителе» печатали извлечения из «Устава о векселях», положение о гербовом сборе, правила для пассажиров, кроме того, размещали рекламу и различные объявления. Вниманию читателей предлагали небольшие очерки по истории Сибири: «История и покорение Западной Сибири», «Сибирь после Ермака», «Начало колонизации Сибири». Путник ознакомился с описанием городов Тобольской, Томской, Семипалатинской губерний и их памятниками, узнавал о численности населения, о состоянии торговли, промышленности.

«Путеводитель» богато иллюстрирован фотографиями с видами природы, городов и примыкающих к ним селений, а также пароходов товарищества Западно-Сибирского пароходства и торговли. Таким образом, «Путеводитель...» позволял путнику не только коротать путь-дорогу, но и узнавать много нового о Сибири.

Кроме справочников, в Тюмени издавали самого различного назначения прейскуранты и каталоги, например,

«Прейскурант Сибирской консервной фабрики Торгового дома «Михаил Плотников и сыновья» в Тобольске» (1898, тип. А.А. Крылова). Издатель последнего был членом Тюменского приказчиьего клуба, созданного в 1879 г. на основе существовавшего с 1864 года общественного клуба в Тюмени⁴⁵. Одно время он возглавлял этот клуб, при котором была библиотека. Современники отмечают, что «клубная библиотека, как не имеющая характера публичной, сравнительно недурно обставлена. Имеется хоть немного книг, но зато очень ценных. Есть новинки»⁴⁶. Имелся даже «Алфавитный указатель книг библиотеки Тюменского приказчиьего клуба, составлен по август месяц 1911 г.», отпечатанный в 1912 г. А в 1913 г. Крылов напечатал «Дополнение к алфавитному указателю книг библиотеки Тюменского приказчиьего клуба: составлено с августа месяца 1911 г. по 1-е января 1913 г.».

Указатель включал почти 3000 названий книг, которые расположены в алфавитном порядке. Внутри каждой части указателя, обозначенной соответствующей буквой алфавита, выделены разделы «Детские книги» и «Брошюры». Основу собрания библиотеки, судя по «Указателю», составляла худо-

жественная литература русских и зарубежных писателей. Гордостью библиотеки были книги по истории, географии, философии, о путешествиях: «Восшествие на престол Николая I» Корфа (1857), «История государства Российского» Карамзина (1830), сочинения по истории Костомарова, П. Слоцова, а также «Словарь достопамятных людей Русской земли» (1836) Н.Н. Бантыш-Каменского, 86 томов «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» и др.

Кроме того, было много книг В. Короленко, А. Коцебу, С. Крашенинникова, М.И. Наумова, Достоевского, Фонвизина, Хомякова. В библиотеке имелись подшивки журналов «Вестник Европы», «Русская старина», «Русский вестник», «Русское богатство» и многие другие.

Немало в Тюмени издавали учебной и педагогической литературы. Можно назвать такие издания, как «25-летие церковно-приходских школ в Тюменском уезде» (тип. А.А. Крылова), «Народное образование в Тюменском округе в 1897 г.» Лысова (Б. г.).

Значительное место в тюменском книгоиздании занимали научные и научно-популярные книги. Среди них описания городов, рек, климата, раститель-

⁴⁵ ТФ ГАТюО. Ф. 152. Оп. 36. Д. 38. Л. 5.

⁴⁶ Лукьянова Л.С. Библиотеки дореволюционной Тюмени (вторая половина XIX в.) // Макушинские чтения: [тез. докл.]. Новосибирск, 1988. С. 97.

ного и животного мира родного края, его истории, рассказы о замечательных уроженцах губернии и т.д., они составили 6,5% всех тюменских изданий. Более половины из них сошло с типографского станка А.А. Крылова. И это не случайно. Крылов как издатель, тяготел к выпуску книг историко-краеведческого характера. Исторические сочинения, отпечатанные в его типографии, в основном посвящены истории городов Тобольской губернии, этнографии народов Тобольского Севера, жизни и деятельности декабристов в нашем крае. Среди них книги Л. Корикова «Сосьвинские и ляпинские вогулы Березовского округа» (1898), К.М. Голодников «Декабристы в Тобольской губернии» (1899), П.М. Головачева «Жизнь и деятельность Н.М. Чукмалдина» (1903), «Исторические окрестности города Тобольска» М.С. Знаменского (1901). Эти книги пользовались большой популярностью у читателей.

Врач Леонтий Александрович Кориков в своей книге в виде путевого очерка с большой любовью описывает уклад жизни вогулов. В конце книги он пишет: «...считаю долгом оговориться перед читателями, что особого, специального назначения ему (очерку) я не могу придать, т.к. в его узкую программу не вошло еще многое, достойное внимания читателя, и если вы найдете в моих строках что-нибудь нового, интересного и

верного описания этого забытого племени в нашем беспредельном отечестве, то и это уже будет для меня большою наградою за мой посильный труд».

Михаил Степанович Знаменский в предисловии к своей книге писал: «Лишь только пахнет в открытые окна весною и слышится в июле голос кукушки, я как бродяга стремлюсь на свободу в леса: там, в тишине, посещая бугры и овраги, я вспоминаю историю нашего края... Было время, когда почти каждый житель Тобольска знал каждую местность с ее историческим прошлым, было время, когда у нас началось собирание легенд и преданий: писали и ямщик, и боярские дети, писали и купцы... но прошло это время... Молодежь города Тобольска, вырастая в этой атмосфере, увлекается привозной мишурой и блеском мельхиора... сторонится от места их рождения. Только вдали от родины в более чистой атмосфере труда и науки молодежь начинает чувствовать свою кровную связь с городом и дорожить всем до нее касающимся. Вот для таких-то, да еще для так называемых заскорузлых тоболяков я и желаю собрать разбросанные по многим сочинения, отчасти сделавшиеся библиографической редкостью сказания об исторических наших окрестностях». М.С. Знаменский последние годы жизни усиленно занимался историей, археологией и этнографией.

В 1878—1880 гг. производил раскопки в окрестностях Тобольска, на Чувашском мысу, где происходила битва между Ермаком и татарами. Материалы исследований истории Тобольска и его окрестностей были опубликованы еще при жизни автора, а уже после его смерти изданы отдельной книгой в типографии А.А. Крылова. В эту книгу вошли статьи «Укрепления Махмет-Кула на Чувашском мысу», «Чувашский мыс» и «Искер». Исторические очерки Знаменского не были академическим исследованием по истории Сибири. Они были проникнуты большой любовью к родине, к своему родному краю. В этих очерках Знаменский широко использует народные предания и фольклор (русский и татарский), прославляет героизм дружины Ермака и прогрессивное значение присоединения Сибири к Русскому государству, дает много описаний видов Тобольска и его окрестностей⁴⁷.

В 1909 г. А.А. Крылов издал исторический очерк священника обдорской церкви Василия Николаевича Герасимова «Обдорск. Исторический очерк» объемом 88 страниц. Этот очерк был написан по просьбе В.В. Бартенева, автора книги «На крайнем северо-западе Сибири», в которой были освещены занятия, быт коренного и русского населения. Бартнев просил Ге-

расимова дополнить его труд историческими данными. Поэтому книга «Обдорск» является дополнением книги Бартенева. В ней затронуты лишь те стороны обдорской жизни, которые были опущены Бартевым.

Очерк о жизни тюменского купца Н.М. Чукмалдина был написан через два года после смерти его другом. «Трогательную, глубоко симпатичную черту личности Чукмалдина представляет его местный патриотизм, выразившийся не в словах, а в делах. Он был... образцом человека, постоянно и последовательно стремившегося поддерживать и развивать в разных местностях просвещение как основу общего благосостояния». Так, с большой теплотой и любовью начал очерк о своем земляке и современнике П.М. Головачев.

П.М. Головачев обладал выдающимися лингвистическими способностями, знал много европейских языков и литературу, кроме научно-педагогической деятельности, занимался журналистикой, сотрудничал во многих периодических изданиях, собирал материал по истории и экономике Сибири.

Выпускались массовые издания по вопросам медицины и здравоохранения: «Правила для врачебно-санитарной помощи в г. Тюмени на случай холерной эпидемии в лето 1893

⁴⁷ Роцевский П.И. Воспитаники декабристов художник М.С. Знаменский. Тюмень, 1954. С. 142—143.

года» (1893, тип. Л.К. Высоцкой), «Беседы сельского священника со своими прихожанами по гигиене» Е. Ландышева (1898, тип. А.А. Крылова).

С начала XX века стали появляться книги по искусству, т.к. в это время Тюмень становится одним из ведущих центров музыкальной культуры в стране, единственным городом России, где пропагандируют искусство игры на гитаре. И связано это прежде всего с издательской деятельностью Алексея Максимовича Афромеева, большого знатока музыки, талантливого гитариста и педагога. Он более десяти лет выпускал в Тюмени пять газет и журналов, был владельцем книжного магазина «Сибирская лира», который был «расположен в самом центре города на Царской улице, недалеко от Александровской площади (ныне угол улиц Республики и Семакова — Е.К.), в одноэтажном каменном особняке, принадлежавшем наследникам купца Гилева...»⁴⁸.

В 1899—1906 гг. А.М. Афромеев служил бухгалтером в Тюменской городской управе, а затем стал заниматься только издательской деятельностью.

С января 1906 г. он выпускает журнал «Гитарист», посвященный игре на семиструнной

гитаре. В 1907 г. журнал был переименован и стал называться «Музыка гитариста». На его страницах помещались статьи по технике игры на гитаре, музыкальному самообразованию, исторические очерки, биографии великих музыкантов и композиторов: Глинки, Римского-Корсакова, Паганини, Шопена, Шумана и многих других.

Читатели «Музыки гитариста» высказывали пожелание, чтобы Афромеев печатал композиции не только для гитары, но и для мандолины, балалайки, домры и других инструментов. Все это побудило Афромеева расширить содержание журнала, а затем, с января 1911 года, он начал издавать вместо «Музыки гитариста» новый журнал — «Аккорд — вестник гитары и других народных инструментов». Все больше внимания стало уделяться разным народным инструментами. Появились статьи «К вопросу о происхождении балалайки», «Балалайка в Париже»⁴⁹.

Афромеев издал большое количество сборников нот, школ, уроков игры на гитаре, например, «Спутник гитариста», «Юный гитарист», «Первый шаг гитариста», «Избранная библиотека гитариста» и др. В основном их публиковали в приложениях к журналам. Это

⁴⁸ Роцевская Л.П. Издательство А.М. Афромеева (начало XX в.) // Книга в Сибири (конец XVIII—начало XX в.): Сб. науч. тр. Новосибирск, 1989. С. 136—137.

⁴⁹ Там же. С. 137—138.

были преимущественно произведения Моцарта, Бетховена, Шумана, Шопена, Сен-Санса и других композиторов, знаменитых гитаристов.

Большой популярностью у любителей гитары пользовались книги: «Заочные уроки теории музыки и игры на семиструнной гитаре: курс элементарный» (1903), «Заочные лекции музыки и игры на гитаре: курс элементарный» (1912).

Издание музыкальных журналов, продажа инструментов, деятельность нотопечатания — все это стимулировало музыкальную жизнь в Тюмени. Историк Л.П. Рошевская отмечает: «В начале 1908 г. при приказчиком клубе организовался кружок любителей драматического и музыкального искусства, они оборудовали маленькую сцену и каждую среду давали спектакли «с музыкально-вокальным отделением в заключение». Из Тюмени вышло несколько оперных певцов, позже получивших известность в столичных театрах»⁵⁰.

Как было уже сказано выше, Афромеев до марта 1910 года свои журналы печатал в типографии Л.К. Высоцкой. Затем приобрел эту типографию на паях с А. Благининым, при этом он остался редактором-издателем журнала. В конце того же года журнал «Музыка гитариста» стали печатать в

электротипографии А. Благинина. Но эта типография испытывала немалые трудности. Как сообщает Л.П. Рошевская, последний номер журнала «Аккорд» за 1911 год издан хуже предыдущих, на второсортной бумаге. Редакция объяснила это массовой пропажей на почте рассылаемых номеров: систематические хищения и необходимость повторной рассылки номеров и комплектов приводила издателя к чрезмерным расходам. В апреле 1912 года Афромеев купил электротипографию у Благинина⁵¹. В ней он и стал печатать свою газету «Ермак». Афромеев к этому времени все больше увлекается изданием не музыкальных журналов, а газет. Так, с ноября 1911 по апрель 1912 гг. под редакцией Афромеева вышли 154 номера газеты «Сибирский торговый посредник». В основном на ее страницах помещали торговую рекламу и статьи об образовании крупных торговых домов, материалы, обличающие злоупотребления отдельных деятелей коммерции. С апреля 1912 года Афромеев преобразовал издание и начал выпускать газету «Ермак». Исследователи отмечают, что «Ермак» был оригинальной газетой: тюменцы получали ее дважды в день. Утренний выпуск выходил на четырех малоформатных страницах и посвящался, главным об-

⁵⁰ Там же. С. 140—141; Хроника // Театр и искусство. 1978. № 12. С. 44.

⁵¹ Там же. С. 141.

разом, событиям городской и торговой жизни. Вечерний номер — на двух страницах формата в обычный писчий лист, напечатанный на гектографе. Его заполняли новостями России, телеграфными сообщениями из-за границы. Материалы отличались завидной злободневностью, что делало газету очень популярной⁵².

В передовой статье первого номера «Ермака» подчеркивалась тесная преемственная связь новой газеты с теми, что печатались ранее, и выдвигалась следующая программа: «Ермак», как «Сибирский торговый посредник», будет служить обществу, а не лицам и, по-прежнему не преклоняясь ни перед могуществом капитала, ни перед обаянием грубой силы, срывать маску с хищников и эксплуататоров народа...»⁵³. Афромеев был верен своему девизу. «Ермак» отличался колючим, неуступчивым характером и немало «насолил «сильным мира сего». Постоянно печатали рубрику «Деревенские письма», где повествовали о мытарствах крестьян-бедняков. Газета критиковала и городскую управу. Афромеев с горечью писал: «Печать неудобна для общественных дел. Она лишний элемент — тайное делает явным».

Нередко на страницах газеты Афромеева доставалось и

издателю «Сибирской торговой газеты» А.А. Крылову. В открытом письме Алексей Максимович писал прямо и гневно: «Мы стоим с Вами на противоположных полюсах: что защищаю я, преследуете Вы, что я порицаю, Вы превозносите. Вы слуга небольшой кучки богатых людей, а у меня другие задачи»⁵⁴.

На страницах своей газеты Афромеев разоблачил мошенничества крупного тюменского торговца-миллионера А.И. Текутьева, бывшего городского головы; вел борьбу против кадета Колокольниковца, возглавлявшего Тюменский временный исполнительный комитет, и требовал его выхода из него. «Критика носила настолько серьезный характер, что 19 марта 1917 года состоялось заседание Тюменской городской Думы, где обсуждался вопрос об отношении к газете «Ермак», выступления которой «дискредитируют власть и влияние комитета и вообще его авторитет в глазах общества».

Временный исполнительный комитет постановил, что «направление газеты против общественно в основе своей и не соответствует требованиям переживаемого момента, поэтому заслуживает отрицательного отношения со стороны всего общества»⁵⁵. Тем не ме-

⁵² Там же. С. 142—143.

⁵³ Тюмень, 28 апреля 1912 года // Ермак. 1912. № 1. С. 1.

⁵⁴ Ермак. 1917. № 118. С. 1

⁵⁵ *Роцевская Л.П.* Издательство А.М. Афромеева... С. 145.

нее газета пользовалась большой популярностью среди жителей Тюмени, т.к. она отражала важнейшие события того времени. «За разоблачение махинаций тюменской буржуазии Афромеев поплатился тем, что газету «Ермак» закрыли, издателя арестовали и сослали в Сургут по обвинению в выступлении против органа власти Временного правительства. Сын Афромеева обратился в Петроград с ходатайством о его освобождении, и хлопоты эти увенчались успехом. Афромеев вернулся, возможно, еще и не доехав до Сургута. Он даже возобновил издание газеты»⁵⁶, назвав ее «Свободное слово». Первый номер вышел в мае 1917 года. Эта газета была примечательна тем, что в ней, не придерживаясь какой-либо определенной политической ориентации, Афромеев довольно резко критиковал действия Советской власти. 26 ноября 1917 г. собрание рабочих и солдат города, на котором присутствовало около 300 человек, постановило: «Выразить протест и возмущение по адресу редакции «Свободное слово», допускающей критику представителей крайних левых течений революционной демократии, рассчитанную на несознательность масс и низменные инстинкты темных сил»⁵⁷. В

марте 1918 г. издание газеты прекратилось.

Последние годы жизни А.М. Афромеева описаны в сохранившемся письме его сына Алексея Алексеевича Афромеева, которое было адресовано другу их семьи В.И. Машкевичу:

«Уважаемый Владимир Павлович!

Я думаю, что Вы потеряли всякую надежду иметь какие-либо сведения о кончине моего отца. Виноват отчасти и я, виноваты и сложившиеся обстоятельства, разбираться в этом не буду, а поделюсь теми скудными сведениями, которые имею со слов других. Расстался я с отцом в 1915 году: пришлось принимать участие в качестве офицера сначала в германской войне, а затем в Р.К.

Период 1914—1917 гг. протекал в продолжении начатого дела, хотя издательская деятельность сократилась до минимума. В 1914 году было прекращено издание журнала. Из нового вышла только «Экономическая библиотека гитариста», а в 1917 г. на 34-м выпуске остановилось и это издание. Обстоятельства сложились так, что отцу уже было не до гитары. В конце 1917 года я возвратился с фронта. Из большой типографии я нашел только несколько хлыстов со шрифтами, нотные кассы, «американку» и

⁵⁶ Роцевская Л.П. Издательство А.М. Афромеева... С. 145.

⁵⁷ Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии: Сб. докум. материалов. Свердловск, 1967. С. 138.

остов типографской машины, остальное было реквизировано.

Работа отца протекала в то время над обработкой второй части «Заочных уроков». Ряд неудачных выступлений на политическом фронте, за что он чуть не поплатился ссылкой в Нарымский край (спасло вмешательство Керенского и сына Амфитеатрова — Е.К.), отбили у него всякую охоту к творческому труду. С моим приездом у него возродился план возобновления журнала, хотя не в том масштабе, как ранее (планировался выпуск изданий объемом, схожим с выпусками «Экономической библиотеки гитариста»), причем выпуск планировался один раз в неделю, техническую же сторону вопроса я брал на себя.

И вот с января 1918 г. мы приступили к осуществлению этого плана: отец творит, я воплощаю в жизнь (моя специальность — типографский наборщик-печатник). С большим трудом удалось набрать 16 номеров журнала и 16 номеров «Экономической библиотеки гитариста» (№ 34 по № 49).

В апреле городские власти узнали о нашей работе, наложили арест. После долгих хлопот отцу удалось выхлопотать разрешение на дальнейший выпуск журнала. Арест был снят, и вышел еще один номер журнала. Но вскоре началось «брожение» в Сибири, стала проходить перерегистрация

офицеров, я же был взят в качестве одного из заложников. Приехал карательный отряд (тов. Зайкус), часть заложников была назначена к расстрелу, в том числе и я, однако удалось бежать не без помощи того же т. Зайкуса.

1919 год для Тобольской губернии был весьма неспокоен — вскоре началась эвакуация. Отец перебрался в Томск, откуда ему уже никуда не пришлось уезжать. Во время эвакуации было потеряно все: склады с музыкальными инструментами, громаднейшая библиотека с рукописями Сихры, Высотского, Аксенова, Плескова и др. Вся эта ценность была оставлена на попечение прислуги.

По приезде в Томск отец испытывал страшную нужду, что вынудило поступить в одну из коммун в качестве бухгалтера, а также заняться уроками на гитаре. За период пребывания в Томске отец сделал несколько аранжировок для гитары. Привожу перечень с пометками даты написания:

1. «Что затуманилась, зоренька ясная» — 20.01.20 г.
2. Ф. Шопен. Вальс — 09.02.
3. Ф. Шопен. Ор. 70. № 1 — 11.02.
4. Ф. Шопен. Ор. 70. № 3 — 20.02.
5. Ф. Шопен. Ор. 64. № 2 — 6.02.
6. Ф. Шопен. Ор. 69. № 2 — 12.03.

7. Муз. из оп. «Риголетто» Д. Верди. — 12.03.

8. Вальс «Египетские ночи», муз. Фельдмана — 22.03.

9. Ф. Шопен. Ор. 69. № 2 — 15.03.

10. Бороджев. Молитва — 24.03.

11. А. Рубинштейн. Вальс-каприччио — 22.03.

12. Р. Штраус. Военный персидский марш — 21.03.

13. Л. Бетховен. Соната — 11.03.

14. Л. Бетховен. Соната № 2.

15. Леонкавалло. Пролог из оп. «Лазу...» — 07.06.

16. Л. Бетховен. «Алегретто» из 9-й сонаты — 07.04.

17. Л. Бетховен. Соната № 5 — 28.04.

18. Л. Бетховен. Соната № 341, начало — 09.05.

19. Л. Бетховен. Соната № 32 — 15.04.

20. Романс «Отцвели хризантемы» — 15.04.

21. Романс «У камина» — 20.05.

22. Шарабан (с комментариями) — 20.05.

23. П. Чайковский. Похороны куклы — 03.08.

24. Молдавский вальс — 03.08.

25. М. Глинка. Жаворонок (фантазия) — 04.08.

26. Марш. Неизвестный автор. — 14.07.

Рукопись второй части «Зачочных уроков» мне обнаружить не удалось, возможно, они остались в общей библиотеке.

Август явился последним месяцем в его работе. В начале этого месяца отец был назначен на заготовку дров (трудовая повинность). Он был совершенно не подготовлен к такому рода работе, не имел вдобавок теплой одежды. Будучи угнан с партией рабочих за несколько десятков верст, он находил отдых, как и другие, под открытым небом, и, конечно, это было равносильно смертному приговору. По возвращении с заготовок отец свалился — были задеты легкие по причине простуды организма, и после месячной тяжелой болезни он умер (18 сентября 1920 г. — Е.К.) от воспаления брюшины. Я в это время сидел в омской тюрьме (ликвидированная армия адм. Колчака была в Красноярске, откуда мне пришлось начать знакомство с этим «милым» учреждением). Отцу все было известно, и в последние минуты к мукам физическим добавились муки нравственные. Насколько тяжелым было материальное положение, можно судить по тому факту, что не на что было купить гроб и вырыть могилу. Однако отношение служащих к моему отцу было хорошим, положение известно, и его похороны оформили по подписному листу. После смерти семья решила перебраться в Тюмень, что и произошло в декабре 1920 года. Я же в это время путешествовал по России в plombированных вагонах и до-

шел до последнего этапа: был в Ленинграде, пройдя следствие и суд.

Наконец, всю партию арестантов (800 человек), бывших офицеров, вместе со мной сослали в Череповец, куда мы прибыли в мае 1921 г., до 22 мая я работал в типографии, после чего получил разрешение прибыть на работу, куда и приехал в июне месяце.

Ни инструментов, ни библиотеки не было и в помине. Нотные издания использовались на рынке на предмет упаковки мяса, масла и других продуктов. После долгих усилий и затрат мне удалось составить библиотеку для себя. Из инструментов пошло почти все. А ведь у отца были: подлинник Шерцера, подлинники Штрауфера, Архувена, Краснощекова и других мастеров. Кроме того, было до 200 инструментов высокой заграничной работы. Это были: 16-струнная очень удачная копия Шерцера, 14-струнная копия Штрауфера, пять 11-струнных копий Шерцера, восемь 11-струнных копий Штрауфера, десять 7-струнных копий Шерцера, десять 7-струнных копий Штрауфера, ценные итальянские модели, кварт-гитары, тер-гитары. После долгих усилий мне удалось собрать подлинник петроградского мастера Гейслера (ученик Архувена), инструмент был специально изготовлен для предполагаемого конкурса, затем две кварт-

гитары — копии Штрауфера (одна из них совершенно не обыграна), одну из спецзаказа мастера Шустера, одну лютню — 14-струнный гитарный строй, струны двойные, как у мандолины.

Из имеющихся инструментов могу уступить только одну гитару (контуры очертил и прилагаю). Этот инструмент карельского дерева с легкой инкрустацией на верхней доске. Гриф красного дерева, накладка черного дерева, лады волнообразные, механизм односторонний. Подставка сделана из алюминия, благодаря чему верхняя дека осталась целой. Эта гитара заграничной работы, на складе у отца находилась с 1908 года. Ее цена по прејскуранту — 125 рублей, сегодня мной оценена в 250 рублей. Если кому-нибудь из любителей гитары потребуется, могу уступить.

Последнее время зародилась мысль возродить издание для гитары, хотя бы в старых масштабах, и в этом направлении веду хлопоты. Думаю, к маю будет ясность в этом вопросе, однако борьба за существование отдаляет меня от гитары, а сильная контузия 1921 года мешает всецело отдаться музыке. Для первого письма, думаю, довольно. Если возникнут вопросы, потребуются сведения, отвечу.

Адрес (временный) — Свердловск, Малышева, дом 3.

Возможно, придется скоро уехать, так как по мне, как не члену союза, начинающаяся безработица хлестнула по первому.

С уважением Алексей Афромеев⁵⁸. 2.04.1926 г.»⁵⁹.

Таким образом, Алексей Максимович Афромеев представлял собой крупного издателя, основавшего в Тюмени первые журналы в двух выпусках (музыкальном и литературном) и первую ежедневную вечернюю газету. Весьма ощутим вклад Афромеева в развитие книгоиздательского дела Сибири, музыкальной культуры страны и Тюмени. Тюменские журналы Афромеева являлись единственными общемузыкальными журналами не только в провинции, но и в России.

Открытие 24 сентября 1988 г. педагогами-энтузиастами общественного музея-квартиры А.М. Афромеева в Тюменском училище искусств является своеобразным памятником тюменцев своему земляку.

Большой архивный материал о жизни и деятельности

А.М. Афромеева собран одним из создателей музея-квартиры А.М. Афромеева М.С. Яблоковым. Этот материал опубликован в книге «Классическая гитара в России и СССР. (Биографический музыкально-литературный словарь-справочник русских и советских деятелей гитары / Сост. М.С. Яблоков». Тюмень—Екатеринбург, 1992. Стб. С. 142—177).

В дореволюционной Тюмени совсем не издавалась детская литература. Сравнительно мало выходило религиозных книг. Они составляли 0,5% всех изданий, причем многие были посвящены истории семинарии, биографиям известных деятелей церкви. Мало выпускалось литературно-художественных изданий — 20% от общего количества печатаемых книг. Это определялось слабостью собственных литературных сил. С Тюменью не связано творчество крупнейших русских писателей. Однако здесь жили и работали детская писательница А.Д. Вернер, Н. А.

⁵⁸ Алексей Алексеевич Афромеев — гитарист-любитель, ученик своего отца Алексея Максимовича Афромеева, родился в 1888 г. в Тюмени. Умер 18 сентября 1929 года в Свердловске от туберкулеза легких. До службы в армии (служил офицером) работал наборщиком в электротипографии своего отца в Тюмени, в 1920-х годах по той же специальности в типографиях Свердловска, где им был организован кружок гитаристов в составе В.Е. Одинцова, Д.Д. Кочнева, В.В. Нестеровского, А.А. Анфиногенова. — См.: Классическая гитара в России и СССР: Биогр. муз.-лит. словарь-справ. русс. и сов. деятелей гитары / Сост. М.С. Яблоков. Тюмень—Екатеринбург, 1992. Стб. 139.

⁵⁹ Там же. Стб. 140—142.

Лухманова, В.В. Князев, П.А. Rogozinskiy, Н.М. Чукалдин, которых охотно печатали наиболее значительные журналы того времени («Русское богатство», «Современник», «Русский вестник»), отдельные издания их произведений выходили в Москве и Петербурге. В Тюмени произведения этих писателей публиковали в местной периодике («Ермак», «Сибирская торговая газета»).

Из книг наибольшую известность получили издания К.Н. Высоцкого (1875). Это альбомы карикатур художника М.С. Знаменского: «Моя поездка на кумыс. Клубные сонные грезы», «Обрыв». Роман классический, картинный, отменно длинный, длинный-длинный и сатирический, и чинный». Последний — сборник карикатур с едкими подписями под ними — направлен против знаменитого романа Гончарова «Обрыв». На титуле книги сатирически изображены персонажи романа. Далее следует 59 страниц с карикатурами на персонажей и на эпизоды романа. Автор книги «Друзья мои — книги» (М., 1976) Владимир Лидин подчеркнул, что «художник Знаменский, автор ряда остросоциальных карикатур, разделяя критику передовых писателей того времени, в том числе и Салтыкова-Щедрина, по-своему подверг роман кри-

тике, направив острие своих сатирических рисунков против бездейственного Райского и других персонажей романа. Следует надеяться, что это тюменское издание не дошло до Гончарова; оно, несомненно, обидело бы и еще больше огорчило и без того близко принимавшего к сердцу неудачи мнительного и одно время даже потерявшего веру в себя писателя».

Кроме упомянутой выше пьесы П.А. Rogozinskiy «Сброшенные оковы», в Тюмени (в типографии Крылова) были напечатаны пьеса журналиста и драматурга Георгия Николаевича Кгаевского «Кто из двух виноват?» — оригинальная драма в пяти действиях (1902 г.) и «Уголовно-ссылные» — пьеса в пяти действиях из сибирской жизни (1907 г.). К большому сожалению, об авторе этих пьес ничего неизвестно.

Связи книгоиздателей Тобольской губернии и других городов были разнообразными: это и личные контакты, и взаимное использование полиграфической базы, участие в периодических и книжных изданиях друг друга. Так, «Тюменский адресный календарь», полностью составленный и подготовленный в Тюмени П.С. Зайдманом, был напечатан в 1893 году в Екатеринбурге. Составленный в Тюмени ссылкой офицером, основателем Тюменской публичной библиотеки

А.В. Эркичевым⁶⁰, «Каталог книг и периодических изданий Тюменской публичной библиотеки» был напечатан в Казани в 1865 г. (в Тюмени тогда не работала ни одна типография). Книга «50-летие Ирбитского уездного училища (1820—1870)», напечатанная в 1871 году в типографии К.Н. Высоцкого, была составлена в Ирбите преподавателем истории и географии училища Василием Ивановичем Иконниковым.

В разделе книги, где дается описание преподавательского состава училища, автор пишет о себе: «На должность учителя истории и географии 17 января 1866 г. перемещен из Камышловского уездного училища... Иконников, уроженец г. Ирбита, из духовного звания, кончил курс в Пермской семинарии со званием студента и слушал лекции по историко-филологическому факультету в Казанском университете». Иконников В.И. был корреспондентом газет «Петербург», «Московские ведомости». В газете «Ирбитский ярмарочный листок» было опубликовано свыше 20 его статей⁶¹.

По внешнему виду продукция тюменских типографий отличается изяществом и вкусом. Поражает многообразие шрифтов, четкая печать, плотная бумага, разноцветные обложки. Зачастую тюменские издания были укра-

шены тонкими виньетками, заставками, обложки и заголовки иллюстрировались в духе времени. Для своих изданий владельцы типографий использовали разные шрифты, в том числе и иностранные. Типографии были технически хорошо оснащены.

Выходили издания самого разнообразного формата — от больших альбомов до малоформатных книжиц. По объему тюменские книги, как правило, были небольшие — до восьмидесяти страниц, но встречались и тома более ста страниц. И, как правило, преобладали мягкие обложки.

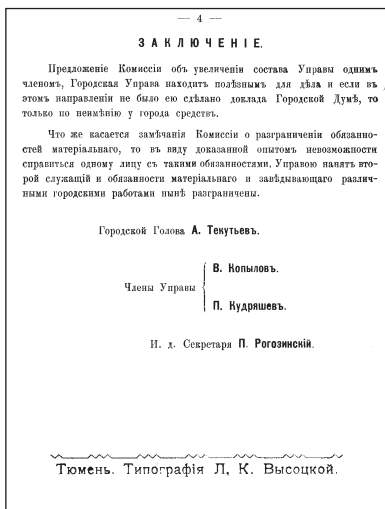
Тиражи изданий не превышали четырехсот экземпляров. Стоимость их была невысокой. Небольшие брошюры стоили от 15 до 50 копеек, а «солидные» издания — от одного до двух рублей. Следует отметить, что среди тюменских изданий, как и среди изданий в других провинциальных городах, были широко распространены перепечатки в виде брошюр наиболее интересных статей из местной периодики, пользовавшихся большим спросом у читателей. Эти публикации не в полном смысле слова можно назвать книгами. Одни из них являлись лишь авторскими «отписками», напечатанными по инициативе автора, причем за его счет, поэтому тиражи подобных изданий были мизерными (5—15

⁶⁰ Роцевская Л.П. Поведала книга... // Тюм. правда. 1986. 23 мая.

⁶¹ Иконников В.И. 50-летие Ирбитского уездного училища (1820—1870): Историческая записка. — Тюмень: Тип. К.Н. Высоцкой, 1871. С. 270.

экземпляров). Другие «оттиски» представляли собой механическое повторение газетного набора, в котором не только не было каких-либо украшений, иллюстраций, но даже обложек, титульных листов, самостоятельной нумерации страниц. Поэтому судить о времени и месте выхода в свет подобных брошюр можно лишь приблизительно, ориентируясь на газетные материалы.

К сожалению, не все тюменские издания дошли до наших дней. Сведения о них обнаруживают случайно в литературных и архивных источниках. Так, в сборнике «Историко-статистические сведения о Сибири и сопредельных ей странах» (Спб., 1875) была помещена реклама о выходе книги под названием «Западно-Сибирский календарь на 1876 год» (Тюмень, тип. К.Н. Высоцкого, 1876). Но увидел ли свет «Календарь» — сказать трудно, т.к. ни в частных каталогах, ни в каталогах крупнейших книгохранилищ, ни в библиографических указателях такого издания на текущий момент не выявлено. Как показывает собранный материал, тюменское книгоиздание было интересным, разнообразным и творческим, его отличал более высокий уровень по сравнению со многими другими уездными городами. Обращаясь к этим изданиям, представляющим громадную культурную ценность, можно получить представление не только о развитии печатного дела в дореволюционной

Страница из объяснений Тюменской городской управы на замечания Ревизионной комиссии по проверке отчета Управы за 1906 г. Издано в конце 1907— начале 1908 г. (из коллекции С. Кубочкина)

Тюмени, но и восстановить достоверную картину уровня развития здесь культуры, общественной мысли, науки и литературы. Анализируя печать, можно проследить, какие проблемы волновали тюменцев второй половины XIX—начала XX вв., в какой форме ставились эти проблемы, какими средствами разрешались.

Розыск книг дореволюционной Тюмени позволяет выявить незаслуженно забытые издания, повышает к ним интерес читателей. Для восполнения пробелов в истории тюменской книги необходим дальнейший поиск этих ценнейших материалов.

О церковном предательстве в русском православии

Ортодоксия, и как слово, и как суть, не только трудно воспринимается на слух. Она, замешанная на мстительности, зависти и осуждении, изначально свергла нашу родину и ее оплот — Православную Церковь — в узко конфессиональную политическую игру «правых» и «левых». Обращая взор на день вчерашний нашей многострадальной истории, мы должны признать, что время прежних социальных формаций, воспевающих так называемую «свободу совести», иссякло, испепелилось, кануло в Лету. Попытка воскресить эту позорную страницу подобна самоубийству, желанию повторить пройденное, которое не только злобно и мрачно, но прежде всего античеловечно. Пример взаимоотношения власти с Русской Церковью тому яркое свидетельство. И началось оно даже не с первых дней октября 1917 года, а значительно раньше, с тех самых времен, когда сторонники ортодоксии объединились в партию РСДРП. В ней были заложены те идеологические предпосылки, которыми ее приверженцы и вершители судеб тысяч россиян руководствовались почти целое столетие.

Заколдованная, загипнотизированная конфессия, отказывающаяся пустить Бога в свои алтари, не может отказаться от

институциональных печатей большевизма, от мертвящих образов и форм вчерашнего правления, заговорила сегодня о дроблении нашей епархии, полагая, что уже забыты страницы раскола церкви, предпринятые в 1922 году. Тогда, используя в качестве прикрытия Декрет ВЦИК от 23 февраля 1922 года «Об изъятии церковных ценностей», партийные органы поставили своей целью начать раскол в среде русского духовенства. С легкой руки оппозиционеров в среде духовных лиц русское православие оказалось свергнутым в противоборство с так называемой «светлой эсхатологией» красных богословов. Духовно-позитивное явление — обновленчество, по мнению его сторонников, ниспосланное самим Богом для возрождения «истинного христианства», сочло идеи коммунизма своим основанием и идеалом для подражания. По их мнению выходило, что Христос пришел в мир для того, чтобы Ленин в 1917 году совершил Октябрьскую революцию. В контексте этих чудовищных схем вождь пролетариата оказался как бы новым Иоанном Крестителем, Сталин — новым Моисеем-мессией, а учрежденный на крови и трупах богоненавистнический строй есть завершение христианских идеалов.

После Декрета об отделении церкви от государства (21 января 1918 г.), узаконившего негласное гонение на верующих правительством «октябрьских завоевателей», несколько раз предпринимались попытки провоцирования духовенства на открытое выступление против власти (к примеру, издание циркуляра НКЮ от 25 августа 1920 года о «полной ликвидации мошей»), чтобы разгромить его силой, и лишь в начале 1922 года была взята на вооружение новая тактика борьбы с Церковью в России. Ее смысл заключался в расколе духовенства изнутри. Оппозиционное движение, возникшее в духовной среде весной 1922 года, существовало в виде реформаторских групп «Живая церковь» («живоцерковники», «живцы»), «Союз церковного возрождения», «Народная церковь» и многих других. Вскоре оппозиция объединилась под знаменем Высшего Церковного Управления (ВЦУ), призванного заменить патриарха Тихона (В.И. Беляев, 1865—1925), который не признавал обновленцев и предал их анафеме. Однако обновленческий собор лишил Тихона сана. А ВЦУ вскоре было преобразовано в Высший Церковный Совет (ВЦС). На смену это-

му Совету пришел обновленческий Синод с митрополитом во главе: до 1925 года этот пост занимал Евдоким (Мещерский), до 1930-го — Вениамин (Муратовский), а после — Виталий (А.И. Введенский, 1888—1946).

Всевозможные Арии, Нестории, стригольники, с которыми боролась Церковь, — просто малые дети по сравнению с красноцерковниками: они-то как раз пеклись о святости, быть может, не чувствуя церковной иерархии, по-своему ревнуя о чистоте церковных идеалов. Следы невидимого раскола, руководимого партией большевиков, искусно направлялись органами ОГПУ и на территории Тюменской губернии, привели к созданию Тюменского Временного Церковного Управления (ТВЦУ, или ТюмЦУ)¹. Это совпало с шумной, но строго секретной акцией Советского правительства изъятием церковных ценностей, вызвавшим целый ряд выступлений верующих и духовенства. Вследствие этого было несколько судебных процессов, один из которых состоялся над правящим епископом Тобольско-Сибирской епархии Иринархом (И.Д. Синеоков-Андреевский), приговоренным к трехлетнему заключению². Его место занял архиепископ Нико-

¹ *Темплинг В.Я.* Православная церковь Тюменской губернии в первые годы строительства Советской власти (1921—1923 гг.)//Религия и церковь в Сибири. Тюмень, 1994. Вып. 7. С. 43—55.

² *Петрушин А.А.* Епископ Иринарх Синеоков-Андреевский: я терпимо относился ко всякой гражданской власти, в том числе и к Советской//Религия и церковь в Сибири. Тюмень, 1922. Вып. 4. С. 30—40.

лай, ставленник «живоцерковников». В июне 1922 года группа тюменских священников с благословения епископа Иринарха, возглавляемая настоятелем Вознесенской (Георгиевский) церкви В.А. Марсовым, направляет своего делегата в Москву для получения санкции от ВЦУ о создании самостоятельной Тюменской епархии. Этим посланником был священник Спасской церкви Илья Популов. Состав новой епархиальной власти, сконструированной по рекомендации Иринарха, целиком состоял из обновленцев, но не признававших власти архиепископа Николая. В него вошли протоиереи С.В. Виноградов и В.А. Марсов; священники И.Г. Популов, Н.П. Ребрин и А.А. Тоболкин; миряне М.А. Кордовский, С.М. Кузьмичев и Н.П. Тарков³. Пожалуй, единственным из священнослужителей города, не примкнувшим к обновленчеству, был иерей Ильинской церкви Н.А. Протопопов, позже арестованный и репрессированный органами ОГПУ, как и многие впоследствии «живоцерковники»⁴. Приняв на себя епархиальную власть, его члены целиком подчинялись Иринарху, направляемым им из рэбдома (тюрьмы) директивам. Естественно, архиепископ Николай был возмущен действиями тюменского духовенства и не пре-

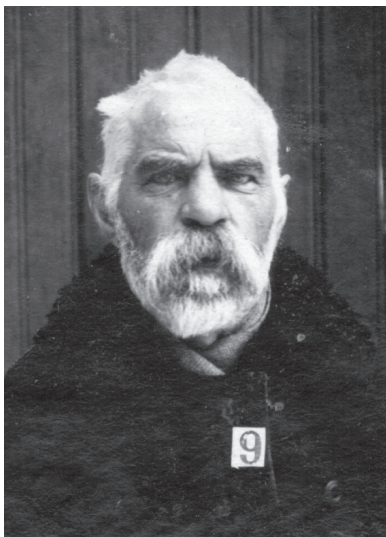
*Лев Яковлевич Кондаков,
священник Ильинской церкви*

минул чуть ли не предать их анафеме⁵. Еще 2 июня 1922 года, когда дошли слухи о готовящемся благочинническом собрании, он предложил всему духовенству епархии, и особенно тюменскому, руководствоваться в своей деятельности только его распоряжениями. Привыкший к слепому повиновению подчиненных, владыка, узнав о случившемся, в своем архипастырском послании обрушил гнев на раскольников. Обвиняя деятелей ТюмЦУ в неканоничности их действий, он обещал непокорным «ад на том

³ ТОЦДНИ (Тюменский областной центр документации новейшей истории). Ф. П-1. Оп. 5. Д. 183. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 2об.

⁵ ТОЦДНИ. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 27. Л. 171 и об.

*А.А. Тоболкин,
священник Спасской церкви*

свете», требовал прекратить «самоуправство» и «отсебячину». В противном случае призывал все духовенство и верующих епархии не признавать правомерности действий непокорных и не входить с ними ни в какие отношения. Спустя неделю после официального объявления об отколе от Тобольской епархии (7 августа 1922 года) Николай вновь пытался припугнуть «самозванцев, ставя им на вид незаконность и антиканоничность их действий». В свою очередь тюменцы в ответном послании писали: «...Кому люб архиепископ Нико-

лай, тот имеет полную возможность и должен откочевать в пределы управляемой последним территории, оставивши пределы епархии Тюменской, всем таким сторонникам архиепископа с удовлетворением будет сказано: скатертью дорога»⁶.

Вскоре влияние ТюмЦУ возымело свои плоды в Туринском уезде, но подстрекаемые протоиереем Андреем Чудовым духовные отцы перешли на сторону прежнего архипастыря. Тогда ТюмЦУ командировал В.А. Марсова в Москву для получения надлежащих директив. Результатами этой поездки стали отставка архиепископа Николая «на покой», присоединение Туринского уезда к Тюменской епархии и признание ялutorовским духовенством своей зависимости от Тюмени. Тем временем губком партии распространяет циркулярное послание, в котором партийцев настойчиво призывали «изолировать верхи церкви от паствы, скомпрометировать их на конкретном материале помощи голодающим». Этой акцией намеревались показать духовенству «суровую руку рабочего государства, поскольку эти верхи осмеливаются восставать против него»⁷. Последняя секретная депеша была вызвана новым судебным процессом над епископом Иринархом после

⁶ Там же. Л. 76.

⁷ ГАТО (Государственный архив Тюменской области). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 279. Обл. Л. 20.

*В.А. Марсов,
настоятель Георгиевской церкви*

обнаружения в тайниках Тюменского Троицкого монастыря церковных ценностей, скрытых во время изъятия. Оставшееся без духовного окропления духовенство и верующие огромной Тюменской губернии вынуждены были обратиться к ВЦУ о назначении новых архипастырей, а временно создать в Тобольском и Ишимском уездах самостоятельные епархиальные управления. Обратившись за разрешением созыва своих епархиальных съездов, тоболяки и ишимцы не дождались ответа на свои ходатайства, и лишь в начале 1923 года к ним пожаловали новые владыки. В

ответе же Тюменского ОГПУ на просьбу тоболяков 16 января 1923 года в адрес губернского исполкома последовало совершенно секретное предписание за подписью его начальника Н.А. Долгирева: «Возвращая при сем переписку на трех листах по поводу созыва тобольского Съезда духовенства и мирян, губотдел ГПУ ввиду того, что по имеющимся сведениям данный съезд будет носить чисто реакционный характер и его решения могут иметь совершенно нежелательные для Советской власти последствия, просит Вас в выдаче разрешения на созыв такого категорически отказать, выставляя однако из тактических соображений посторонние причины, а именно: несоблюдение инициаторами съезда необходимых формальностей, точно регламентированных инструкцией ВЦИК по выдаче разрешений на созыв съездов и собраний различных организаций, союзов и объединений от 10 августа 1922 года»⁸.

Вынужденный в декабре 1922 года покинуть Тобольскую епархию, архиепископ Николай улучшил настроение обновленческого духовенства губернии, облегчив последним борьбу с тихоновцами, хотя сам при назначении на древнейшую кафедру Сибири заигрывал с большевиками, особенно в период изъятия церковных ценностей, грозя своим подчинен-

⁸ ГАТО. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 17. Л. 43 и об.

ным отлучением от церкви, если они не будут покладистыми с Советами. Противник обновленцев туринский священник Андрей Чудов также был вызван в губотдел ГПУ, после чего выразил свою «лояльность» к ВЦУ. И все же «живцы» не пользовались авторитетом у населения, а назначенные СибЦУ епископы Алексей (А.П. Копытов) в Тюмень и Михаил (Николаев) в Тобольск лишь до освобождения из-под стражи патриарха Тихона имели некоторый успех в глазах верующих. После обновленческого собора в середине 1923 года, участники которого высказались в поддержку Советской власти и решили перестроить богослужебную практику на новый лад, отмечая религиозные праздники по новому стилю, их влияние катастрофически пало, но дробление епархии на более мелкие церковно-административные единицы не прекратилось. Ялуторовск и Ишим стали самостоятельными епархиальными центрами, а борьба обновленцев и староцерковников разгорелась с новой силой. Некоторые священнослужители, не желая следовать нововведениям и подчиняться обновленцам, предпринимают попытку создания новых самостоятельных религиозных объединений. В их числе священник Герасим Шорец, организатор Усть-Ламенского «Сестриче-

*И.Г. Популов,
священник Спасской церкви*

ства» в мае 1923 года в Ишимском уезде, под знамена которого встали около трехсот верующих женщин⁹.

В секретных донесениях Тюменского ОГПУ отмечалась также враждебность верующих к своим архипастырям, нежелание следовать их установлениям. Так, 12 июля 1923 года (ставший уже архиепископом) Алексей Тюменский на одном из собраний объявил верующим о закрытии Свято-Троицкого монастыря в Тюмени. «Среди собравшихся, — как отмечали чекисты, — поднялся шум, были выкрики по отношению к архиепископу... Часть мона-

⁹ ТОЦДНИ. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 57. Л. 110 и об.

хов заявила, что они не подчиняются ВЦУ и архиепископу Алексию. (Подробный доклад посылается нами непосредственно в СО ГПУ)... Переход празднования Петрова дня и вообще всех праздников на новый стиль встречен крестьянством и вообще обывателями недоброжелательно, причем большинство Петров день праздновали по старому стилю»¹⁰. Даже само назначение архиепископа Алексия рассматривалось тихоновцами как нарушение принципа соборности, а священник Лев Кондаков во всеуслышание заявил: «В гражданском мире существует диктатура пролетариата. Это нам не нравится, поэтому мы не должны допускать, чтобы у нас группа «Живой церкви» имела давление на всех»¹¹. А на пасхальной неделе крестьяне деревни Гольшевой Липчинской волости Тюменского уезда открыто заявили: «Нам попов-коммунистов не нужно. Смотрите, люди, ведь наш батюшка в коммунистической ризе, а по ней звездочки с молотом и серпом». Священник был одет в ризу красного цвета»¹².

Ко времени второго обновленческого собора (1925 г.), на котором «живцы» рассчитывали примириться с тихоновцами, на территории губернии

возникает новая, теперь уже старообрядческая епархия с центром в селе Бердюжье Ишимского уезда. Таким образом, верующих Тюменской губернии возглавляли сразу пять архипастырей. С расколом же «живцов» из их стана обособилась группа во главе с одним из первых обновленческих иерархов Антонином (А.А. Грановским), возведенным последними в сан митрополита, и получившая название «Союз церковного возрождения». Программа его была более умеренной, чем установки живоцерковников. Основное внимание в ней уделялось социальному аспекту православия, исключая модернизацию канонов. На первое место ставились значительные перемены в обрядности: проведение богослужения на родном языке (русском, украинском, белорусском, грузинском, армянском и т.д.), освобождение его от некоторых элементов магии, помещение престола в центре храма, а не в алтаре, более широкое привлечение верующих (мирян) во всех органах церковного управления¹³ и т.д. Этот раскол вконец лишил обновленцев жизнеспособности, и в результате переговоров высшего духовенства с органами НКВД и ОГПУ в 1925 году был учрежден времен-

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Христианство: Словарь. М.: Республика, 1994. С. 446.

Еп. Иринарх

ный патриарший Синод, во главе которого стал митрополит Сергей (И.Н. Страгородский, 1867—1944), призвавший духовенство и мирян к лояльности по отношению к Советской власти (так называемая «Декларация митрополита Сергея» от 29 июля 1927 года). В период с 1925-го по 1937 годы деятельность ставленников митрополита Сергея в нашей губернии переносится вновь в Тобольск, и до расстрела 23 августа 1937 года последнего архипастыря (с 30 января 1937 года — архиепископа) Артемия (А.М. Ильинский, управлял епархией в 1930—1937 гг.) Сибирскую кафедру поочередно занимали:

епископ Даниил (1925—1926 г.), архиепископы Петр (1926—1927 г.) и Андрей (1927—1928 г.), епископы Николай (1928 г.) и Виктор (1928 г.), архиепископ Сергей (1929—1930 г.). Лишь в феврале 1990 года вновь была учреждена Тобольско-Тюменская епархия.

Неприязнь верующих к обновленцам-раскольникам была повсеместной в России, а реакция на их программные установки — однозначной: относительно политической ориентации в основном одобрительной, по отношению к церковным реформам (о женатом епископате, второбрачии духовенства и др.) — отрицательной. Когда 22 апреля 1923 года в тюменском Троицком монастыре проходило собрание мирян, обсуждавших вопрос о сборе денег архиепископу Алексию для поездки на поместный собор, в толпе верующих слышались реплики в его адрес, а одна гражданка открыто заявила, что «денег для поездки архиерею давать не нужно, так как он едет для укрепления на Руси ереси, молиться за разбойников и разрушителей веры, что лучшие священники сидят в тюрьмах, а поэтому деньги лучше собрать и дать епископу Иринарху, находящемуся в тюрьме»¹⁴. Столь же сложными были отношения верующих с государством. В начале 1920 года священник села Юровского Тобольского уезда

¹⁴ ТОЦДНИ. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 57. Об. л. 79—80.

Николай Вербицкий отказался от прихода, но односельчане воспротивились регистрировать браки «по-граждански». А.В. Семаков, лидер большевиков, опубликовал резкую статью, где пытался доказать, что Советская власть не нуждается ни в священниках, ни в религии: «Никаких советских попов нет, остались только старые. Без попов живется легче, товарищи юровцы», — юродствовал автор¹⁵. Стражи порядка отмечали полное равнодушие к болезни Ленина со стороны большей части населения губернии, а в Сургутском уезде циркулировал слух о явлении одному из ханты видения, когда во сне к нему обратился сам Христос, сказавший: «Иди и скажи людям, что Бог есть, путь они верят и живут по-старому. Если же они не поверят, то покажи вот этот камень», — и бросил его к ногам ханты¹⁶. В деревне Скородум Ялуторовского уезда во время моления старообрядцев происходило собрание местной партийки. Узнав об этом, возбужденные верующие с дубьем и камнями направились к волисполкому громить «краснопузых». Лишь наличие у последних винтовок охладило пыл разгоряченной толпы¹⁷. 31 октября 1923 года в Ишиме по инициа-

тиве коммунистов был устроен платный диспут в пользу МОП-РА¹⁸ на тему «Происхождение человека». Докладчиком был известный лидер местных партийцев Т.Д. Корушин. Когда секретарем укома партии Г.И. Спижарским предложено было собравшимся (более 500 человек) вынести резолюцию, что человек произошел не по воле Бога, а от обезьяны, голосовали лишь 25 процентов коммунистов, присутствовавших на диспуте, все остальные покинули зал.

Определенная нормализация взаимоотношений церкви и государства намечается лишь в годы Великой Отечественной войны, когда в стране осталось всего четыре дееспособных иерарха, а советские люди безвозмездно жертвовали свои кровные сбережения во имя спасения родины и победы над фашизмом. Правда, в конце 50-х—начале 60-х годов эта неприязнь правительства опять возвращается в прежнее русло. Кому не памятли хрущевские головотяпские постановления «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» (7 июля 1954 г.) или «Об ошибках в проведении атеистической пропаганды среди населения» (10 но-

¹⁵ Семаков А. Требуют Советского священника//Изв. Тобол. воен.-революц. ком-та и Тобол. гор. ком-та РКП(б). 1920, 13 февраля.

¹⁶ ТОЦДНИ. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 57. Л. 80 об.

¹⁷ Там же. Л. 81 об.

¹⁸ МОПР — Международное объединение пролетарских революционеров.

ября 1954 г.), сыгравшие свою всесокрушающую роль в усугублении взаимоотношений церкви и государства¹⁹. Под стать коммунистам, организаторам раскола РПЦ, были их подручные — комсомольцы, крикливые заводилы безбожных акций. В один из периодов ужесточения политики атеистов к церкви Тюменский обком ВЛКСМ подготавливает и распространяет среди членов Союза молодежи области совершенно секретное постановление «О состоянии и мерах по усилению атеистического воспитания молодежи» (23 июля 1982 г.), в котором призывает единомышленников резко изменить свою «умеренную» позицию в отношении верующих²⁰.

Ставя точку на этом историческом эпизоде, мы не просто желали проиллюстрировать

его довольно убедительным фактологическим материалом, чтобы было ясно, чем может обернуться новый дележ региона, который недавно предлагали в городе Когалыма, в какой бы это сфере ни произошло: административно-географической, духовно-религиозной или производственно-практической. Если целью достижения поставить совершенство, завет святости и правды, а в основание положить идеалы боготерпимости и всепрощения, если вспомнить, что мы уже на пороге XXI века, то отпадет вопрос только о возрождении святых обителей в северных краях Тюменщины, слава Богу, есть там молельщики за веру и Церковь Православную, главное, чтобы в мире живых и мертвых открылись принципиально новые духовные пути к Богу.

¹⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1985). М., 1985. Т. 8. СС. 428—432, 446—450.

²⁰ ТОЦДНИ. Ф. 1444. Оп. 50. Д. 20. Л. 177—179.